

ISSN 2218-7405 (online)

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Основан в 2009 г.
Том 9, № 4, 2018

Главный редактор – **В.Н. Абросимов**
Зам. главного редактора – **Т.А. Магсумов, П.А. Кисляков**
Шеф-редактор – **Максимов Я.А.**
Выпускающие редакторы – **Доценко Д.В., Максимова Н.А.**
Корректор – **Зливко С.Д.**
Компьютерная верстка, дизайн – **Орлов Р.В.**
Технический редактор, администратор сайта – **Бяков Ю.В.**

RUSSIAN JOURNAL OF EDUCATION AND PSYCHOLOGY

Founded in 2009
Volume 9, Number 4, 2018

Editor-in-Chief – **V.N. Abrosimov**
Deputy Editors – **T.A. Magsumov, P.A. Kislyakov**
Chief Editor – **Ya.A. Maksimov**
Managing Editors – **D.V. Dotsenko, N.A. Maksimova**
Language Editor – **S.D. Zlivko**
Design and Layout – **R.V. Orlov**
Support Contact – **Yu.V. Byakov**

Красноярск, 2018
Научно-Инновационный Центр

Krasnoyarsk, 2018

Science and Innovation Center Publishing House

12+

Современные исследования социальных проблем, Том 9, № 4, 2018, 180 с.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-39175 от 17.03.2010) и Международным центром ISSN (ISSN 2218-7405).

Журнал выходит ежемесячно

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в Научной электронной библиотеке в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). ИФ РИНЦ 2016 = 0,242.

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: sisp@nkras.ru

<http://ej.soc-journal.ru/>

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Russian Journal of Education and Psychology, Volume 9, Number 4, 2018, 180 p.

The edition is registered (certificate of registry EL № FS 77-39175) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2218-7405).

The journal is published monthly

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI). IF RSCI 2016 = 0,242.

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: sisp@nkras.ru

<http://ej.soc-journal.ru/>

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2018

Члены редакционной коллегии

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО Нижегородская ГСХА (Нижний Новгород, Российская Федерация);

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента Филиала ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация);

Шмелева Елена Александровна – доктор психологических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, Шуйский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Ивановский государственный университет" (Шуя, Российская Федерация);

Ившина Галина Васильевна – доктор педагогических наук, профессор, директор Научно-технической библиотеки КНИТУ-КАИ им.А.Н. Туполева (Казань, Российская Федерация);

Аминов Тахир Мажитович – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (Уфа, Российская Федерация);

Ибрагимов Гасангусейн Ибрагимович – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАН, профессор кафедры инженерной педагогики и психологии Центра переподготовки и повышения квалификации преподавателей вузов, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Казанский национальный исследовательский технологический университет» (Казань, Российская Федерация);

Каменский Алексей Михайлович – доктор педагогических наук, доцент, директор ГБОУ лицея №590 Красносельского района Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Чернявская Валентина Станиславовна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры философии и юридической психологии, ФГБОУ ВО "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса" (Владивосток, Российская Федерация);

Волкова Марина Владиславовна – доктор педагогических наук, директор ЧУ "НИИ Педагогики и Психологии" (Чебоксары, Российская Федерация);

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Фролов Илья Николаевич – кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского» (Липецк, Российская Федерация);

Денисенко Фелицата Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики детства, иностранных языков, информатики и частных методик ФГБОУ ВО "Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева" (Красноярск, Российская Федерация);

Бобкова Елена Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры прикладной экономики и менеджмента, Самарский филиал Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет» (Самара, Российская Федерация);

Трушников Денис Юрьевич – кандидат педагогических наук, зам. по УМР, Государственное автономное общеобразовательное учреждение Тюменской области «Физико-математическая школа» (Тюмень, Российская Федерация);

Наумов Петр Юрьевич – кандидат педагогических наук, помощник начальника отделения правовой работы ФГКУЗ "Главный военный клинический госпиталь войск национальной гвардии Российской Федерации" (Балашиха, Московская обл., Российская Федерация);

Финогенова Ольга Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной педагогики Института педагогики, психологии и социологии ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация);

Дьячков Алексей Анатольевич – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры общей и прикладной психологии, Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры культурологии и антропологии ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры» (Москва, Российская Федерация).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

PSYCHOLOGICAL STUDIES

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-4-5-21

УДК 316.6

ПРЕДПОЧТЕНИЕ СТИЛЕВОГО ОФОРМЛЕНИЯ КОМНАТЫ В СВЯЗИ С ЛИЧНОСТНЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ У ЖЕНЩИН

*Кузнецова И.В., Юмкина Е.А., Доминяк В.И.,
Казанцева Т.В.*

***Цель исследования.** Статья посвящена результатам пилотажного исследования, цель которого состояла в выявлении взаимосвязей предпочтений стилового оформления комнаты женщинами с особенностями их личности.*

***Метод или методология проведения работы.** Использовались опросные методы, направленные на диагностику ценностных ориентаций (ЦО-36, Куницыной В.Н., 2012); многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла (форма С), специально разработанная процедура ранжирования фотографий с изображением интерьеров и анкета, направленная на выявление социально-демографических особенностей респондентов. Математическая обработка данных осуществлялась при помощи χ^2 Пирсона, корреляционного анализа (коэффициент r -Спирмана) программы IBM SPSS 20.*

***Результаты работы.** В результате исследования подтвердились выдвинутые гипотезы о наличии взаимосвязей между предпочитаемым стилем интерьера и устойчивыми чертами личности респонденток. Новизна исследования состоит в том,*

что полученные данные позволяют очертить спектр личностных качеств, которые находят специфическое преломление в интерьере жилища.

Выводы. В стилевых предпочтениях находят выражение следующие классы личностных качеств: особенности эмоциональной экспрессии, стиль мышления и организации деятельности, отношение к ограничениям и традициям, отношение к людям в целом (коммуникативные свойства), отношение к собственным потребностям и собственной значимости.

Область применения результатов. Сформулированные выводы могут быть использованы при учете индивидуальных особенностей клиентов, обращающихся за услугами проектирования дизайна интерьера, а также при формировании рекламных предложений в сфере продаж мебели и аксессуаров для дома.

Ключевые слова: психология жилой среды; стилевое оформление комнаты; личностные особенности женщин.

INTERIOR STYLE PREFERENCE AND PERSONALITY CHARACTERISTICS OF WOMEN

*Kuznetsova I.V., Yumkina E.A., Dominyak V.I.,
Kazantseva T.V.*

Purpose. The article presents the results of a pilot study which examined the link between women's preferences in the interior design and their personality characteristics.

Methodology. The design of research work is correlation. Questionnaire methods were used to assess value orientations (VO-36, Kunitsyna, 2012); personality traits (Cattell's Sixteen Personality Factor Questionnaire, Form C), socio-demographic characteristics of the respondents. As for design preferences, a special procedure of ranking the photos with images of interiors was developed. The data were processed using Pierson's Chi-square and correlation analysis (r -Spearman coefficient) in the IBM SPSS 20 software.

Results. *The suggestion about correlation between women's mental representation about ideal home and some of their personal features was confirmed.*

Final results. *Based on the data obtained from the pilot study, it can be said that the following classes of personality qualities are expressed in interior style preferences: the specifics of emotion expression; style of thinking and activity organization; attitude to limitations and traditions; attitude to people in general (communication traits); attitude to one's own needs and personal self-importance. Value orientations of the individual are also concordant with the basic idea of style.*

Practical implications. *The conclusions might be used in taking into account of individual characteristics of clients who apply for interior design services, as well as in the formation of promotional offers in the sale of furniture and home accessories.*

Keywords: *psychology of living environment; interior style; personal lifestyle; personality characteristics of women.*

Введение

Личность человека имеет многогранные проявления в привычках, поступках, словах, т.е. во всем комплексе поведения. В последнее время внимание исследователей привлекло то, каким образом личностные особенности выражаются в способах структурирования человеком материально-предметной среды своего существования (например, рабочего стола, комнаты, дома, садового участка). Важными отправными точками здесь являются представления о психологическом или социально-психологическом пространстве личности (Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б., 2012), суверенности психологического пространства (Нартова-Бочавер С.К., 2004). Территориальность – свойство человека как биосоциального существа – лежащая в основе перечисленных феноменов, предполагает целый комплекс целеориентированного поведения личности, которое получило свое обобщение в таких концептах, как «стиль», в частности, «стиль жизни личности» [17] [9], «стиль поведения» [15]. Научная проблема предлагаемого исследования может быть сформулирова-

на как снижение противоречия между внушительным числом теоретических моделей о соотношении материально-предметного и психологического пространства личности и недостатком эмпирических исследований, раскрывающих конкретные закономерности создания личностью среды своего существования.

Литературный обзор

Анализ литературы выявляет несколько проблемных моментов. С одной стороны, «стиль» относится к междисциплинарным понятиям, и в каждой области знания существуют свои особенности его определения. С другой стороны, внутри отдельной предметной области отсутствует единство мнений относительно этого феномена. Традиционно, «стиль» относится к области эстетики, в которой он определяется как «... структурное единство образной системы и приемов художественного выражения, порождаемое живой практикой архитектуры, изобразительного и декоративно-прикладного искусства» [19, 333], обращается внимание на его приуроченность к определенной эпохе, идеологии, а также индивидуальной манере и мировоззрению художника. Тогда стиль интерьера – это структурное единство в способах оформления вещественной среды какого-то помещения. Отражение в художественном стиле духа времени и мировоззрения эпохи указывает на то, что его сущность составляет выражение определенных ценностей.

Проблема стиля жизни личности затрагивается в работах философов, социологов и психологов. В философской литературе отмечается, что «стилеобразующая деятельность» направлена на самоидентификацию субъекта культуры [10]. В социологии «стиль жизни» рассматривается в связи с понятиями «образ жизни» и «способ жизни». Если образ жизни относится к фундаментальным категориям анализа устойчивых форм жизнедеятельности людей, то, по мнению А.А. Возмителя и Г.И. Осадчей, «... стиль жизни характеризует лишь та часть повседневного поведения, ценностных ориентации и создаваемой самим человеком среды обитания (жилище, вещи и т.п.), которая, с одной стороны, способствует его идентификации с определенной группой (ее образом), а с другой, – выделяет (отли-

чает) ту или иную группу среди других человеческих групп...» [7, 63]. Понятие «стиль жизни» входит в аппарат социально-психологического анализа и позволяет охватывать область социального самоопределения личности во всей целостности.

В психологии стиль жизни личности определяют как «уникальный, стойкий способ действий, поведения человека; который объединяет в себе мотивы, черты, интересы, ценности человека и проявляется во всем его поведении» [2].

Общее в различных определениях стиля послужило основой для разработки дизайна настоящего исследования, опирающегося на предположение о том, что предпочтение определенного стиля интерьера связано с устойчивыми, т.е. стилевыми, особенностями личности. Данная проблема относится к такой сравнительно молодой области психологического знания, как психология дома [24] или психология жилой среды [18]. Существуют нюансы, отличающие различные исследовательские подходы к тому, какая именно личностная структура отражается в домашнем пространстве: ценностные ориентации и образ жизни человека [25], идентичность с семьей [21], значимые отношения и мировоззрение личности [20], личностные смыслы, составляющие основу «Я-концепции» [23] [22], потребности личности [4], [16]. Общее в этом ряду то, что перечисленные понятия образуют континуум, на одном полюсе которого располагается все, что относится к уникальному миру человека, а на другом – все, что связывает личность с миром других людей.

С нашей точки зрения, домашняя среда, предпочитаемый стиль ее оформления выражает синтетическое единство индивидуального и социального в личности, что подтверждается и имеющейся литературой [5] [6] [11], [13].

Постановка задачи

Частными гипотезами нашего исследования стали:

А) Предпочитаемый стиль в оформлении комнаты связан с личностными особенностями, в частности, с экспрессивными и коммуникативными свойствами личности;

Б) Ценностные ориентации могут проявляться в предпочитаемом стиле оформлении комнаты, обнаруживая связи с основным смысловым содержанием данного стиля.

Процедура и методы исследования

Предметом изучения стали личностные особенности женщин, проявляемые в связи с предпочитаемым стилевым оформлением комнаты. В целях проведения пилотажного исследования в 2017 году были опрошены 24 женщины, проживающие в Санкт-Петербурге, в возрасте от 30 до 55 лет (средний возраст респондентов – 43,6, стандартное отклонение 9,372). 50% из них имеют высшее образование, 33,3% – ученую степень.

Каждой испытуемой предлагался для заполнения пакет методик: набор фотографий комнат, выполненные в различных стилях (авангард, классицизм, скандинавский стиль и др.) (разработка Е.А. Юмкиной), методика Ценностные ориентации – 36 (Куницына В.Н., 2012); многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла (форма С) и анкета, направленная на выявление социально-демографических особенностей респондентов.

Процедура исследования предполагала, что на первом этапе испытуемая выбирает из предложенных фотографий комнат пять наиболее понравившихся, т.е. таких, дизайнерские решения которых она хотела бы реализовать в интерьере своего собственного дома. Далее заполнялись опросники на оценку ценностных ориентаций и личностных свойств.

Математическая обработка данных осуществлялась при помощи χ^2 Пирсона, корреляционного анализа (коэффициент г-Спирмана) в программе IBM SPSS 20.

Описание результатов исследования

В исследовании использовались изображения 25 стилей оформления комнаты. Наиболее предпочитаемыми были названы 6 стилей (начиная от самого популярного) – «прованс», «шебби-шик», «кантри», «средиземноморский», «авангард», «английский» стили.

Корреляционный анализ позволил выявить взаимосвязь между рядом личностных особенностей и предпочитаемыми интерьерами. Так, стиль «прованс» и «кантри» чаще выбирают общительные, открытые респонденты (фактор А, $p=0,016$ и $p=0,004$ соответственно), характеризующиеся жизнерадостностью и импульсивностью (фактор F, $p=0,013$ и $p=0,001$ соответственно). При этом для выбирающих стиль «кантри» также характерны спонтанность и активность (фактор Н, $p=0,024$), а также чувствительность к мнению окружающих (фактор О, $p=0,045$).

Стиль «Шебби-шик» более высоко оценивают респонденты импульсивные (фактор G, $p=0,041$). Выбирающие «средиземноморский» стиль отличаются конкретностью и некоторой ригидностью мышления (фактор В, $p=0,014$). Стиль «авангард» отмечают люди эмоционально сдержанные, осторожные и внимательные к другим (фактор Н, $p=0,048$). Предпочитающие «английский стиль» характеризуются большей открытостью, добродушием и уступчивостью (фактор L, $p=0,006$), а также внутренним спокойствием и невозмутимостью (фактор Q4, $p=0,020$).

Рассмотрим взаимосвязь выборов предпочитаемых интерьеров и ценностных ориентаций. Так, стиль «прованс» выбирают респонденты, высоко оценивающие ценность «потакание себе» (делать только то, что приятно) ($p=0,049$) и низко оценивающие ценность «мудрость» (зрелое, выстраданное понимание и отношение к жизни и людям) ($p=0,038$). Стиль «шебби-шик» выбирают респонденты, высоко оценивающие ценность «зрелая любовь» (глубокая эмоциональная и духовная близость) ($p=0,016$) и низко оценивающие ценности «полезность» (Стремление приносить пользу другим людям) ($p=0,041$), «ответственность» (надежность, верность в деле и слове) ($p=0,039$) и «терпимость» (снисходительность, терпимость к отличающимся идеям, мнениям, убеждениям готовность понять и простить ошибки других) ($p=0,026$). Стиль «кантри» более высоко оценивают респонденты, для которых важны ценности «религиозность» (вера в высшие силы, приверженность к определенной вере) и «вежливость» (хорошие манеры) ($p=0,015$ и $p=0,015$ соответственно).

«Средиземноморский» стиль предпочитают респонденты, высоко оценивающие ценности «религиозность» и «терпеливость» ($p=0,015$ и $p=0,019$ соответственно). Стиль «авангард» предпочитают респонденты, высоко оценивающие ценность «потакание себе» ($p=0,038$).

Обсуждение результатов исследования

Стиль «кантри» (деревенский) отличается простотой и естественностью в обстановке, наполненностью продуктами ручного творчества (резьбы, шитья, вязания), просторностью, близостью с природой, обилием света. Его основные характеристики – это сочетание комфорта и функциональности. Такой стиль предпочли те испытуемые, которых отличает общительность, непринужденность, выраженные навыки помогающего поведения и добродушие (что отражается и в высокой значимости ценности «вежливости»), в то же время для них характерны экспрессивность, откровенность, предприимчивость и склонность к риску. Значимость ценности «религиозность», предполагающей веру в высшую силу, организующую и направляющую общее течение жизни, дополняет яркость и эмоциональность личности.

Стиль «прованс» зарождался в стремлении обеспеченных людей уйти от суеты большого города, стать ближе к природе. Он является разновидностью «кантри», но имеет свои уникальные черты. Его основу составляет спокойная, светлая атмосфера, располагающая к отдыху в кругу близких друзей. В то же время, этому стилю присуща определенная функциональность, или «сподручность». Такому интерьеру отдают предпочтение, по результатам проведенного исследования, люди, отличающиеся выраженной склонностью к помогающему поведению, общительные, способные проявить заботу, непосредственные в своих проявлениях, добродушные. Взаимосвязь с фактором F, предполагающая экспрессию, непосредственность, эмоциональность, вполне вписывается в контекст прованского стиля, в котором общая нейтральность и приглушенность обстановки оживляется яркими цветочными акцентами.

Корреляции с ценностными ориентациями «потакание себе» и «мудрость» (отрицательная) дополняют образ хозяйки такого интерьера, который экспрессивен, энергичен в собственных проявлениях.

ях и ориентирован, скорее, на эмоционально-чувственную сторону своей личности, чем на рационально-логическую.

В стиле «шебби-шик» («потертый шик») главные акценты сделаны на дорогой, состарившейся от времени мебели, которая обретает второе рождение, цветочных орнаментах с розами, белом цвете (символизирующем невинность и чистоту) и пастельных женственных оттенках. В обстановке есть что-то из девичьего детства. Эта особенность объясняет и полученные корреляции. Такой стиль предпочли респондентки, подверженные сильным эмоциональным переживаниям, спонтанные, несогласные с любыми канонами и стандартами. В этой связи отрицательные корреляции с ценностями «терпимость», «ответственность», «полезность» дополняют портрет «строптивой особы», в сознании которой своеобразным противоречием выступает высокая значимость глубокой эмоциональной и духовной близости с мужчиной (связь с ценностью «зрелая любовь»).

В «средиземноморском» стиле сочетается морская тематика, ощущение легкости с практичностью и продуманностью интерьера. Его кредо – это простота, лаконичность деталей, удобство и комфорт. Если «прованс» и «шебби-шик» немыслимы без элементов роскоши, витиеватости форм, то «средиземноморский стиль» отличается доступностью предметов интерьера, геометричностью, аккуратностью и последовательностью. Это согласуется с конкретностью мышления тех респонденток, которые выбрали этот стиль как наиболее предпочтительный, со значимостью в структуре их ценностных ориентаций «религиозности» (которая предполагает упорядоченность и ритуализованность жизни) и «терпеливости».

Ряд испытуемых захотели воплотить в интерьере своего дома стиль «авангард», нацеленный на смелость, бунт, переоценку ценностей, яркие контрасты. Исходя из показателей по фактору Н, такой выбор является с большой долей вероятности формой компенсации их нерешительности, сдержанности, высокой чувствительности к мнению других людей, желания оставаться в тени. В таком интерьере они, вероятно, видят возможность безопасно реализовать свои потребности (связь с ценностью «потакание себе»), позволив нарушить нормы симметрии или классического сочетания элементов.

«Английский стиль», в противовес авангарду, отличается сдержанностью, практичностью, симметричные формы, четкость в планировке, особое внимание в нем уделяется книжной зоне и цветовому балансу. В нашем исследовании ему отдали предпочтение спокойные и расслабленные, невозмутимые люди, которым бывает приятно просто побыть в этом спокойном и удовлетворенном состоянии. Их также отличает конформизм, доверчивость, благожелательность, открытость и уступчивость, что некоторым образом идет вразрез со стереотипом «чопорного» англичанина.

Заключение

На основании полученных данных пилотного исследования можно говорить о том, что в стилевых предпочтениях находят выражение следующие классы личностных качеств:

- особенности эмоциональной экспрессии;
- стиль мышления и организации деятельности;
- отношение к ограничениям и традициям;
- отношение к людям в целом (коммуникативные свойства);
- отношение к собственным потребностям и собственной значимости.

Ценностные ориентации личности согласуются с основной идеей того или иного стиля. Таким образом, выдвинутые нами гипотезы нашли свое подтверждение.

Ограничением полученных данных является относительно небольшая выборка, а также ее специфичность, поскольку полученные данные относятся к женщинам, проживающим в большом городе, имеющим высшее образование (или степень), и находящимся в возрастном диапазоне $43,6 \pm 9,4$ лет.

В дальнейших исследованиях планируется расширение выборки с сокращением общего количества стилей оформления.

Полученные данные могут быть использованы двояко: с одной стороны, можно учитывать индивидуальные особенности клиента при проектировании и подборе вариантов в сфере дизайна интерьера, а также при формировании рекламных предложений в сфере продаж; с другой

– по имеющемуся интерьерному решению предполагать о личностных особенностях хозяйки интерьера и ее ценностных ориентациях.

Список литературы

1. Адлер А. Стиль жизни // Психология индивидуальных различий. Ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романов. М.: ЧеРо, 2002. 776 с.
2. Барышева Е.И. Соотношение понятия стиль жизни и субъективное жизненное пространство человека // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова 2015, Том 21. С. 73–78.
3. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1999.
4. Бочавер А.А. Представления о доме как элемент персонального опыта // Психологический журнал. 2015. Том. 36. №4. С. 5–15.
5. Бочарова О.А. Вещи и стиль жизни // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1995. № 1. С. 44–46.
6. Быгачевская Т.Н. Минимализм как стиль и образ жизни // Дизайн и производство мебели. 2008. № 2. С. 12–15.
7. Возьмитель А.А. Образ жизни: теоретико-методологические основы анализа / А.А. Возьмитель, Г.И. Осадчая // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 58–65. (с.63).
8. Волкова Т.В. Особенности восприятия дома в современной российской культуре // Вестник славянских культур. 2012. № 4–26. С. 40–44.
9. Гришина Н.В., Головей Л.А., Маничев С.А. Индивидуальность: развитие и стиль жизни (проект лонгитюдного исследования) // Ежегодник Российского психологического общества: материалы III Всероссийского съезда психологов 25–28 июня 2003 года. Изд-во СПбГУ. 2003. С. 488–492.
10. Дашкова Е.В. Стиль и стилизация в философско-культурологическом контексте: Автореферат дисс. к.ф.н. Ростов-на-Дону. 2006. 26 с.
11. Дашкова Е.В. Стиль жизни и предметно-пространственная среда // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2005. № 2. С. 57–58.
12. Дерманова И.Б. Индивидуальные стили жизни и деятельности: общий контур // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 4 / Под ред. Е.Ф. Рыбалко, Л.А. Коростылевой. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2000, С. 62–74.

13. Краснобородкина А.Г. Дизайн как способ организации предметно-пространственной среды в культуре XX века: автореферат дисс. к.культурологии. Нижневартовск. 2004.
14. Куницына В.Н. Методы изучения семейных ценностей и взаимодействия внутри семьи (ЦО-36, ПиН) // Семья в современном мире; сост. и науч. ред. В.Н. Куницыной. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2010. С. 42–54.
15. Леонтович К.Ф. Стадии морального развития личности, стиль поведения и художественный вкус // Психологические механизмы регуляции социального поведения; под ред. М.И. Бобновой, Е.В. Шороховой. М.: Наука, 1979. С. 204–219.
16. Нартова-Бочавер С.К., Дмитриева Н.С., Резниченко С.И., Кузнецова В.Б., Брагинец Е.И. Метод оценки дружелюбности жилища: опросник «Функциональность домашней среды» // Психологический журнал. 2015. Том. 36. №4. С. 71–83.
17. Стиль жизни личности: теоретические и методологические проблемы / Р.А. Ануфриева, Е.И. Головаха, Е. А. Донченко и др.; Институт философии АН УССР. Киев : Наукова думка, 1982.
18. Человек и среда: психологические проблемы /Под. Ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. Таллин, 1995.
19. Эстетика. Словарь под общ. ред. А.А. Беляева, Л.И. Новиковой, В.И. Толстых. М.: Политиздат, 1989. 447 с.
20. Cieraad I. Anthropology at Home // At Home: An Anthropology of Domestic Space / ed. by I. Cieraad, NY: Syracuse University Press, 1999, p. 3.
21. Chevalier S. The French Two Home Project: Materialization of Family Identity//At Home: An Anthropology of Domestic Space / Ed. by I. Cieraad, NY: Syracuse University Press, 1999, pp. 83–95.
22. Csikszentmihalyi M., Rochberg-Halton E. The Meaning of Things: Domestic Symbols of the Self. NY: Cambridge University Press, 1981.
23. Giorgi S., Padiglione V., Pontecorvo C. Appropriations: Dynamics of Domestic Space Negotiations in Italian Middle-Class Working Families // Culture Psychology, 2007, Vol. 13 (2), p. 176 (147–178).
24. Kron J. Home-psych: the Social Psychology of Home and Decoration. NY: Clarkson Potter, 1983.

25. Ozaki R. Home Design as Representation of Values and Lifestyle: the Meaning of Use of Domestic Space // Housing, Space and Quality of Life/ ed. by Garcia-Mira R., Uzzell D.L., Real J.E., Romey J. Burlington, 2005, pp. 97–113.
26. Tapia, J.I.A., Amérigo, M., Pérez-López, R. Perception of personal identity at home [Percepción de la identidad personal en el hogar] // *Psicothema*. 2010. 22 (4), pp. 872–879.

References

1. Adler A. Stil' zhizni [Lifestyle]. *Psikhologiya individual'nykh razlichiy* [Psychology of individual differences]. Ed. Yu. B. Gippenreiter, V. Ya. Romanov. M.: CheRo, 2002. 776 p.
2. Barysheva E.I. Sootnoshenie ponyatiya stil' zhizni i sub'ektivnoe zhiznennoe prostranstvo cheloveka [The relationship between the concept of life style and the subjective life space of a person]. *Vestnik KSU im. O.N. Nekrasov* 2015, Volume 21, pp. 73–78.
3. Bodriyyar Zh. *Sistema veshchey* [System of things]. M.: Rudomino, 1999.
4. Bochaver A.A. Predstavleniya o dome kak element personal'nogo opyta [Representations about the house as an element of personal experience]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal]. 2015. V. 36. № 4, pp. 5–15.
5. Bocharova O.A. Veshchi i stil' zhizni [Things and life style]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes]. 1995. № 1, pp. 44–46.
6. Bytachevskaya T.N. Minimalizm kak stil' i obraz zhizni [Minimalism as a style and way of life]. *Dizayn i proizvodstvo mebeli* [Design and production of furniture]. 2008. № 2, pp. 12–15.
7. Voz'mitel' A.A., Osadchaya G.I. Obraz zhizni: teoretiko-metodologicheskie osnovy analiza [Lifestyle: theoretical and methodological bases of analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. 2009. No. 8, pp. 58–65. (p.63).
8. Volkova T.V. Osobennosti vospriyatiya doma v sovremennoy rossiyskoy kul'ture [Peculiarities of the perception of the house in contemporary Russian culture]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures]. 2012. № 4–26, pp. 40–44.

9. Grishina N.V., Golovey L.A., Manichev S.A. Individual'nost': razvitie i stil' zhizni (proekt longitudynogo issledovaniya) [Individuality: development and life style (project of longitudinal research)]. *Ezhegodnik Rossiyskogo psikhologicheskogo obshchestva: materialy III Vserossiyskogo s''ezda psikhologov 25–28 iyunya 2003 goda* [Yearbook of the Russian Psychological Society: materials of the III All-Russian Congress of Psychologists on June 25–28, 2003]. Publishing house of St. Petersburg State University. 2003, pp. 488–492.
10. Dashkova E.V. *Stil' i stilizatsiya v filosofsko-kul'turologicheskom kontekste* [Style and stylization in philosophical and cultural context]: Abstract of diss. Ph.D. Rostov-on-Don. 2006. 26 pp.
11. Dashkova E.V. Stil' zhizni i predmetno-prostranstvennaya sreda [Life-style and subject-spatial environment]. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [Humanitarian and socio-economic sciences]. 2005. № 2, pp. 57–58.
12. Dermanova I.B. Individual'nye stili zhizni i deyatel'nosti: obshchiy kontur [Individual styles of life and activity: the general outline]. *Psikhologicheskie problemy samorealizatsii lichnosti* [Psychological problems of self-realization of personality]. Issue 4 / Ed. E.F. Rybalko, J.I.A. Korostyleva. St. Petersburg: Publishing house S.-Petersburg. University, 2000, pp. 62–74.
13. Krasnoborodkina A.G. *Dizayn kak sposob organizatsii predmetno-prostranstvennoy sredy v kul'ture XX veka* [Design as a way of organizing the subject-spatial environment in the culture of the XX century]: the author's abstract of Diss. cultural science. Nizhnevartovsk, 2004.
14. Kunitsyna V.N. Metody izucheniya semeynykh tsennostey i vzaimodeystviya vnuti sem'i (TsO-36, PiN) [Methods of studying family values and interaction within the family (ЦО-36, ПиН)]. *Sem'ya v sovremennom mire* [Family in the modern world]; Ed. V.N. Kunitsyna. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2010, pp. 42–54.
15. Leontovich K.F. Stadii moral'nogo razvitiya lichnosti, stil' povedeniya i khudozhestvennyy vkus [Stages of moral development of the personal-

- ity, style of behavior and artistic taste]. *Psikhologicheskie mekhanizmy regulyatsii sotsial'nogo povedeniya* [Psychological mechanisms of the regulation of social behavior], eds. M.I. Bobnev, E.V. Shorokhova. M.: Science. 1979, pp. 204–219.
16. Nart Nartova-Bochaver S.K., Dmitrieva N.S., Reznichenko S.I., Kuznetsova V.B., Braginets E.I. Metod otsenki druzhestvennosti zhilishcha: oprosnik «Funktsional'nost' domashney sredy» [Method for assessing the friendliness of the home: a questionnaire “Functionality of the home environment”]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological journal]. 2015. V. 36. № 4, pp. 71–83.
 17. *Stil' zhizni lichnosti: teoreticheskie i metodologicheskie problemy* [Life-style of the individual: theoretical and methodological problems] / R.A. Anufrieva, E.I. Golovakha, E.A. Donchenko et al.; Institute of Philosophy of the Ukrainian Academy of Sciences. Kiev: Naukova Dumka, 1982.
 18. *Chelovek i sreda: psikhologicheskie problemy* [Man and environment: psychological problems] / Ed. T. Niity, M. Heidmets and Yu. Kruusvall. Tallinn, 1995.
 19. *Estetika. Slovar'* [Aesthetics. Dictionary] / Eds. A.A. Belyaev, L.I. Novikov, V.I. Thick. Moscow: Politizdat, 1989. 447 p.
 20. Cieraad I. Anthropology at Home. *At Home: An Anthropology of Domestic Space* / Ed. by I. Cieraad, NY: Syracuse University Press, 1999, p. 3.
 21. Chevalier S. The French Two Home Project: Materialization of Family Identity. *At Home: An Anthropology of Domestic Space* / ed. by I. Cieraad, NY: Syracuse University Press, 1999, pp. 83–95.
 22. Csikszentmihalyi M., Rochberg-Halton E. The Meaning of Things: Domestic Symbols of the Self. NY: Cambridge University Press, 1981.
 23. Giorgi S., Padiglione V., Pontecorvo C. Appropriations: Dynamics of Domestic Space Negotiations in the Italian Middle-Class Working Families. *Culture Psychology*, 2007, Vol. 13 (2), p. 176 (147–178).
 24. Kron J. Home-psych: the Social Psychology of Home and Decoration. NY: Clarkson Potter, 1983.
 25. Ozaki R. Home Design as Representation of Values and Lifestyle: the Meaning of Use of Domestic Space. *Housing, Space and Quality of Life*

- / Ed. by Garcia-Mira R., Uzzell D.L., Real J.E., Romey J. Burlington, 2005, pp. 97–113.
26. Tapia, J.I.A., Amérigo, M., Pérez-López, R. Perception of personal identity at home [Percepción de la identidad personal en el hogar]. *Psicothema*. 2010. 22 (4), pp. 872–879.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Кузнецова Ирина Викторовна, к.психол наук, доцент кафедры социальной психологии
*Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская набережная, 7–9, Санкт-Петербург, 199034,
Российская Федерация
irin_kuznecova@mail.ru*

Юмкина Екатерина Анатольевна, к.психол наук, ст.преподаватель кафедры социальной психологии
*Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская набережная, 7–9, Санкт-Петербург, 199034,
Российская Федерация
ekaterinayum@gmail.com*

Доминьяк Владислав Игоревич, к.психол наук, ст. преподаватель кафедры организационного поведения и управления персоналом
*Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская набережная, 7–9, Санкт-Петербург, 199034,
Российская Федерация
vldominiak@gmail.com*

Казанцева Татьяна Валеревна, к.психол наук, ст.преподаватель кафедры социальной психологии
*Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская набережная, 7–9, Санкт-Петербург, 199034,
Российская Федерация
tatakaz@mail.ru*

DATA ABOUT AUTHORS

Kuznetsova Irina Viktorovna, PhD in Psychology, Social Psychology
Department, Faculty of Psychology
Saint-Petersburg State University
7/9, Universitetskaiya nab., Saint-Petersburg, 199034, Russian
Federation
irin_kuznecova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2922-8044

Yumkina Ekaterina Anatolievna, PhD in Psychology, Social Psychol-
ogy Department, Faculty of Psychology
Saint-Petersburg State University
7/9, Universitetskaiya nab., Saint-Petersburg, 199034, Russian
Federation
ekaterinayum@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4539-7235

Dominyak Vladislav Igorevich, PhD of Psychology, Department of Or-
ganizational Behavior and Human Resource Management, Grad-
uate School of Management
Saint-Petersburg State University
7/9, Universitetskaiya nab., Saint-Petersburg, 199034, Russian
Federation
vldominiak@gmail.com
ORCID: 0000-0003-3550-0470

Kazantseva Tatyana Valerevna, PhD in Psychology, Social Psycholo-
gy Department, Faculty of Psychology
Saint-Petersburg State University
7/9, Universitetskaiya nab., Saint-Petersburg, 199034, Russian
Federation
tatakaz@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2540-2976

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-4-22-34
UDC 316.454.52

GOSSIPING AS A SUBJECT OF STUDY IN SOCIAL SCIENCES: THE MAIN THEORETICAL APPROACHES

Gorbatov D.S., Baichik A.V.

The article presents an overview of main scientific interpretations to the study of gossip processes, developed in the field of social and humanities knowledge. In particular, paradigmes of psychoanalysis, functionalism, evolutionism, feminism, interactionism, social exchange are characterized. Special attention is given to describing the attribution approach, in which tendency to use personal characteristics of “targets” (internal attributions) as “exhaustive” prime cause of any actions and events as the essence of gossip is analyzed. Types of attribution distortion as being characteristic of gossip are described, among them being the fundamental error of attribution, belief in a just world, illusory optimism. This approach opens up new opportunities to study gossiping as a specific type of estimation.

Keywords: *gossip; gossip research; causal attributions; internal attributions; distortions of attribution.*

СПЛЕТНИЧАНИЕ КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК: ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Горбатов Д.С., Байчик А.В.

В статье представлен обзор основных научных трактовок изучения процессов сплетничания, разработанных в сфере социально-гуманитарного знания. В частности, охарактеризованы парадигмы психоанализа, функционализма, эволюционизма, феминизма, инте-

рационализма, социального обмена. Особое внимание уделено описанию атрибуционного подхода, в котором сущностью феномена сплетничания считается тенденция к использованию персональных характеристик «мишеней» (интернальных атрибуций) в качестве «исчерпывающих» первопричин любых поступков и событий. Рассматриваются характерные для сплетничания искажения атрибуции. Среди них фундаментальная ошибка атрибуции, вера в справедливый мир, иллюзорный оптимизм. Данный подход открывает новые перспективы к изучению сплетничания как специфической разновидности оценивания.

Ключевые слова: сплетни; исследования сплетничания; каузальные атрибуции; интернальные атрибуции; искажения атрибуции.

In psychology, sociology and anthropology, gossiping as a variety of in-appraisal and gossip as a product of this process have been studied for over half a century. Over the time, within the framework of the theoretical paradigms of psychoanalysis, functionalism, evolutionism, feminism, interactionism, social exchange, attribution approach, there has developed a diverse and largely contradictory complex of scientific ideas concerning the nature of this phenomenon, its characteristics, functions and determinants. Let us compare the explanatory potential of the above-mentioned interpretations to clarify the nature of gossip.

Psychoanalysis

According to the followers of Z. Freud, the gossip material contains ambiguous, unstructured symbols that allow those who spread them to raise their own sexual and aggressive fantasies onto the surface of mental life, i.e., to transfer their problems, internal conflicts and unconscious needs onto the people being talked about [11]. This is a unique means of “letting out steam” in a socially acceptable form of talking about those, who are not present at the moment. More precisely, gossip is one of the ways to overcome anxiety through the implementation of a number of protective mechanisms, as well as an act of cathartic purification from

anxiety, guilt, anger and return to the state of equilibrium of the body by reducing excitation [12].

It should be noted that the psychoanalytic interpretation of gossip with a focus on the deeper aspects has its significant limitations. It is believed to be more suitable for interpreting the act of gossip that has already occurred than for predicting inclinations to such behavior. In other words, it is not difficult to describe why an individual gossiped, finding explanations in an effort to reduce internal tension, a reaction to the libidinal ties rupture, or the influence of repressed childhood psychotraumas. It is more difficult to predict with what intensity or under what conditions they will do this in the future, and in general, whether they will prefer gossip to other methods of psychological defense. In addition, since it is clearly social behavior that is being under consideration, intrapersonal determinants themselves seem insufficient to describe it.

Functionalism

Supporters of this research direction proceed from the expediency of interpreting social phenomena from the point of view of their adaptive nature. A particular phenomenon is described as a self-regulatory system, aimed at overcoming difficult situations and achieving currently important needs. Implementation of this approach was carried out by the anthropologist M. Gluckman [7], who, in particular, singled out the group-forming function of gossip, i.e., the unification of individuals based on common values while distancing from outsiders. Also, the author pointed out that there are several aspects to this function manifestation, such as participation in the creation of group traditions and history of relationships, the knowledge of which is included in the initiation of newcomers; the attainment of conformity with respect to the norms, values and goals of the group; group control over the behavior of those ones competing for status or prestige; formation of the structure of the group by assessing the character, leadership skills, moral character of its members.

It is interesting that participation in the act of gossiping is considered not only as a personal right, conditioned by belonging to the community, but also as a kind of “duty” as interest in the vices and virtues of

others is a declaration of being aimed at strengthening the unity of the interlocutors, focus on authorized opinions and approved acts as well as condemnation of violators of norms. That is why gossip is described not as a sporadic phenomenon with a negative connotation, but as a culturally determined process of community life [7].

In scientific literature on gossip, anthropological functionalism is not considered to be a popular conception. It is this scientific school's typical shifting of the emphasis on society and social groups while ignoring the individual level of analysis of the problem with regard to gossip that is not enough productive. In addition, the disintegrating role that the latter factors play in the life of the community fails to be sufficiently studied.

Evolutionism

In the context of evolutionary anthropology and psychology, special attention is paid to the emergence of those behavior models that have contributed to the survival of mankind. Gossip, on the one hand, facilitates the interchange of information, but on the other, it becomes a mechanism for uniting individuals into cohesive groups, its analogue being the grooming of primates [6]. It is known that the procedures for caring for the hair/fur of one's kind in the form of combing, biting out, smoothing, etc. not only provide hygiene, but also contribute to releasing organic opiates, i.e. endorphins, providing an experience of mild euphoria, as well as lead to a natural strengthening of social bonds between individuals. However, increasing the size of the group, which is advisable in terms of counteracting both predators and competing associations of their own kind, reduces the effectiveness of grooming as a means of strengthening relations. In comparison with that, talking as "grooming at a distance," according to R. Dunbar, firstly, does not deter from performing other activities at that same time, and secondly, it can occur with several interlocutors, which provides additional time to search for food and doing other urgent activities.

Considering gossip as conversations on social and personal topics, R. Dunbar believes that it was they that ensured the evolutionary advantage of people, and not communications related to hunting and making tools.

After all, increasing the size of the group was inevitably accompanied by increased tensions between competing individuals and cliques, as well as the need to counter “social stowaways” who were eager to receive benefits without giving anything in return.

Despite certain shocking wording due to somewhat exceedingly broad understanding of gossip, it was a promising idea of the importance of informal contacts for human communities. However, speculations about their influence on the emergence of, say, morality, laws and other institutions look a bit extravagant.

The specificity of evolutionary anthropology and psychology is that behavior models are viewed as a manifestation of the human nature, formed over millennia of competition under conditions of natural selection. In this case, the arguments that this branch of knowledge operates are being developed by reasoning based on the data of neuropsychology, sociology, linguistics, ethology and other sciences. Obviously speculative character does not allow us to regard them other than as indirect evidence. This should also be fully referred to our scientific problems under consideration. The very fact of widespread condemnation of gossip and gossipers throughout the existence of humankind creates obstacles to the evaluation of this behavior as utterly adaptive.

Feminism

In this tradition, gossiping is unilaterally regarded as a women’s cultural case, which is produced and perpetuated by the limitations of the female role [10]. This is one of the consequences of social order, in which women are forced into the sphere of private everyday contacts. While the status of men is determined by wealth or influence, their female companions have to compete for the internal status within the co-society by establishing control over compliance with its norms [14]. That determines both the topic selection of gossip, which is almost exclusively concerned with private life, and the importance of competitive comparisons for experiencing the individual’s inherent worth.

From the feminist standpoint, gossip is described as a “language of intimacy”, arising from the solidarity of women on the basis of the sim-

ilarity of experience. At the same time, the general picture of the world is maintained, as well as unity, values and morals are preserve and mutual support and entertainment are provided. “Women’s talk” occurs in places related to the implementation of feminine roles, such as a house, the hairdresser’s, a shop, etc. There is also a tendency to the constant interruption of such conversations with daily duties, which is reflected in the structure of gossip that is so flexible that it can continue any time where and when it is possible. Finally, due to the fact that participation in gossip assumes that the parties share knowledge about the basic behavioral standards, they have a “hinting character” that is understandable only to the initiated [10].

The studies on “male” gossip [9] consider that as a subcultural phenomenon on the basis of gender status. If we are dealing with behavior that is typical for both women and men (we can hardly doubt this judging by everyday experience), then there is an obvious reason for a distorted understanding of the phenomenon.

Interactionism

E. Goffman, the author of the impression management conception [3], believes that an individual is interested in controlling the behavior of others, which is achieved through influencing the determination of a social situation. To achieve that, they try to present themselves in such a way that others would have to act in accordance with the initiator’s expectations. Likewise, those around are aimed at acquiring information about this individual, trying to do their best to organize their behavior in order to cause the initiator’s desired reaction.

Developing the described conception, B. Cox reflected the role of gossip in the struggle between the two “factions” of the North American Hopi tribe (“progressists” and “traditionalists”). Gossip was believed by both groups to be a means to achieve public support, as it allowed to control impressions through the “symbolic redefinition” of the political role of supporters and opponents. Thus, the same people could be “adherents of progress”, “materialists”, “unbelieving upstarts”, “sycophants of the bureau for Indian affairs”, while others were “guardians of traditions”,

“sympathizing with the Communists”, “dangerous “,”backward”. The goal was to “convert the sinner or brand them” [5, p. 88].

This conception helped to clarify the understanding of the function of the gossip influence, describing the role of information manipulation. Equally important is the dynamic of self-perception of subjects as a consequence of impression management. However, other characteristics of gossip were left out of consideration, which limited the prospects for implementing this approach.

Social exchange theories

Supporters of these theories tend to describe the interaction in terms of seeking benefits, calculating possible rewards and costs. R. Rosnow commented that gossip can be viewed as a transaction in which people trade a conversation for status, power, fun, intimacy, money or other resources [13, p. 219]. The ability to gossip here is perceived as one of the indicators of inclusion in the social environment. After all, depending on the extent to which it manifests itself, gossip “gets converted into value,” being a “commodity on the exchange market.” Its value increases in proportion to the deficit, it tends to benefit the “trading” parties, it can provide dividends, as well as cause “bankruptcy” in the relationship.

It should be noted that this approach has inherent limitations. The tendency to consider the phenomenon from the point of view of its “turn-over” does not sufficiently reveal the specifics of the gossip itself, which acts only as one variable from a number of things that individuals can exchange. In addition, it should be considered to what extent the principle of “reimbursement-and-costs” is a universal regulator of interpersonal relations. For example, it is not clear why gossipers, while facing the threat of social condemnation, do not give up their favorite pastime.

Attributional approach

New perspectives in understanding gossip can be found in the field of social and psychological knowledge, which is known as the theory of attribution. The sphere of their application extends to the everyday processes of social cognition, i.e., to the way people explain their own

or the other's behavior, attributing certain relations to social objects and giving them characteristics. In this case, the processes of causal attribution are of particular importance, representing a subjective interpretation of what causes certain actions and events. There are two types of such processes, i.e., external, when the cause is attributed to circumstances beyond human control, and internal, in which the cause is considered to be conditioned by the actor's characteristics [8].

According to our understanding of the scientific problem [2], a fundamental feature of this type of communication is the appeal to the personal characteristics of the "targets", i.e. the dominance of internal attributions takes place. The gossiping process is always reduced to discussing individual characteristics as the root causes of either failure or success. The center of the conversation is not an event, but a personality being in contrast to the others. There appears an opportunity to experience excellence, demonstrate the ability to understand motives, condemn from a moral standpoint, unite in a joint expression of emotions and social norms. While the description of the actions of "targets" may in general correspond to reality, their interpretation is always one-sided.

First of all, a phenomenon known as the fundamental error of attribution should be mentioned [4]. This notion denotes the tendency to exaggerate the importance of personal factors when interpreting someone else's behavior while underestimating situational circumstances. In other words, it reflects the tendency to ignore the possible compulsion of the other's behavior and hastily believe that it is solely due to personal characteristics. Thus, the victim of violence "has brought that on him/herself", the one who has failed to understand us is "stupid", and the one who has refused to help is "selfish."

In addition to it, a significant distortion of defensive nature can be observed, in particular, the "faith in a just world." Its essence is laconically expressed as the "idea that people get what they deserve and deserve what they get" [1, p. 141]. This attribution strategy postulates that reality is an orderly and predictable place where everyone has what they deserve. Even confronted with the evidence of the contrary, people continue to believe that good things happen to honest and decent people,

and bad things happen to bad ones, who, however, had the opportunity to change their way of life.

Internal attributions are useful in order to once again “prove” to themselves and others that no problems happen by chance. Members of the gossip circle, engaged in establishing a correspondence between the negative consequences and personal qualities of the “targets”, eventually receive responses of a soothing nature about the likelihood of their own calamities. After all, attributing certain characteristics to objects helps deny having them themselves. Moreover, the more successful gossip “diagnostics” of the pathogenic traits of “targets” is, the stronger gossipers’ positive difference from those people gets.

It should be noted that the gossip is accompanied by manifestations of another defensive distortion of attribution, i.e. the individual’s “illusory optimism” associated with the unjustified belief that in the future they are more likely to expect positive things to come, while problems will fall to the lot of others [15]. As E. Aronson et al. state, people prefer to remain confident that they personally are less likely to become addicted to alcohol, face the consequences of smoking, go to jail, die in the war, fall prey to criminals, lose their job, get into an accident, stay alone, etc. On the contrary, they expect greater prosperity than their peers, neighbors or colleagues [1, p. 141]. In our case, it is about the fact that by working with a set of negative internal attributions, the conviction is reinforced that they are to avoid those woes for which, as they “have determined”, there are no personal prerequisites.

Anyway, evaluation will be more successful provided its objects are stable in their properties, contrasting to others, and these properties are perceived as exhaustive determinants of actions. The process of joint formulation of cause-effect relations through internal attributions provides gossip with simple, shared and unambiguous answers to many questions.

An essential remark should be made. While arguing about the importance of the internal attributions for understanding the nature of gossip, we do not mean their indispensable verbalization as an appraising “verdict”. Often, a similar culmination of the discussion is not observed externally, which may be linked to the experience of previous interactions, the feeling

of interpersonal intimacy as experienced by the gossipers, and their use of nonverbal communication. In particular, it is known that non-verbal means of communication not only provide an exchange of information about the fact that gossipers understand each other and share their attitude to their “targets”, but they can also perform the function of speech replacement. It turns out that the personal features of the absent person are not discussed aloud, as the “feedback” convinces that it is completely unnecessary, and these features are replaced by non-verbal euphemisms.

It should not be forgotten that the public conscience attributes maliciousness, deceit, lightness to gossip, while malicious envy, craving for chatter, propensity to slander as considered its motives. The fact that the interlocutors are aware of the negativity of the social perception of their communication makes them mask their participation in gossip. Instead of a full-fledged verbal expression of internal attributions, substituting gestures, eye contact, facial expressions, laughter, etc. are observed. Thus, such discussion takes a certain “cropped” form, similar to a dry information message. Communicating parties “exchange facts”, “recall events,” “share news” as if not gossiping at all. This type is more typical of men who, under the threat of social condemnation, have to “hide” participation in “unmanly” conversations.

Summing up, it should be noted that gossiping is being studied by representatives of social and human sciences as a widespread communication type without any specific negative connotations. Some of these approaches focus on the group or, on the contrary, individual level of analysis of the problem, while others focus on identifying certain functions or are devoted to studying the patterns of motivation, information exchange or cognitive activity of interlocutors. However, this does not mean incompatibility of conceptual approaches. Admittedly, gossip is a more ambiguous and complex phenomenon than it was thought to be, and therefore deserves interdisciplinary research.

References

1. Aronson E., Uilson T., Eykert R. *Sotsial'naya psikhologiya. Psikhologicheskiye zakony povedeniya cheloveka v sotsiume* [Social psychology — laws of human behavior in society]

- ogy. Psychological laws of human behavior in society]. St. Petersburg: Praym-Evroznak, 2002. 560 p.
2. Gorbатов D.S. *Psikhologiya slukhov i spleten* [The psychology of rumors and gossip]. St. Petersburg: Rech', 2012. 232 p.
 3. Gofman E. Predstavleniye sebya drugim [Introducing yourself to others]. *Sovremennaya zarubezhnaya sotsial'naya psikhologiya. Teksty* [Modern foreign social psychology. Texts]. Moscow: MGU publ., 1984, pp. 188-196.
 4. Ross L., Nisbett R. *Chelovek i situatsiya. Perspektivy sotsial'noy psikhologii* [Man and situation. Perspectives of social psychology]. Moscow: Aspekt Press, 1999. 429 p.
 5. Cox B. What is Hopi gossip all about? Information management and Hopi factions. *Man*, 1970, no. 5, pp. 88-98.
 6. Dunbar R. Gossip in evolutionary perspective. *Review of General Psychology*, 2004, vol. 8, no. 2, pp. 100-110.
 7. Gluckman M. Gossip and scandal. *Current Anthropology*. Utrecht, 1963, vol. 4, no. 3, pp. 307-316.
 8. Heider F. *The psychology of interpersonal relations*. N.Y.: Wiley, 1958. 322 p.
 9. Johnson S. A game of two halves? On men, football and gossip. *Journal of gender studies*, 1994, vol. 3, no. 2, pp. 145-154.
 10. Jones D. Gossip: notes on women's oral culture. *Women's Studies International Quarterly*, 1980, vol. 3, pp. 193-198.
 11. Nevo O., Nevo B. Gossip and counselling: The tendency to gossip and its relation to vocational interests. *Counselling Psychology Quarterly*, 1993, vol. 6, no. 3, pp. 229-238.
 12. Rosenbaum J., Subrin M. The psychology of gossip. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 1963, vol. 11, pp. 817-831.
 13. Rosnow R. Rumor and gossip in interpersonal interaction and beyond: A social exchange perspective. *Behaving badly: Aversive behaviors in interpersonal relationships*. Ed. R.M.Kowalski. Washington: APA, 2001, pp. 203-232.
 14. Spacks P.M. In praise of gossip. *Hudson Review*, 1982, vol. 35, pp. 19-38.
 15. Weinstein N. Unrealistic optimism about susceptibility to health problems: conclusions from a community-wide sample. *Journal of Behavioral Medicine*, 1987, vol. 10, no. 5, pp. 481-500.

Список литературы

1. Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р. Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. 560 с.
2. Горбатов Д.С. Психология слухов и сплетен: монография. СПб.: Речь, 2012. 232 с.
3. Гофман Э. Представление себя другим // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М.: Издательство МГУ, 1984. С. 188–196.
4. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. М.: Аспект Пресс, 1999. 429 с.
5. Сох В. What is Hopi gossip all about? Information management and Hopi factions // *Man*, 1970, no. 5, pp. 88–98.
6. Dunbar R. Gossip in evolutionary perspective // *Review of General Psychology*, 2004, vol. 8. no. 2, pp. 100–110.
7. Gluckman M. Gossip and scandal // *Current Anthropology*. Utrecht, 1963, vol. 4. no. 3, pp. 307–316.
8. Heider F. The psychology of interpersonal relations. N.Y.: Wiley, 1958. 322 p.
9. Johnson S. A game of two halves? On men, football and gossip // *Journal of gender studies*, 1994, vol. 3, no. 2, pp. 145–154.
10. Jones D. Gossip: notes on women's oral culture // *Women's Studies International Quarterly*, 1980, vol. 3, pp. 193–198.
11. Nevo O., Nevo B. Gossip and counselling: The tendency to gossip and its relation to vocational interests // *Counselling Psychology Quarterly*, 1993, vol. 6, no. 3, pp. 229–238.
12. Rosenbaum J., Subrin M. The psychology of gossip // *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 1963, vol. 11, pp. 817–831.
13. Rosnow R. Rumor and gossip in interpersonal interaction and beyond: A social exchange perspective // *Behaving badly: Aversive behaviors in interpersonal relationships* / Ed. R.M. Kowalski. Washington: APA, 2001, pp. 203–232.
14. Spacks P.M. In praise of gossip // *Hudson Review*, 1982, vol. 35, pp. 19–38.
15. Weinstein N. Unrealistic optimism about susceptibility to health problems: conclusions from a community-wide sample // *Journal of Behavioral Medicine*, 1987, vol. 10. no. 5, pp. 481–500.

DATA ABOUT THE AUTHORS

Gorbatov Dmitry Sergeevich, Professor of the Chair of Management Mass Communications, Doctor of Science in Psychology
Saint-Petersburg State University
7/9, Universitetskaya nab., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation
gorbatov.rus@gmail.com
SPIN-code: 2959-0458
ORCID: 0000-0002-5232-6083
ResearcherID: K-8629-2013

Baichik Anna Vitalyevna, Associate Professor of the Chair of International Journalism, Candidate of Political Sciences
Saint-Petersburg State University
7/9, Universitetskaya nab., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation
annabaichik@gmail.com
SPIN-code: 7010-3719
ORCID: 0000-0003-0527-5858
ResearcherID: K-5009-2015

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Горбатов Дмитрий Сергеевич, профессор кафедры менеджмента массовых коммуникаций, доктор психологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7/9, г. Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация
gorbatov.rus@gmail.com

Байчик Анна Витальевна, доцент кафедры международной журналистики, кандидат политических наук
Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7/9, г. Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация
annabaichik@gmail.com

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-4-35-48
УДК 1 (159.9)

СВЯЗЬ АМБИЦИОЗНОСТИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

Валиуллина Г.Г., Романова О.В.

Цель. Статья посвящена проблеме осознанного выбора профессии в юношеском возрасте, что является актуальным в связи с возрастанием потребностей общества в более квалифицированных специалистах. Предметом исследования является связь амбициозности личности и профессиональной направленности в юношеском возрасте. Авторы ставят целью выявить особенности влияния амбициозности на профессиональную направленность юношей и девушек.

Метод или методология работы. Исследование проводилось с использованием диагностических методик: «Определение профессиональных склонностей» Л. Йовайши, «Исследование самооценки личности» С.А. Будасси, «Диагностика мотивации достижения» А. Мехрабиан, «Диагностика стратегий поведенческой активности в стрессовых условиях» Л.И. Вассермана и Н.В. Гуменюка. Используются математико-статистические методы обработки данных, включающие в себя вычисление описательных статистик, критерия Колмогорова-Смирнова для одной выборки, критерия Стьюдента для независимых выборок, критерия Манна-Уитни, ранговую корреляцию Спирмена. Все расчеты выполнялись с помощью компьютерной программы IBM SPSS Statistics 21.

Результаты. Проведенное эмпирическое исследование позволяет констатировать наличие связи амбициозности и профессиональной направленности юношей и девушек. Между юношами и девушками в показателях профессиональной направленности выявлены достоверные различия. Юноши отдают предпочтение сфере технических интересов, умственного труда, материальных интересов, а девушки

ки – сфере искусства и работе с людьми. В группе юношей были установлены значимые связи между показателями амбициозности и профессиональной направленностью на сферу технических интересов. В группе девушек были установлены значимые связи между показателями амбициозности и направленностью на сферу работы с людьми. Амбициозные юноши и девушки характеризуются осознанностью своих профессиональных склонностей и стремлением добиться намеченных целей в профессиональном плане.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в практике психологического консультирования при профориентировании, открывают новые возможности для разработки профориентационных программ.

Ключевые слова: амбициозность; профессиональная направленность; юношеский возраст.

THE LINKS BETWEEN PERSONAL AMBITIOUSNESS AND PROFESSIONAL ORIENTATION OF ADOLESCENT MALES AND FEMALES

Valiullina G.G., Romanova O.V.

Purpose. The article is devoted to the problem of conscious choice of profession at adolescence which is actual in connection with the increasing need of the society in qualified professionals. The subject of the research is the links between personal ambitiousness and professional orientation of adolescent males and females. The authors seek to identify how ambitiousness influence their professional orientation.

Methodology of work. The research was conducted with the help of the following diagnostic techniques: «Definition of professional aptitude» L. Yovayshy, «Study of self-esteem of a person» S.A. Budassi, «Diagnostics of achievement motivation» A. Mehrabian, «Diagnostics strategies of behavioral activity in stress conditions» L.I. Vasserman and N.V. Gumenyuk. The authors used mathematical-statistical methods of data processing including calculation of descriptive statistics, criterion

of Kolmogorov-Smirnov for one selection, the criterion of Student for independent selection, the criterion of Mann-Whitney, Spearman rank correlation. All calculations were performed using a computer program IBM SPSS Statistics 21.

The results. *The conducted empirical research allows to state the connection of ambitiousness with professional orientation of male and female adolescents. There are significant differences between males and females in terms of professional orientation. Males prefer the sphere of technical interest, mental activity, and material sphere, while females prefer the sphere of arts and working with people.*

In a male group significant links between the indicators of ambitiousness and professional orientation on technical interests were established. In a female group significant links between the indicators of ambitiousness and orientation on working with people were found out. Ambitious young men and women are characterized by consciousness professional aptitude and desire to achieve their goals professionally.

Sphere of implementation of the results. *The results of this research can be applied in the practice of psychological counseling in career guidance and provide opportunities for career programs.*

Keywords: *ambitiousness; professional orientation; adolescence.*

Введение

Проблема профессионального выбора в юношеском возрасте остается актуальной на протяжении длительного периода, несмотря на богатейший опыт психологических, социологических, философских исследований в данной области. Профессиональная направленность (склонность) понимается как избирательная направленность индивида на определенную деятельность, побуждающая заниматься ею [3].

Для того, чтобы соответствовать современной действительности, юноши и девушки должны осознавать собственные профессиональные склонности и мотивы, быть способными выстраивать собственную линию поведения по достижению намеченных целей, изменять ситуацию с целью достижения наивысших результатов в

учебной и учебно-профессиональной деятельности, что достигается во многом благодаря наличию амбициозности личности [9].

Юношеский возраст показателен в плане выявления связи амбициозности и профессиональной направленности юношей и девушек. Существует необходимость изучения влияния амбициозности на профессиональную направленность в юношеском возрасте, поскольку данная проблема остается малоисследованной.

Обзор литературы

Проблеме профессионального выбора в юношеском возрасте посвящены многие исследования, в которых профессиональная направленность рассматривается как важнейший аспект профессионального и личностного самоопределения. Это, в первую очередь, работы таких ученых, как Е.А. Климов, Н.С. Пряжников, С.Н. Чистякова и многих других, рассматривающие ориентирование субъекта при выборе сферы профессиональной деятельности и конкретной профессии [3; 10; 11; 14]. Возраст юношества сензитивен для формирования психологической готовности к профессиональному выбору, внутренне связан с построением жизненных и профессиональных планов. Данный взгляд присутствует в трудах Д.И. Фельдштейна, Л.И. Божович и других авторов [1; 4; 5; 13].

В современное общество, мотивированное на достижение целей, направленное на реализацию самых смелых идей, настроенное на успех и благополучие, прочно вошло такое понятие как амбициозность. В России долгое время это понятие имело негативную окраску, так в словаре С.И. Ожегова слово «амбициозность» имеет неодобрительное значение, и означает обостренное самолюбие, а также спесивость, чванство [7]. Однако, в настоящее время амбициозность считается неотъемлемой положительной чертой современного успешного человека [2; 8; 9].

Успешные в социальном отношении люди, в подавляющем большинстве своем, являются людьми амбициозными. Но, конечно же, далеко не все амбициозные люди успешны [8]. По словам

П.Ф. Силенка, для успеха нужна амбициозность определенного качества. Этот тип амбициозности еще называют «здоровой», при этом выраженное стремление к достижениям в определенной сфере сочетается с работоспособностью, настойчивостью и упорством. В целостном становлении личности с здоровой амбициозностью неотъемлемыми составляющими являются позитивная самооценка, адекватная оценка личностного потенциала и уровня притязаний, стремление к достижениям, активность и эффективность процесса овладения разными типами компетентности, развитая саморегуляция. «Нездоровая» же амбициозность характеризуется потребительским отношением к людям, несформированной субъектностью, упрямством, позиционированием собственной правоты, исключительности, и практически не касается действий, направленных на реальные достижения. Эти различия в амбициозности личности являются принципиальными. Они объясняют не только причины достижения или не достижения человеком социального успеха, но прежде всего саму возможность обретения им счастья в жизни [6; 12; 15; 16].

А.В. Панфилова под амбициозностью понимает совокупность личностных характеристик, которые направлены на достижение успеха. Автор рассматривает амбициозность как профессионально важное качество личности, необходимое качество успешного профессионала. Амбициозный человек стремится к большему и лучшему, чем имеет на данный момент, что очень важно для достижения поставленных целей [9].

Амбициозность можно рассматривать как необходимое условие профессионального самоопределения, самореализации, как энергетическую основу жизнедеятельности человека, обеспечивающую его самореализацию. Амбициозность – это одно из тех личных качеств, которое формируется в процессе социализации, при этом многое зависит от успехов в детском возрасте, от реакции окружающих, от духовных ценностей, прививаемых ребенку родителями [12]. На наш взгляд, сензитивным для развития амбициозности является юношеский период онтогенеза.

Постановка задачи

Несмотря на увеличивающееся количество исследований различных детерминант профессионального выбора в юношеском возрасте, амбициозность личности как фактор, определяющий профессиональную направленность юношей и девушек, практически не исследовалась, поскольку долгое время амбициозность считалась негативным качеством личности. Цель нашего исследования состояла в выявлении связи амбициозности и профессиональной направленности юношей и девушек.

Следует отметить, что в психологии не существует всеобъемлющего определения амбициозности. Большинство авторов выделяют такие характеристики амбициозного человека как высокая самооценка, выраженная мотивация достижения, повышенное проявление активности (поведенческая активность типа А), что выражается также в склонности к соревновательности и направленности на построение карьеры [2; 8; 9; 12; 15; 16]. Мы также будем учитывать данные показатели амбициозности при организации эмпирического исследования и выборе методик исследования.

Описание исследования

Выборка составила 120 человек, из них 60 юношей и 60 девушек, учащиеся 9–11-х классов в возрасте 15–18 лет МБОУ «Лицей № 2» г. Астрахани. С помощью критерия Колмогорова-Смирнова для одной выборки мы проверили нормальность распределения количественных переменных (табл. 1).

Таблица 1.

Проверка нормальности распределения

Переменные	Значение Z-критерия	Уровень значимости
Сфера искусства	1,287	0,073
Сфера технических интересов	0,664	0,771
Сфера работы с людьми	1,021	0,249
Сфера умственного труда	0,944	0,335
Сфера физического труда	0,629	0,824
Сфера материальных интересов	0,979	0,294

Окончание табл. 1.

Самооценка личности	1,213	0,084
Мотивация достижений	1,378	0,035
Поведенческая активность	1,623	0,010

Распределение переменных методики «Определение профессиональных склонностей» Л. Йовайши соответствует нормальному закону, показатели амбициозности (самооценка, мотивация достижений, тип поведенческой активности) значительно отличаются от нормального распределения.

При проведении сравнительного анализа показателей амбициозности, профессиональной направленности между юношами и девушками для количественных переменных, распределение которых соответствует нормальному закону, мы вычислили критерий Стьюдента для независимых выборок, для порядковых переменных – критерий Манна-Уитни (табл.2).

Таблица 2.

Оценка достоверности различий в показателях амбициозности, профессиональной направленности у юношей и девушек

Переменные	Меры центральной тенденции		Значение критерия	Уровень значимости
	Юноши	Девушки		
Самооценка личности	$Q_2 = 2$	$Q_2 = 2$	$U = 341$	0,082
Мотивация достижений	$Q_2 = 1,5$	$Q_2 = 2$	$U = 327$	0,052
Поведенческая активность	$Q_2 = 1,5$	$Q_2 = 1,5$	$U = 354$	0,001
<i>Сфера искусства</i>	$M_x = 13,60$	$M_x = 17,33$	$t = -3,683$	0,001
<i>Сфера технических интересов</i>	$M_x = 18,47$	$M_x = 13,03$	$t = 5,548$	0,000
Сфера работы с людьми	$M_x = 12,80$	$M_x = 13,7$	$t = 0,832$	0,409
<i>Сфера умственного труда</i>	$M_x = 18,67$	$M_x = 12,37$	$t = 5,629$	0,000
<i>Сфера физического труда</i>	$M_x = 14,47$	$M_x = 7,23$	$t = 7,156$	0,000
<i>Сфера материальных интересов</i>	$M_x = 14,00$	$M_x = 10,67$	$t = 4,228$	0,000

Примечания: t – значение критерия Стьюдента для независимых выборок, U – критерий Манна-Уитни; Q_2 – значение медианы, M_x – среднее значение

Таким образом, различия на уровне статистической значимости выявлены для переменных сфера искусства, сфера технических ин-

тересов, сфера умственного труда, сфера физического труда, сфера материальных интересов.

Мы видим, что юноши отдают предпочтение сфере технических интересов, умственного труда, материальных интересов, а девушки – сфере искусства. Это говорит о том, что у юношей выявлена склонность к профессиям маркетингового рода, делопроизводству, планированию, анализу и подсчетам, разработке бизнес-планов и стратегий.

Так же мы наблюдаем, что у девушек выявлена склонность к сфере искусства – это свидетельствует о том, что им ближе творческие профессии. Это говорит нам о том, что девушки отличаются творческим мышлением и независимостью, так же им легко находить контакт с людьми, управлять коллективом и заниматься общественной деятельностью.

Так как между юношами и девушками в показателях профессиональной направленности были выявлены достоверные различия, далее мы рассматривали по отдельности подвыборки. С целью изучения связи самооценки и профессиональной направленности в группе юношей мы использовали ранговую корреляцию Спирмена, так как переменные показатели амбициозности представлены в формате порядковой шкалы (табл. 3).

Таблица 3.

**Корреляционная матрица связи амбициозности
и профессиональной направленности у юношей**

Показатели амбициозности	Профессиональная направленность	Значение коэффициента корреляции Спирмена	Уровень значимости
Самооценка	Сфера искусства	0,127	0,503
	Сфера технических интересов	0,312	0,094
	Сфера работы с людьми	0,048	0,803
	Сфера умственного труда	0,131	0,492
	Сфера физического труда	-0,016	0,932
	Сфера материальных интересов	0,039	0,837

Окончание табл. 3.

Мотивация достижения	Сфера искусства	0,056	0,770
	Сфера технических интересов	-0,104	0,586
	Сфера работы с людьми	-0,259	0,167
	Сфера умственного труда	0,141	0,457
	Сфера физического труда	0,062	0,743
Поведенческая активность	Сфера материальных интересов	0,125	0,510
	Сфера искусства	0,154	0,416
	Сфера технических интересов	0,279	0,135
	Сфера работы с людьми	-0,019	0,919
	Сфера умственного труда	0,025	0,894
	Сфера физического труда	-0,013	0,947
	Сфера материальных интересов	0,072	0,704

У юношей наблюдается тенденция к достоверной связи показателей амбициозности (высокая самооценка) и профессиональной направленностью на сферу технических интересов. Положительная корреляция означает, что большие значения одной переменной имеют тенденцию быть связанными с большими значениями другой переменной или малые значения одной переменной – с малыми значениями другой переменной. Другими словами, две переменные увеличиваются или уменьшаются вместе.

Аналогично, мы изучили связь самооценки и профессиональной направленности в группе девушек. При анализе полученных корреляционных связей, мы учитывали, что более низкие показатели по шкале поведенческая активность свидетельствуют о большей амбициозности испытуемых (табл. 4).

Таблица 4.

**Корреляционная матрица связи самооценки
и профессиональной направленности у девушек**

Показатели амбициозности	Профессиональная направленность	Значение коэф- фициента корреляции Спирмена	Уровень значимости
Самооценка	Сфера искусства	0,063	0,741
	Сфера технических интересов	-0,124	0,513
	Сфера работы с людьми	0,372*	0,043
	Сфера умственного труда	0,094	0,621
	Сфера физического труда	0,095	0,619
	Сфера материальных интересов	-0,101	0,597

Окончание табл. 4.

Мотивация достижения	Сфера искусства	0,025	0,897
	Сфера технических интересов	-0,161	0,394
	Сфера работы с людьми	-0,085	0,654
	Сфера умственного труда	0,176	0,353
	Сфера физического труда	0,101	0,595
	Сфера материальных интересов	-0,191	0,313
Поведенче- ская актив- ность	Сфера искусства	-0,036	0,849
	Сфера технических интересов	-0,002	0,994
	Сфера работы с людьми	-0,350	0,058
	Сфера умственного труда	0,296	0,112
	Сфера физического труда	-0,179	0,344
	Сфера материальных интересов	0,114	0,550

В группе девушек достоверная взаимосвязь установлена между показателями амбициозности (самооценкой, поведенческой активностью) и профессиональной направленностью на работу с людьми. Девушек с поведенческой активностью типа А характеризует высокая вовлеченность в учебу и работу, инициативность, склонность к соперничеству и признанию, стремление к доминированию, лидерству в учебном коллективе. Данные характеристики во многом определяют их склонность к работе в сфере «человек-человек».

Заключение

Таким образом, в результате проведенного эмпирического исследования, мы подтвердили взаимосвязь между амбициозностью и профессиональной направленностью юношей и девушек. Амбициозность – это одно из тех личных качеств, которое формируется в процессе социализации. В целостном становлении личности с здоровой амбициозностью неотъемлемыми составляющими являются позитивная самооценка, стремление к достижениям, поведенческая активность и эффективность процесса овладения разными типами компетентностей. В юношеском возрасте амбициозность проявляется в стремлении к результатам, в неудовлетворенности уже достигнутым, настойчивости в достижении своих целей.

Была установлена значимая положительная связь между показателями амбициозности и профессиональной направленностью. Ам-

бициозные юноши и девушки с высокой самооценкой, мотивацией достижения, повышенной деловой активностью, напористостью, целеустремленностью, умением выбрать «главное направление» деятельности, честолюбивые, со стремлением к успеху и лидерству, с постоянным желанием улучшить результаты проделанной работы, ощущают себя более уверенными при выборе профессии по сравнению с их более пассивными и неуверенными в себе сверстниками.

Полученные результаты исследования доказали правомерность использования в качестве пути повышения осознанности профессионального выбора развития здоровой амбициозности в юношеском возрасте.

Список литературы

1. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб: Питер, 2008. 398 с.
2. Гордеева Т.О. Психология мотивации достижения. М.: Смысл, 2006. 336 с.
3. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. М.: Академия, 2012. 304 с.
4. Медведев А.М. Ранняя юность: самосознание и жизненная перспектива. Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2008. 204 с.
5. Минькова Е.С. Проблемы психологии отрочества и юности: история становления проблемы. М.: Litres, 2015. 355 с.
6. Мишутина Е.А. Счастье как предмет социально-философского исследования // Социально-гуманитарные знания. 2008. №10. С. 494–502.
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: ИНФОТЕХ, 2010. 874 с.
8. Панкратов В.Н. Психология успеха. Практическое руководство для деловых людей. М. 1997. 80 с.
9. Панфилова А.В. Амбициозность личности как профессионально важное качество современного специалиста // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 6. С. 15–16.
10. Пряжников П.С. Методы активизации профессионального и личностного самоопределения. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: МОДЭК, 2002. 400 с.

11. Романова О.В. Характерологические основания выбора профессии в подростковом возрасте // *Fundamental and applied sciences today VII*. North Charleston, USA, Academic spc, 2015, Vol. 3, pp. 98–100.
12. Силенок П.Ф. Психология счастья: все значительно проще. Ростов на Дону: Феникс, 2012. 256 с.
13. Фельдштейн Д.И. Психология развития человека как личности. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: МОДЭК, 2005. Т.2. 454 с.
14. Чистякова С.Н., Пряжников Н.С. Педагогическое сопровождение социально-профессионального самоопределения учащихся // *Ученик в обновляющейся школе* / Под ред. Ю.И. Дика, А.В. Хуторского. М., 2002.
15. Deci E.L., Ryan R.M. (Eds.). *Handbook of self-determination research*. Rochester, NY: University of Rochester Press, 2002.
16. Dweck C. *Mindset: The New Psychology of Success*. Ballantine Books, 2007.

References

1. Bozhovich L.I. *Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste* [Personality and its formation in childhood]. St. Petersburg: Peter, 2008. 398 p.
2. Gordeeva T.O. *Psikhologiya motivatsii dostizheniya* [Psychology of achievement motivation]. M.: Sense, 2006. 336 pp.
3. Klimov E.A. *Psikhologiya professional'nogo samoopredeleniya* [Psychology of professional self-determination]. Moscow: Academy, 2012. 304 p.
4. Medvedev A.M. *Rannyaya yunost': samosoznanie i zhiznennaya perspektiva* [Early youth: self-awareness and a life perspective]. Volgograd: Publishing house of the Federal State Educational Institution of Higher Professional Education of the Higher School of Economics, 2008. 204 p.
5. Min'kova E.S. *Problemy psikhologii otrochestva i yunosti: istoriya stanovleniya problem* [Problems of the psychology of adolescence and adolescence: the history of the formation of the problem]. M.: Litres, 2015. 355 p.

6. Mishutina E.A. Schast'e kak predmet sotsial'no-filosofskogo issledovaniya [Happiness as an object of social and philosophical research]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge]. 2008. №10, pp. 494–502.
7. Ozhegov S.I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskiy vyrazheniy* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions]. M.: INFOTECH, 2010. 874 p.
8. Pankratov V.N. *Psikhologiya uspekha. Prakticheskoe rukovodstvo dlya delovykh lyudey* [Psychology of success. A practical guide for business people]. M. 1997. 80 pp.
9. Panfilova A.V. Ambitsioznost' lichnosti kak professional'no vazhnoe kachestvo sovremennogo spetsialista [Ambitiousness of personality as a professionally important quality of a modern specialist]. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya* [International Journal of Experimental Education]. 2014. № 6, pp. 15–16.
10. Pryazhnikov P.S. *Metody aktivizatsii professional'nogo i lichnostnogo samoopredeleniya* [Methods for enhancing professional and personal self-determination]. Moscow: Publishing house of the Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: MODEK, 2002. 400 p.
11. Romanova O.V. Kharakterologicheskie osnovaniya vybora professii v podrostkovom vozraste [Characterological grounds for choosing a profession in adolescence]. *Fundamental and applied sciences today VII*. North Charleston, USA, Academic spe, 2015, Vol. 3, from 98–100.
12. Silenok P.F. The psychology of happiness: everything is much simpler. Rostov on Don: Phoenix, 2012. 256 p.
13. Feldstein DI Psychology of human development as a person. Moscow: Publishing house of the Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: MODEC, 2005. V.2. 454 p.
14. Chistyakova SN, Pryazhnikov NS Pedagogical support of social and professional self-determination of pupils // The pupil in a renewing school / Eds. Yu.I. Dik, A.V. Khutorsky. M., 2002.
15. Deci E.L., Ryan R.M. (Eds.). Handbook of self-determination research. Rochester, NY: University of Rochester Press, 2002.
16. Dweck C. Mindset: The New Psychology of Success. Ballantine Books, 2007.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Валиуллина Гульнара Гайсаевна, доцент кафедры общей и когнитивной психологии, кандидат психологических наук
Астраханский государственный университет
ул. Татищева, 20а, г. Астрахань, Астраханская область,
414056, Российская Федерация
ullina2005@yandex.ru

Романова Ольга Вячеславовна, доцент кафедры общей и когнитивной психологии, кандидат психологических наук
Астраханский государственный университет
ул. Татищева, 20а, г. Астрахань, Астраханская область,
414056, Российская Федерация
Olgaroma71@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Valiullina Gulnara Gaisaevna, Associate Professor of Department of General and Cognitive Psychology, Ph.D. in Psychology
Astrakhan State University
20a, Tatyscheva Str., Astrakhan, Astrakhan oblast, 414056, Russian Federation
ullina2005@yandex.ru

Romanova Olga Vyacheslavovna, Associate Professor of Department of General and Cognitive Psychology, Ph.D. in Psychology
Astrakhan State University
20a, Tatyscheva Str., Astrakhan, Astrakhan oblast, 414056, Russian Federation
Olgaroma71@rambler.ru

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-4-49-63
УДК 1(159.9)

РАЗВИТИЕ КОМПОНЕНТОВ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА ОПЕРАТОРОВ КОНТАКТНОГО ЦЕНТРА

Судакова Е.Н.

Цель. Основу статьи составляют результаты экспериментального исследования влияния краткосрочного тренинга развития эмоционального интеллекта на рост уровня компонентов ЭИ у операторов контактного центра.

Метод и методология проведения работы. В исследовании участвовали 53 оператора контактного центра телекоммуникационной компании: 23 человека составили экспериментальную группу и прошли тренинг, направленный на развитие эмоционального интеллекта, 30 человек составили контрольную группу. Группы не отличались по возрасту и среднему стажу работы. Для определения уровня эмоционального интеллекта использовался опросник «ЭмИн» Д.В. Люсина.

Результаты исследования не выявили статистически значимых изменений в компонентах эмоционального интеллекта. Качественный анализ проявил некоторые особенности восприятия эмоций у участников экспериментальной группы: средние и максимальные значения компонентов ЭИ в экспериментальной группе увеличились после тренинга, в интервью участники отметили, что стали обращать больше внимания на свои эмоции и эмоции окружающих.

Область применения результатов. Результаты могут быть применены при планировании обучения и развития сотрудников контактных центров. Развитие эмоционального интеллекта сотрудников на рабочем месте формирует лучшее понимание собственных эмоций, эмоций клиентов и коллег, что может способствовать повышению их эмоционального благополучия.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект; операторы контактного центра; понимание эмоций; управление эмоциями.

THE PROBABILITY OF THE DEVELOPMENT OF CALL CENTER OPERATOR'S EMOTIONAL INTELLIGENCE

Sudakova E.N.

The aim of the study was to determine the effect of training on the development of emotional intelligence of the contact center operators. The study involved 53 operators of Telecom Company: 23 people accounted for the experimental group participated in training supposed to develop their emotional intelligence, 30 people were in the control group and didn't take part in training. Groups did not differ in age and average length of work experience. To determine the level of emotional intelligence before and after the training we used questionnaire «EmIn» by D.V. Lyusin. The results of the study did not show any changes in the competence of emotional intelligence. Qualitative analysis showed some features of the perception of emotions in the participants of the experimental group. Developing the emotional intelligence of employees in the workplace creates a better understanding of one's own emotions, the emotions of clients and colleagues, which can enhance their emotional well-being.

Keywords: *emotional intelligence; contact center operators; understanding emotions; managing emotions.*

Введение

Контактный центр – это организация или подразделение, куда направляются звонки от клиентов компании. Актуальность данного исследования связана с тем, что сейчас система контактных центров (КЦ) переживает значительный рост. Значимость контактных центров становится необыкновенно высокой, в их задачи входят обоснованные рекомендации, психологическая поддержка, сохранение и повышение лояльности клиентов. В связи с этим растут требования к уровню профессионализма операторов КЦ, в частности к их умению взаимодействовать с клиентами по конфликтным вопросам.

В течение дня оператор принимает порядка 200 звонков. Такая нагрузка сочетается с рядом ограничений: короткое время диалога, необходимость отвечать на претензии и недовольства, невозможность проявления спонтанной эмоциональной реакции на слова и действия клиентов, регламентированные перерывы, отсутствие закрепленного рабочего места, высокая степень контроля со стороны организации [1; 3; 6]. Сами операторы часто описывают свою работу как скучную, напряженную, связанную с высоким уровнем стресса [6; 10]. Неспособность оператора справляться с эмоциональной нагрузкой отрицательно влияет на качество выполнения его задач.

Это означает, что кроме высокой работоспособности, навыков работы с программным обеспечением и знания продуктов и регламентов компании, оператор должен уметь верно определять эмоции клиента во время разговора, уменьшать негативные чувства клиента по отношению к компании и приводить диалог к завершению.

Концепция эмоционального интеллекта (ЭИ) полезна для операторов контактных центров, так как позволяет определить необходимые для эффективной работы эмоциональные навыки – понимание эмоций и управление как своими эмоциями, так и эмоциями других людей. В данном исследовании мы опирались на концепцию ЭИ Д.В. Люсина [2; 4].

Д.В. Люсин предложил собственную модель эмоционального интеллекта. Он определяет ЭИ как «совокупность способностей для понимания своих и чужих эмоций и управления ими», не включая в нее личностные особенности [4].

Эмоциональный интеллект, в концепции Д.В. Люсина, состоит из внутриличностного эмоционального интеллекта (ВЭИ) и межличностного эмоционального интеллекта (МЭИ). И ВЭИ и МЭИ включают в себя два компонента – понимание и управление эмоциями, которые для ВЭИ относятся к внутреннему опыту человека, а для МЭИ – к внешнему миру [2; 4].

Возможность развития ЭИ в рамках профессиональной деятельности позволила бы повысить эффективность работы операторов

КЦ в конфликтных ситуациях, снизить их уровень стресса, увеличить продуктивность [6].

Однако, не существует однозначных доказательств того, что компоненты эмоционального интеллекта могут быть развиты при помощи тренингов. Так, исследование учителей, проведенное Р. Коркоран и Р. Тормей (Corcoran R., Tormey R.), не показало разницы среднего уровня ЭИ между контрольной и экспериментальной группой после краткосрочного тренинга, который состоял из 6 встреч. В то же время наблюдалось статистически незначимое увеличение средних значений компонентов ЭИ у участников тренинга [7].

В работе С. Херпертс (Herpertz S.) у испытуемых после тренинга значимо увеличилась способность к распознаванию эмоций по лицам (по результатам теста MSCEIT), при этом результаты определения эмоций по изображениям не возросли [9]. Ряд других исследований показали рост среднего показателя ЭИ после тренинга [5; 8; 11; 12]. Долгосрочные программы показывают результаты [11], однако, их применение в работе контактных центров маловероятно, по причине их длительности.

Н. Шутте (Schutte N.) говорит о недостаточности исследований, связанных с развитием компонентов эмоционального интеллекта, и преимуществах, которые получают испытуемые в результате их развития [13; 14; 15].

Эмоциональный интеллект положительно влияет на эффективность работы оператора, в связи с этим актуально изучить возможности развития компонентов ЭИ в короткие сроки. Исследование направлено на то, чтобы понять на примере операторов КЦ, насколько краткосрочные программы, ориентированные на развитие эмоционального интеллекта, способны влиять на изменение уровня ЭИ.

Целью данной работы стало исследование влияния краткосрочного тренинга развития ЭИ на его уровень и оценка компонентов эмоционального интеллекта до и после тренинга. В основу исследования легла модель ЭИ Д.В. Люсина.

Материалы и методы

Эмпирической базой исследования выступил контактный центр телекоммуникационной компании.

Объектом исследования стали операторы контактного центра. Общий объем выборки составил 53 человека, 23 оператора в экспериментальной группе и 30 человек в контрольной.

Средний возраст участников экспериментальной группы – 31 год, 19 участников женщины, 4 – мужчины. Такое распределение связано с тем, что сотрудниками контактных центров преимущественно являются женщины. Средний стаж работы испытуемых в контактном центре – 41 месяц. Контрольная группа также преимущественно состояла из женщин – 26 человек, средний возраст – 29,6, средний стаж работы – 39 месяцев.

Демографическое сравнение экспериментальной и контрольной выборки, проведенное с использованием критерия Манна-Уитни, не показало разницы между группами по стажу работы и возрасту.

Для проведения исследования был разработан тренинг, направленный на развитие компонентов эмоционального интеллекта. Особенностью тренинга являлась его краткосрочность, связанная со спецификой работы операторов КЦ и необходимостью получения результатов в максимально короткие сроки. Тренинг включал 5 встреч с периодичностью 1 раз в неделю, по 2 часа.

Цель тренинга была сформулирована как развитие компонентов эмоционального интеллекта операторов контактного центра, в связи с чем были поставлены следующие задачи:

- Развитие навыка распознавания собственных эмоций;
- Развитие способности распознавания эмоций других людей (клиентов и коллег);
- Обучение навыкам управления собственными эмоциями;
- Обучение навыкам влияния на эмоции других людей.

Процесс обучения проходил при поддержке членов группы тренером и другими участниками, что позволяло расширить понимание особенностей проявления и выражения эмоций.

Тренинг состоял из следующих основных этапов:

1. Понимание важности осознания эмоций в личной и профессиональной жизни, концентрация внимания на том, как эмоции, которые участники тренинга испытывают на работе, влияют на их продуктивность – первая встреча.
2. Расширение эмоционального словарного запаса, осознание собственных эмоций, осознание эмоций других участников тренинга, при постоянной обратной связи – вторая встреча.
3. Работа с агрессивными эмоциями, осознание агрессии и поиск эффективных и безопасных способов ее выражения – третья встреча.
4. Обучение техникам регуляции эмоций, выполнение домашнего задания с целью применения новых навыков – встречи с третьей по пятую.

Каждое занятие включало в себя обсуждение актуального эмоционального состояния участников, упражнения, способствующее переключению участников с рабочих задач на обучающий процесс, теоретическую часть, по теме ЭИ, упражнения, направленные на развитие способностей ЭИ, шеринг.

В исследовании применялись следующие методы:

1. Эмпирические методы – опросник и интервью. Методики исследования: опросник ЭИИ, Д.В. Люсина, интервью на основе модели ЭИ Д.В. Люсина.
2. Математико-статистические методы обработки данных: критерий Манна-Уитни, критерий Вилкоксона. Обработка данных проводилась при помощи пакета прикладных программ статистической обработки данных SPSS 17.00.

На рис. 1 отображена схема проведения исследования. Обе группы испытуемых заполнили опросник ЭИИ на определение уровня эмоционального интеллекта до и после тренинга. Экспериментальная группа помимо прохождения тренинга также участвовала в посттренинговом интервью. В интервью были рассмотрены компоненты ЭИ, выделенные Д.В. Люсиным [9], также задавались вопросы об эмоциональном опыте участников тренинга.

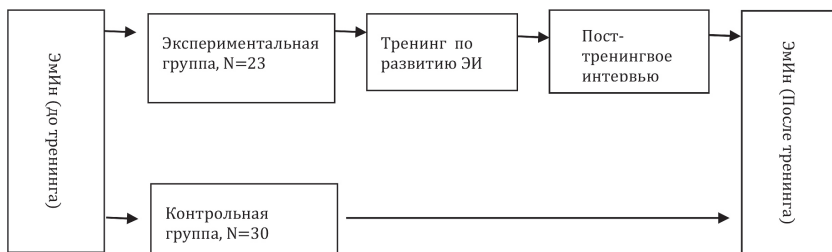

Рис. 1. Схема исследования

Результаты исследования

Коэффициент внутренней согласованности (альфа Кронбаха) для методики «Эмоциональный интеллект» составил 0,916%, что позволяет рассматривать результаты исследования как достоверные.

В связи с тем, что экспериментальная группа составила 23 человека, для проверки нормальности распределения признаков был использован критерий Вилкоксона. Анализ показал, что в экспериментальной группе результаты первого измерения МЭИ, ВЭИ, ПЭ распределены нормально, УЭ не распределен нормально. При проведении второго измерения, ни один из компонентов эмоционального интеллекта не распределен нормально. В контрольной группе (N=30) в пре- и посттренинговом исследовании, ни один из компонентов ЭИ не распределен нормально. В связи с этим, для сравнения выборок использовался критерий Вилкоксона.

В табл. 1 отражены средние значения и стандартное отклонение для итогового значения эмоционального интеллекта для экспериментальной и контрольной группы до и после тренинга. Среднее значение общего уровня эмоционального интеллекта увеличилось незначительно, с 97,5 до 101,6, в то время как в контрольной группе среднее значение общего уровня ЭИ уменьшилось, с 96,04 до 95,4.

Сравнения компонентов ЭИ до и после тренинга в экспериментальной и контрольной группах, с использованием критерия Вилкоксона, показали отсутствие значимых изменений в результате краткосрочного тренинга.

Таблица 1.

Сравнение средних значений и стандартного отклонения общего уровня ЭИ до и после тренинга в экспериментальной и контрольной группах

Группа	Среднее значение уровня ЭИ до тренинга	Среднее значение ЭИ после тренинга
Экспериментальная группа	97,5 $\sigma = 16,03$	101,6 $\sigma = 19,35$
Контрольная группа	96,04 $\sigma = 16,84$	95,4 $\sigma = 16,24$

В табл. 2 приведены результаты сравнения компонентов эмоционального интеллекта до и после тренинга. Из таблицы видно, что значимые различия в результатах исследования компонентов эмоционального интеллекта у участников экспериментальной группы отсутствуют.

Таблица 2.

Пре- и посттренинговое сравнение компонентов EQ участников экспериментальной группы

	До тренинга		После тренинга		sig	p
	Mean	SD	Mean	SD		
МЭИ	47,1	9,58	49	10,73	0,145	0,05
ВЭИ	47,9	9,29	49	11,14	0,406	0,05
ПЭ	44,8	8,15	48,9	9,98	0,145	0,05
УЭ	46,8	10,22	49,1	12,1	0,347	0,05

Таблица 3.

Пре- и посттренинговое сравнение компонентов ЭИ участников контрольной группы

	До тренинга		После тренинга		sig	p
	Mean	SD	Mean	SD		
МЭИ	46,65	8,82	46,47	8,52	0,182	0,05
ВЭИ	49,39	8,74	48,91	8,64	0,638	0,05
ПЭ	46,73	8,51	46,73	7,6	0,124	0,05
УЭ	49,3	8,71	49,3	8,8	0,961	0,05

Эксперимент проходил на протяжении пяти недель. Обе группы и экспериментальная, и контрольная продолжали работать и подвергались типичному для них уровню стресса. Неизменность характеристик показателей ЭИ у участников контрольной группы

(рис. 2) говорит о том, что ЭИ стабильная характеристика, которая изменяется с трудом. При этом даже незначительные изменения компонентов ЭИ для экспериментальной группы говорят о возможном влиянии тренинга на экспериментальную группу

На рисунке 2 продемонстрированы изменения в распределении и значений средних у компонентов эмоционального интеллекта до и после тренинга. Так, из рис. 2 видно, что в экспериментальной группе средние значения после тренинга возросли, в то время как в контрольной группе они остались неизменными или незначительно уменьшились.

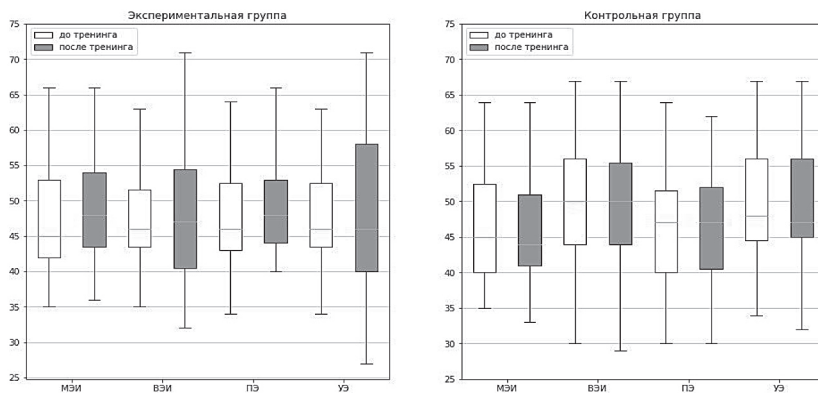

Рис. 2. Сравнение компонентов ЭИ участников экспериментальной группы до и после тренинга

На рис. 2 отображены изменения в средних, 25 и 75 перцентилях, минимальных и максимальных значениях в группах до и после тренинга. Рисунок позволяет нам оценить изменения, произошедшие в выборках, но которые не могут быть отображены при сравнении с использованием критерия Вилкоксона.

В экспериментальной группе возросли максимальные значения всех компонентов ЭИ, в то время как в контрольной группе максимальное значение практически не изменилось или уменьшилось.

В экспериментальной группе значения ВЭИ и УЭ минимальное значение стало еще меньше, в контрольной группе нет большой разницы между минимальными значениями до и после тренинга.

Для углубления понимания влияния тренинга на участников, с ними было проведено интервью, вопросы которого строились вокруг компонентов ЭИ, выделенных Д. Люсиным [4]. Обобщенные результаты интервью представлены в таблице 4.

Данное интервью проявило некоторые аспекты воздействия тренинга на участников, которые не могли быть зафиксированы при помощи опросника, но были озвучены испытуемыми.

Так, участники экспериментальной группы стали обращать больше внимания на собственные эмоции, увидели взаимосвязь между собственными чувствами и поведением. Кроме того, они стали замечать и считать значимыми эмоции клиентов и коллег, а также учитывать эту информацию в ежедневном взаимодействии.

Ряд участников тренинга заметили, что они часто неверно интерпретируют эмоции других людей, в процессе тренинга им удалось получить обратную связь. Для них стали очевидны собственные ошибки в понимании эмоций других людей.

Два участника контрольной группы заметили, что после тренинга они подвергли сомнению свою уверенность в том, что им всегда хорошо удается управлять собственными эмоциями и понимать их. Возможно, рост критичности и стал причиной уменьшения минимальных значений компонентов «Внутриличностный эмоциональный интеллект» и «Управление эмоциями» в контрольной группе испытуемых после тренинга.

Таблица 4.

Обобщенные данные итогового интервью с участниками экспериментальной группы

Количество от общего числа опрошенных	Обобщение по ответам интервью	Пример высказывания
39%	Улучшение понимания собственных эмоций. Рост внимания к своим чувствам	«Стараюсь все-таки выдохнуть и понять, что я осознаю здесь и сейчас, какие чувства это у меня вызывает, важно это для меня или нет, а только после этого принимать решения, говорить».

Окончание табл. 4.

30,4%	Улучшение способности опознавать чувства других людей. Интерес к чувствам других.	«Я стала более внимательно относиться к чувствам своих коллег и клиентов, хотя раньше я придерживалась жесткой позиции».
65%	Использование способов регулирования собственного эмоционального состояния	«При разговоре с конфликтным клиентом я рисую, слежу за своим дыханием, концентрируюсь на телесных ощущениях»
39%	Использование способов влияния на эмоции других людей	«Теперь я понимаю, что в разговоре лучше ориентировать клиента на будущее, чем оправдываться или делать вид, что не замечаю, что мне грубят»

Из вышесказанного видно, что интервью явилось важным дополнением к пониманию результатов тренинга для участников.

Обсуждение результатов

Обобщим полученные результаты:

Для проведения исследования ЭИ был разработан краткосрочный, ориентированный на специфику работы операторов контактного центра, тренинг.

Анализ до- и пост-тренинговых данных демонстрирует отсутствие статистически значимых изменений в уровне развития компонентов эмоционального интеллекта после проведения всех встреч. Это говорит о том, что уровень эмоционального интеллекта остается стабильной характеристикой даже при наличии внешнего воздействия.

В то же время, качественный анализ обозначил важные отличия: мы наблюдаем рост средних и максимальных значений компонентов ЭИ после тренинга. Обратная связь, полученная от участников, зафиксировала рост интереса к собственным эмоциям и эмоциям других людей, а также готовность использовать навыки регулирования собственного эмоционального состояния. Это, несомненно, является важным результатом в профессиональной деятельности операторов контактных центров.

Выводы

Получается, за короткий срок сложно статистически уловить изменения в составляющих эмоционального интеллекта, однако про-

веденное интервью показало, что участники почувствовали рост компетентности в понимании собственной эмоциональной сферы, что согласуется с данными Р. Коркорана (Corcoran R.) [7], С. Херпертс (Herpertz S.) [9]. Проведение тренингов положительно влияет на самопонимание сотрудников, при этом для развития эмоционального интеллекта в долгосрочных программах, требуются изменения в подходе к процессу обучения и развития сотрудников контактных центров.

Полагаем, для оценки изменения компонентов ЭИ требуется более детальный анализ изменений статистических характеристик выборки, также необходимо формулировать дополнительные критерии влияния тренингов.

Список литературы

1. Бочкарева Е.Н. Компоненты выгорания и стратегия поведения в стрессовых ситуациях операторов контактного центра // *Организационная Психология*. 2016а. Т. 6. № 2. С. 75–88.
2. Дегтярёв А.В. «Эмоциональный интеллект»: становление понятия в психологии [Электронный ресурс] // *Психологическая наука и образование psyedu.ru*. 2012. №2. URL: <http://psyedu.ru/journal/2012/2/2912.phtml> (дата обращения: 20.02.2017).
3. Жеглова К.Ю. (2007). Особенности динамики формирования психического выгорания в профессии оператора телекоммуникационной связи: дисс. ... канд. психол. наук. Ярославль. 2007. 167 с.
4. Люсин Д.В., Прихидько А.И., Гулевич О.А. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // *Психологическая Диагностика*. 2006. №4. С. 3–22.
5. Хлевная Е.А., Штроо В.А., Киселева Т.С. Экспериментальное исследование возможности развития эмоционального интеллекта [Электронный ресурс] // *Психологическая наука и образование psyedu.ru*. 2012. №3. URL: <http://psyedu.ru/journal/2012/3/3018.phtml> (дата обращения: 02.02.2017).
6. Chambel M.J., Castanheira F. Training opportunities and employee exhaustion in call centres: mediation by psychological contract fulfilment // *International Journal of Training and Development*. 2012. Vol. 16. № 2. p. 107–117. doi:10.1111/j.1468-2419.2011.00394.x

7. Corcoran R., Tormey R. Teacher education, emotional competencies and development education // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2010. Vol. 2. № 2. p. 2448–2457. doi: 10.1016/j.sbspro.2010.03.352
8. Crombie D., Lombard C., Noakes T. Increasing emotional intelligence in cricketers: An intervention study // *International Journal of Sports Science and Coaching*. 2011. Vol. 6. № 1. p. 69–86 doi: 10.1260/1747-9541.6.1.69
9. Herpertz S., Schütz A., Nezlak J. Enhancing emotion perception, a fundamental component of emotional intelligence: Using multiple-group SEM to evaluate a training program // *Personality and Individual Differences*. 2016. Vol. 95. p. 11–19. doi: 10.1016/j.paid.2016.02.015
10. Hu Q. et al. «East is East and West is West and never the twain shall meet»: work engagement and workaholism across eastern and western cultures // *Journal of Behavioral and Social Sciences*. 2014. Vol. 1, pp. 6–24.
11. Fletcher I. [и др.]. A pilot study assessing emotional intelligence training and communication skills with 3rd year medical students // *Patient Education and Counseling*. 2009. № 3 (76). С. 376–379.
12. Reuben E., Sapienza P., Zingales L. Can we teach emotional intelligence // *Columbia Business School Research Paper*, 2009. doi: 10.2139/ssrn.1915471
13. Schutte N.S. и др. A meta-analytic investigation of the relationship between emotional intelligence and health // *Personality and Individual Differences*, 2007. Vol. 42. No 6. p. 921–933. doi: 10.1016/j.paid.2006.09.003
14. Schutte N.S., Malouff J.M. Increasing Emotional Intelligence through Training: Current Status and Future Directions // *The international journal of emotional education*, 2013. Vol. 5. No.1. pp. 56–72.
15. Schutte N.S., Malouff J.M. Comment on Developments in Trait Emotional Intelligence Research: A Broad Perspective on Trait Emotional Intelligence // *Emotion Review*, 2016. Vol. 8. No 4. p. 343–344. doi: 10.1177/1754073916650499

References

1. Bochkareva E.N. Komponenty vygoraniya i strategiya povedeniya v stressovykh situatsiyakh operatorov kontaktnogo tsentra [Components of burnout and coping strategies among call centre operators]. *Organizatsionnaya Psikhologiya* [Organizational psychology]. 2016a, no. 2. pp. 75–88. (In Russ., abstr. in Engl.).

2. Degtyarev A.V. «Emotsional'nyi intellekt»: stanovlenie ponyatiya v psikhologii [Elektronnyi resurs] [Emotional intelligence: formation of the notion in psychology]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru*. [Psychological Science and Education PSYEDU.ru] 2012, no. 2. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2012/2/2912.phtml> (Accessed: 20.02.2017). (In Russ. abstr. in Engl.).
3. Zheglava K.Yu. *Osobennosti dinamiki formirovaniya psikhicheskogo vygoraniya v professii operatora telekommunikatsionnoi svyazi* [Characteristics of the dynamics of psychic burnout development in profession of wireless communications operator]. Yaroslavl', 2007. 167 p.
4. Lyusin D.V., Prikhid'ko A.I., Gulevich O.A. Novaya metodika dlya izmereniya emotsional'nogo intellekta: oprosnik EmIn [A new technique for measuring emotional intelligence: questionnaire EmIn]. *Psikhologicheskaya diagnostika* [Psychological Diagnostics]. 2006, no.4, pp. 3–22.
5. Khlevnaya E.A., Shtroo V.A., Kiseleva T.S. Eksperimental'noe issledovanie vozmozhnosti razvitiya emotsional'nogo intellekta [Elektronnyi resurs] [Experimental research of probability of emotional intelligence development]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru*. [Psychological Science and Education PSYEDU.ru] 2012, no.3. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2012/3/3018.phtml> (Accessed: 02.02.2017). (In Russ. abstr. in Engl.).
6. Chambel M.J., Castanheira F. Training opportunities and employee exhaustion in call centers: mediation by psychological contract fulfillment. *International Journal of Training and Development*, 2012. V. 16. No. 2. pp. 107–117. doi:10.1111/j.1468-2419.2011.00394.x
7. Corcoran R., Tormey R. Teacher education, emotional competencies and development education. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 2010. V. 2. No. 2. pp. 2448–2457. doi: 10.1016/j.sbspro.2010.03.352
8. Crombie D., Lombard C., Noakes T. Increasing emotional intelligence in cricketers: An intervention study. *International Journal of Sports Science and Coaching*, 2011. V. 6. No. 1. pp. 69–86. doi: 10.1260/1747-9541.6.1.69
9. Herpertz S., Schütz A., Nezlek J. Enhancing emotion perception, a fundamental component of emotional intelligence: Using multiple-group SEM to evaluate a training program. *Personality and Individual Differences*, 2016. V. 95. pp. 11–19. doi: 10.1016/j.paid.2016.02.015

10. Hu Q. et al. «East is East and West is West and never the twain shall meet»: work engagement and workaholism across eastern and western cultures. *Journal of Behavioral and Social Sciences*, 2014. V. 1, pp. 6–24.
11. Fletcher I. A pilot study assessing emotional intelligence training and communication skills with 3rd year medical students. *Patient Education and Counseling*. 2009. V. 3. No.76, pp. 376–379.
12. Reuben E., Sapienza P., Zingales L. Can we teach emotional intelligence? *Columbia Business School Research Paper*, 2009. doi: 10.2139/ssrn.1915471
13. Schutte N.S. et al. A meta-analytic investigation of the relationship between emotional intelligence and health. *Personal Personality and Individual Differences*, 2007. V. 42. No. 6. pp. 921–933. doi: 10.1016/j.paid.2006.09.003
14. Schutte N.S., Malouff J.M. Increasing Emotional Intelligence through Training: Current Status and Future Directions. *The international journal of emotional education*, 2013. V. 5. No.1, pp. 56–72.
15. Schutte N.S., Malouff J.M. Comment on Developments in Trait Emotional Intelligence Research: A Broad Perspective on Trait Emotional Intelligence. *Emotion Review*, 2016. V. 8. No. 4. pp. 343–344. doi: 10.1177/1754073916650499

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Судакова Екатерина Николаевна, ассистент кафедры Психологии и педагогики
*Новосибирский Государственный Технический Университет
пр-т К.Маркса, 20, г. Новосибирск, Новосибирская область,
630073, Российская Федерация
ekaterina.bochkareva@gmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Sudakova Ekaterina Nikolaevna, Assistant, Department of Psychology and Pedagogy
*Novosibirsk State Technical University
20, Karl Marks av., Novosibirsk, 630073, Russian Federation
Ekaterina.bochkareva@gmail.com
SPIN-code: 7579-9404
ORCID: 0000-0001-8927-366X*

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-4-64-75

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ ПРИТЯЗАНИЙ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Смоловик О.В., Шутова Н.В.

Статья посвящена экспериментальному исследованию притязаний студентов в процессе изучения иностранного языка на разных этапах обучения в ВУЗе. В статье представлен краткий анализ работ, посвященных влиянию мотивации и притязаний личности на успешность овладения иностранным языком. Анализируются экспериментальные материалы, позволяющие выявить специфику притязаний студентов разных курсов в процессе изучения иностранного языка.

Целью исследования является изучение особенностей притязаний студентов на разных этапах обучения в ВУЗе в процессе изучения иностранного языка. Методологическую основу исследования составили теоретический анализ психологических работ по проблеме исследования, эмпирические методы исследования, количественный и качественный анализ эмпирических данных. **Результаты.** Полученные экспериментальные данные показывают, что большинство студентов при традиционном обучении в ВУЗе имеют средний и низкий уровни притязаний при изучении иностранного языка, что негативно сказывается на процессе и результате деятельности студентов.

Область применения результатов. Материалы исследования могут быть применены в системе высшего психолого-педагогического образования в курсах «Возрастная психология», «Педагогическая психология», «Психология высшей школы», а также использованы в системе переподготовки и повышения квалификации преподавателей.

Ключевые слова: иностранный язык; притязания; мотивация; студенты.

FEATURES OF STUDENTS' ASPIRATIONS IN THE PROCESS OF STUDYING A FOREIGN LANGUAGE

Smolovik O.V., Shutova N.V.

The article deals with the experimental research of students' aspirations at different stages of studying a foreign language in the University. The article presents a brief analysis of papers devoted to the influence of motivation and aspirations on the mastering a foreign language. The experimental data allow revealing the specificity of students' aspirations at different terms in the process of studying a foreign language.

Purpose of the research is to study features of students' aspirations at different stages of studying a foreign language in the University.

Methodology of the study is the theoretical analysis of psychological research, empirical research methods, quantitative and qualitative analysis of the empirical data.

Results. The experimental data show that the majority of students have medium and low levels of aspirations when studying a foreign language in the University. These levels negatively affect the process of foreign language acquisition and students' results.

Practical applications. The research materials can be applied in higher education system in the courses: "Developmental psychology", "Pedagogical psychology", "Psychology of higher education", and used in training and professional development of faculty members.

Keywords: foreign language; students; aspirations; motivation.

Введение

В настоящее время общество нуждается в людях с высоким уровнем профессионализма, общего развития, инициативы и активности, творческих способностей, и владеющих иностранным языком. Данные требования прописаны в Федеральном Государственном Образовательном Стандарте 3++. В условиях реализации федерального Государственного Образовательного Стандарта нового поколения в высшем образовании актуальным является компетентностный под-

ход, который на сегодняшний день является методологической основой ФГОС нового поколения и определяет направления пересмотра всех компонентов процесса обучения [5]. Иноязычная коммуникативная компетенция предполагает наличие определенного уровня владения иностранным языком, необходимого для реализации целей в профессиональном развитии, самосовершенствовании. Но на сегодняшний день мы не можем отметить тенденцию к увеличению количества студентов, свободно владеющих иностранным языком.

Признавая личность учащегося основной ценностью обучения, современная психология и педагогика подчеркивает необходимость апелляции к проблеме побудительных механизмов учебной деятельности, или проблеме мотивации, как основной побудительной силе в процессе эффективного освоения иностранного языка [1,2,6]. Проблема мотивации является актуальной и одной из основополагающих как в отечественной, так и в зарубежной психологии. Она широко представлена в многочисленных исследованиях таких ученых, как И.Л. Бим (1989), А.А. Вербицкий (2006), И.А. Зимняя (1997), Г.В. Рогова (1999), Дж. Аткинсон (1957), А. Маслоу (1957), Д. Макклелланд (1953), Р. Гарднер (2004), Х. Хекхаузен (1967), Деси (2017), Невид (2013) [2, 8, 9, 10,11, 12, 13, 14, 15] и других.

Одним из психологических феноменов, отражающих индивидуальные особенности мотивации и целенаправленного поведения человека, является уровень притязаний. Притязание рассматривается как стремление личности достигнуть определенного статуса, определенной цели, определенного результата деятельности [4]. Уровень притязания тесно связан с самооценкой личности, т.е. стремлением к достижению целей той степени сложности, на которую человек считает себя способным. В основе уровня притязания личности лежит такая оценка своих способностей, сохранение которой стало для человека потребностью [7]. Понятия «притязание» и «уровень притязаний» имеет широкую и не односложную трактовку. В. Гошек подчеркивает, что уровень притязаний представляет собой самооценку, косвенно выраженную посредством требований к качеству собственной деятельности [3]. Х. Хекхаузен видит в уровне притязаний

заний показатель индивидуальной специфики мотивации достижения, ее конкретно-личностное выражение [11].

Притязания студентов в ходе изучения иностранного языка влияют на эффективность их овладения учебным материалом, на успешность развития четырех видов речевой деятельности (говорения, аудирования, чтения и письма) и оптимизацию процесса изучения иностранного языка в целом, этим определяется **актуальность** нашего исследования.

В связи с этим **целью** нашего исследования является изучение особенностей притязаний студентов на разных этапах обучения в ВУЗе в процессе изучения иностранного языка.

Задачи исследования:

1. Выявить особенности притязаний студентов в процессе изучения иностранного языка;
2. Проследить изменения притязаний студентов в процессе изучения иностранного языка на разных этапах обучения в ВУЗе.

Методологическую основу исследования составили теоретический анализ психологических работ по проблеме исследования, эмпирические методы исследования, количественный и качественный анализ эмпирических данных, полученных в процессе проведения эксперимента.

Характеристика выборки

Исследование проводилось на базе Нижегородского Государственного Педагогического Университета имени Козьмы Минина города Нижнего Новгорода. В исследовании приняли участие 158 студентов 1, 2 и выпускного курса гуманитарного и психолого-педагогического факультетов, в возрасте 17–22 года.

С целью изучения притязаний студентов в процессе изучения иностранного языка мы использовали методику В.К. Гербачевского «Оценка уровня притязаний». Студентам предлагалось ответить на вопросы теста после выполнения сложного учебного задания. Так как восприятие иноязычной речи на слух считается одним из наибо-

лее трудных заданий в ходе обучения иностранному языку, именно упражнения на данный вид речевой деятельности были включены в диагностический процесс.

Результаты

Полученные результаты отображены на рисунке 1:

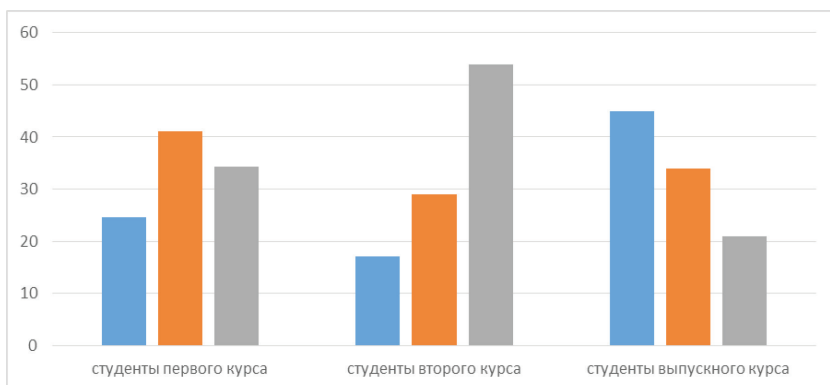

Рис. 1. Уровни притязаний студентов разных этапов обучения

Как видно из рисунка у 24,6% первокурсников 17% второкурсников и 45% выпускников выявлен высокий уровень притязаний. У данных студентов доминируют внутренний и познавательный мотивы. Эти испытуемые проявляют интерес к заданию, выполняют его с увлечением, рассматривают задания как возможность обогатить свои знания по иностранному языку. У данных студентов выражен состязательный мотив, для них важен высокий результат и они прикладывают усилия с целью его достижения, чтобы избежать неудачи и не показать низкие по сравнению с однокурсниками оценки. Мотив самоуважения характеризует намерение студентов преуспеть в выполнении задания повышенной сложности.

Мотив к смене текущей деятельности у этих студентов не выражен, они не склонны отвлекаться и прерывать свою работу над заданиями. Данные испытуемые проявляют волевое усилие в процессе изучения иностранного языка, они принимают сложные учебные

задачи, прогнозируют результаты своей деятельности, стараются преуспеть в выполнении заданий, выполняют упражнения сосредоточенно и последовательно, рассчитывая на положительную оценку, они нацелены на достижение высоких результатов своей деятельности. Данные испытуемые осознают свои возможности при выполнении задания, представляющего для них упражнение повышенной сложности, они проявляют инициативу в ходе его выполнения, прикладывают усилия. Все это характеризует этих студентов как уверенных в своих силах, эмоционально устойчивых, деятельных субъектов образовательного процесса.

У 41,1% испытуемых первого курса, 29% второкурсников и 34% выпускников диагностирован средний уровень притязаний. Для этих студентов характерно недостаточное проявление внутреннего и познавательного мотива в ходе учебного процесса по иностранному языку, они не считают задание важным для их личностного и интеллектуального развития, в связи с чем не слишком заинтересованы в успешности его выполнения и результате. У данных студентов проявился мотив избегания и смены деятельности, боязнь получения отрицательной оценки и порицаний провоцирует данных студентов к избеганию выполнения заданий повышенной сложности, студенты склонны прекращать работу и проявлять невнимательность. У этих студентов мотив достижения целей выражен недостаточно, не все студенты рассматривают данное задание как лично-значимое, они признают его сложность и в определенной степени прилагают волевое усилие для выполнения данного задания, но ориентируясь на результаты предыдущих подобных заданий, могут выражать сомнение в достижении успеха. Активность и инициатива данных испытуемых зависит от степени вовлеченности в выполнение конкретного задания. Мотив самоуважения у них не статичен, эти студенты невысоко оценивают свой потенциал и свои возможности в решении сложных учебных задач.

Среди первокурсников 34,3% имеют низкий уровень притязаний. Данный уровень притязаний был выявлен у 54% испытуемых второго курса и 21% студентов выпускного курса. У этих студентов

диагностировано отсутствие внутреннего и познавательного мотивов в ходе выполнения задания по иностранному языку. Мотив избегания и смены деятельности ярко выражен. Студенты не проявляют интереса ни к учебной задаче, ни к результату своей деятельности. Они оценивают свой потенциал как недостаточный для выполнения сложного упражнения, в связи с чем предпочитают не проявлять волевых усилий для его успешного выполнения. Данные студенты неактивны и безынициативны в ходе учебного процесса по иностранному языку, они не мобилизуют усилия при выполнении заданий и не рассчитывают на положительную оценку. Данные испытуемые не ставят перед собой сложные цели, их деятельность направлена на избегание неудач и порицаний.

Особенности притязаний студентов на разных этапах обучения в ВУЗе можно проследить на графике:

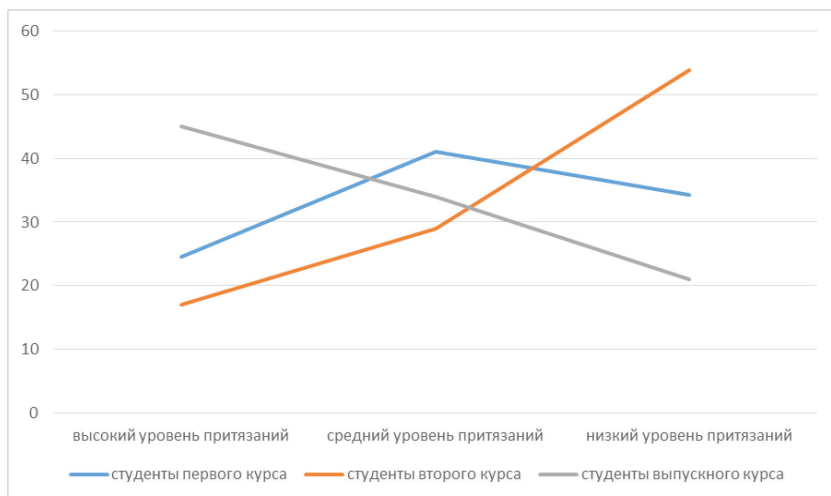

Рис. 2. Особенности притязаний студентов на разных этапах обучения

Как видно из графика притязания студентов претерпевают изменения в зависимости от этапа обучения в ВУЗе. Высокий уровень притязаний преобладает у выпускников (45%), наименьший показатель выявлен у студентов второго курса (17%), среди первокурсников

24,6% студентов имеют высокий уровень притязаний. В мотивационной структуре данных студентов выражены внутренний мотив к изучению иностранного языка, познавательный мотив доминирует в ходе учебной деятельности, мотив самоуважения и состязательный мотив. Они высоко оценивают свой потенциал и стремятся к достижению высоких результатов. Выпускники в большей степени ориентированы на достижение целей, на успех в своей деятельности, они проявляют активность в процессе деятельности. Мотив к избеганию и смене деятельности у данных студентов не выражен. Данные студенты проявляют волевое усилие, мобилизуют свои интеллектуальные ресурсы. Их характеризует находчивость при выполнении учебных задач, инициативность, намерение достигнуть успеха в деятельности.

Средний уровень притязаний доминирует у первокурсников (41,1%), наименьший показатель был диагностирован у студентов второго курса (29%), и 34% выпускников обладают данным уровнем. Для этих студентов характерно недостаточное проявление внутреннего и познавательного мотивов, они зависят от степени заинтересованности испытуемых в учебном задании и результате. Данные студенты проявляют инициативу и волевое усилие в выполнении задания повышенной сложности лишь в случае значимости результатов деятельности. Данные студенты невысоко оценивают свой потенциал и не пытаются ставить перед собой труднодостижимые цели. Для них характерно проявление мотива к смене деятельности и мотива избегания. Они считают данное учебное задание сложным и прогнозируют удовлетворительный, а не отличный результат своей деятельности.

Низкий уровень притязаний превалирует у испытуемых второго курса (54%), меньше всего выпускников (21%) имеют данный уровень, у 34,3% первокурсников также диагностирован данный уровень. Число студентов с низким уровнем притязаний к выпускному курсу снизилось. Для этих студентов характерно отсутствие внутреннего и познавательного мотивов, а также мотива состязания. Мотив избегания и смены деятельности ярко выражен. Данные сту-

денты не заинтересованы в получении высоких результатов, они не ставят перед собой труднодостижимые цели. Эти студенты оценивают свой потенциал недостаточным для выполнения упражнений повышенной сложности, для них учебные задания по английскому языку не являются лично-значимыми. Студенты не мобилизуют интеллектуальные ресурсы и не прикладывают усилия для достижения положительных результатов, для них характерно отсутствие заинтересованности в результатах своей деятельности.

Заключение

Таким образом полученные данные свидетельствуют, что большинство студентов первого и второго курсов при традиционном обучении имеют средний и низкий уровни притязаний в процессе изучения иностранного языка. Результаты исследования могут быть применены в дальнейших психологических исследованиях, а также использованы преподавателями иностранного языка в педагогической практике. Экспериментальные материалы свидетельствуют о необходимости поиска эффективных средств способствующих развитию позитивной мотивации и притязаний студентов в процессе изучения иностранного языка.

Список литературы

1. Архипова М.В., Шутова Н.В. К проблеме использования специально организованного музыкального воздействия в учебном процессе // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т.7. № 3. С. 171.
2. Бакшаева Н.А., Вербицкий А.А. Психология мотивации студентов. Учебное пособие. М.: Логос, 2006. 184 с.
3. Бороздина Л.В. Исследование уровня притязаний. М., 1986. 103 с.
4. Конюхов Н.И. Прикладные аспекты современной психологии: термины, законы, концепции, методы, 1992.
5. Лапшова А.В. Профессиональная подготовка бакалавров в условиях модернизации вуза // Вестник Мининского университета. 2013. № 2. URL: <http://vestnik.mininuniver.ru/reader/archive/?year=2013&issue=2>

6. Смоловик О.В., Шутова Н.В. Сравнительный анализ мотивов изучения иностранного языка у современных студентов // Казанский педагогический журнал. 2016. № 4 (117). С. 168–171.
7. Шапарь В.Б. Словарь практического психолога. М.: АСТ, Харьков: Торсинг, 2005. 734 с.
8. Atkinson J.W. (1957) Motivational determinants of risk-taking behavior. *Psychological Review*, 64, 359-372.
9. Gardner R.C. (1985). *Social psychology and second language learning: The role of attitudes and motivation*. London: Edward Arnold.
10. Gardner R.C. (2004). *Attitude / motivation test battery: International AMTB research project*. Canada: The University of Western Ontario.
11. Heckhausen H. (1967) *The anatomy of achievement motivation*. New York: Academic Press, Chapt. 2.
12. Maslow A.H., *A philosophy of psychology*, in Fairchild, J. (ed.), *Personal Problems and Psychological Frontiers*, New York: Sheridan, 1957.
13. McClelland D.C., Atkinson J.W., Clark R.W., & Lowell E.L. (1953) *The achievement motive*. New York: Appleton-Century Crofts.
14. Nevid J. (2013). *Psychology: Concepts and applications*. Belmont, CA: Wadworth.
15. Ryan R.M., & Deci E.L. (2017). *Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness*. New York: Guilford Publishing.

References

1. Arkhipova M.V., Shutova N.V. К проблеме испол'зованиya spetsial'no organizovannogo muzykal'nogo vozdeystviya v uchebnom protsesse [To the problem of using a specially organized musical influence in the educational process]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and Socio-educational Thought]. V. 7, No. 3. P. 171.
2. Bakshaeva N.A., Verbitskiy A.A. *Psikhologiya motivatsii studentov* [Psychology of students motivation]. Tutorial. Moscow: Logos, 2006. 184 p.
3. Borozdina L.V. *Issledovanie urovnya prityazaniy* [Investigation of the level of claims]. M., 1986. 103 p.

4. Konyukhov N.I. *Prikladnye aspekty sovremennoy psikhologii: terminy, zakony, kontseptsii, metody* [Applied aspects of modern psychology: terms, laws, concepts, methods], 1992.
5. Lapshova A.V. Professional'naya podgotovka bakalavrov v usloviyakh modernizatsii vuza [Professional training of bachelors in the conditions of university modernization]. *Vestnik Mininskogo universiteta* [Herald of the University of Minin]. 2013. No 2. <http://vestnik.mininuniver.ru/reader/archive/?year=2013&issue=2>
6. Smolovik O.V., Shutova N.V. Sravnitel'nyy analiz motivov izucheniya inostrannogo yazyka u sovremennykh studentov [Comparative analysis of the motives of studying a foreign language in modern students]. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal* [Kazan Pedagogical Journal]. 2016. No. 4 (117), pp. 168–171.
7. Shapar' V.B. *Slovar' prakticheskogo psikhologa* [Dictionary of practical psychologist]. Moscow: AST, Kharkov: Torsing, 2005. 734 p.
8. Atkinson J. W. (1957) Motivational determinants of risk-taking behavior. *Psychological Review*, 64, 359–372.
9. Gardner R.C. (1985). *Social psychology and second language learning: The role of attitudes and motivation*. London: Edward Arnold.
10. Gardner R.C. (2004). *Attitude / motivation test battery: International AMTB research project*. Canada: The University of Western Ontario.
11. Heckhausen H. (1967) *The anatomy of achievement motivation*. New York: Academic Press, Chapt. 2.
12. Maslow A.H. A philosophy of psychology, in Fairchild, J. (ed.), *Personal Problems and Psychological Frontiers*, New York: Sheridan, 1957.
13. McClelland D.C., Atkinson J.W., Clark R.W., & Lowell E.L. (1953) *The achievement motive*. New York: Appleton-Century Crofts.
14. Nevid J. (2013). *Psychology: Concepts and applications*. Belmont, CA: Wadworth.
15. Ryan R.M., & Deci E.L. (2017). *Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness*. New York: Guilford Publishing.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Смоловик Ольга Васильевна, старший преподаватель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет)»

ул. Ульянова, 1 г. Нижний Новгород, 604950, Российская Федерация

olga.nnspu24@gmail.com

Шутова Наталья Вадимовна, профессор, доктор психологических наук, профессор

Нижегородский национальный исследовательский университет имени Н.И.Лобачевского (ННГУ)

пр. Гагарина, д. 23, г. Нижний Новгород, 603950, Российская Федерация

shutovanataliavadimovna@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Smolovik Olga Vasilyevna, Senior Lecturer

Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

1, Ulyanova Str., Nizhny Novgorod, 604950, Russian Federation

olga.nnspu24@gmail.com

SPIN-code: 3238-9670

ORCID: 0000-0002-6286-7983

Researcher ID: J-9136-2017

Shutova Natalya Vadimovna Professor, Ph.D. in Psychology, Professor

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

23, Prospekt Gagarina, Nizhny Novgorod, Russian Federation

shutovanataliavadimovna@mail.ru

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-4-76-87
УДК 616.5+159.96

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ ЭРИКСОНОВСКОЙ ГИПНОТЕРАПИИ В КОСМЕТОЛОГИИ НА ПРИМЕРЕ ПРОЦЕДУРЫ СКУЛЬПТУРНОГО МАССАЖА ЛИЦА ПО ТИБЕТСКОЙ ТЕХНИКЕ

Мальцева Т.В., Казакова П.О., Казаков А.А.

Цель. Недостаточная информированность людей о гипнозе и, как следствие, распространенные заблуждения, порождающие чувство страха перед данным методом психотерапии, не препятствуют его активному использованию в различных направлениях медицины.

Целью нашего исследования стало изучение эффективности методов эриксонской гипнотерапии в рамках косметологии на примере процедуры скульптурного массажа лица по тибетской технике.

Материалы и методы. В исследовании участвовали 22 женщины в возрасте от 22 до 69 лет (средний возраст $43,52 \pm 10,34$ лет). Контрольную группу составили 22 женщины от 35 до 66 лет (средний возраст $48,81 \pm 10,33$ лет). Участницы, по собственному желанию, были распределены на контрольную и экспериментальную группы. В ходе исследования, каждой участнице экспериментальной группы проводилось три сеанса скульптурного массажа лица по тибетской технике в сочетании с эриксонской гипнотерапией.

Критерием оценки эффективности стал анализ изменения линии бровей, рассчитываемый по формуле: «наружный кантус-точка назиона» (КН) / расстояние «наружный кантус-бровь» (КБ)» (Сергиенко В.И., Кулаков А.А., Петросян Н.Э., Петросян Э.А.), а так же опросник САН: самочувствие, активность, настроение (В.А. Доскин, Н.А. Лаврентьева, В.Б. Шарай и М.П. Мирошников).

Результаты. Объективные результаты исследования, оцениваемые при помощи критерия Манн-Уитни, оказались в зоне незначимости. По объективным показателям психологического состояния

исследуемых различий в сеансах с гипнотической индукцией и без нее нет. По субъективным высказываниям в экспериментальной группе намного реже присутствовали ощущения болезненности процедуры (14 %), а в контрольной группе на болезненность процедуры жаловались все участницы (100%).

Заключение. Использование методов эриксоновской терапии во время проведения болезненной техники массажа дает эффект обезболивания, процедура переносится мягче, с субъективно положительными эмоциями. Субъективные отзывы участниц наводят на мысль о необходимости дополнительного исследования возможностей использования техник эриксоновской гипнотерапии в рамках современной косметологии и дерматовенерологии, либо разработки специального инструментария для оценки результатов воздействия гипнотической индукции.

Ключевые слова: эриксоновская гипнотерапия; косметология; анестезия; анальгезия; скульптурный массаж по тибетской технике.

THE USE OF ERIKSON HYPNOTHERAPY METHODS IN COSMETOLOGY ON THE EXAMPLE OF THE PROCEDURE OF SCULPTURE FACE MASSAGE BY TIBETAN TECHNIQUE

Maltseva T.V., Kazakova P.O., Kazakov A.A.

Purpose. A lack of awareness about hypnosis and, as a result, widespread misconceptions that provoke a fear of this method of psychotherapy do not prevent from active use of this method in various disciplines of medicine.

The **aim** of our research is the study of efficiency of Erickson hypnotherapy methods in cosmetology using the procedure of sculpture face massage based on the Tibetan technique as an example.

Methodology. 22 women aged 22 to 69 (the average age is 43,52 ±10,34 years old) participated in the study. The control group consists of 22 women aged 35 to 66 (the average age is 48,81 ±10,33 years old). The

participants were voluntarily divided into the control and experimental groups. During the study each participant had 3 sessions of sculpture massage based on the Tibetan technique in combination with Erickson hypnotherapy.

The criterion for assessing the efficiency of the method was the analysis of the change of the brow line which is calculated according to the formula: “outer cantus-point of nasion” (CN)/ the length of “outer cantus-brow (CB)” (Sergienko V.I., Kulakov A.A., Petrosyan N.E., Petrosyan E.A.), as well as WAM questionnaire: well-being, activity, mood (Doskin V.A., Lavrentjeva N.A., Sharay V.B., Miroshnikov M.P.).

Results. *The use of hypnotic induction during quite painful technique of face massage has an effect of anesthesia, the patients undergo the procedure more smoothly with subjectively positive emotions. Objective results of the study evaluated with the Mann-Whitney U-test were in the zone of irrelevance. According to the objective indicators of the psychological well-being of the participants there is no difference between sessions with hypnotic induction and without it. However according to the subjective feedback, the participants of the experimental group far less frequently met the painfulness of the procedure (14%), while all the participants of the control group suffer from the painfulness of the procedure (100%).*

Conclusion. *Subjective feedback of the participants suggests the necessity of further study of the possibilities of use of Erickson hypnotherapy in modern cosmetology and dermatovenereology, or the elaboration of specialized toolkit to assess the results of hypnotic induction.*

Keywords: *Erikson hypnotherapy; cosmetology; anesthesia; analgesia; sculpture face massage by Tibetan technique.*

Введение

Несмотря на достаточно низкую осведомленность населения о гипнотической индукции и часто встречающемся страхе перед гипнотическим трансом [2, 6], данный метод находит свою реализацию во всех сферах жизни человека, особое место занимает его терапевтический аспект в медицинской деятельности: в психиатрии, дерматологии, неврологии [13, 14, 15]. Феноменом анальгезии и ане-

стезии, полученном при гипнотическом ведении, заинтересовались врачи-стоматологи из-за возможности проведения болезненных процедур и медицинских вмешательств в более комфортном для пациента состоянии [7, с. 1663–1667]. Облегчение страданий роженицы и уменьшение риска родовой травмы, в результате гипнотического сопровождения родов, открывают новые возможности для акушеров-гинекологов [3, с. 7–10].

Высокий уровень урбанизации, нарушение экологического равновесия, всевозможные личные причины способствуют возникновению дистрессов разной степени выраженности у большинства людей [5, с. 185–192]. Это является неотъемлемой частью нарушенных психофизиологических функций в организме человека со всеми вытекающими последствиями.

Борясь с негативным настроением, многие женщины приходят в кабинет косметолога с жалобами на «тяжелую работу», «повседневность», в поиске «релаксации», «чувства свободы» [8].

Целью исследования стало изучение эффективности методов эриксоновской гипнотерапии в рамках косметологии.

Материалы и методы

К исследованию приглашались женщины, желающие улучшить свой внешний вид с помощью скульптурного массажа лица по тибетской технике и не имеющие противопоказаний к данному виду массажа или к гипнозу.

В исследовании участвовали 22 женщины в возрасте от 22 до 69 лет (средний возраст $43,52 \pm 10,34$ лет). Контрольную группу составили 22 женщины от 35 до 66 лет (средний возраст $48,81 \pm 10,33$ лет). Расчет размера выборки предварительно не производился. Участницы были распределены на две группы: группа без использования гипнотической индукции (контрольная группа) и группа с использованием во время массажа гипнотической индукции (экспериментальная группа). Распределение участниц по группам производилось по их желанию.

В ходе исследования, каждой участнице экспериментальной группы проводилось три сеанса скульптурного массажа лица по тибетской технике в сочетании с эриксоновской гипнотерапией. Процесс проведения массажа сопровождался созданием гипнотической индукции через фиксацию внимания на базовых модальностях, депонтификацию сознания через способ насыщения, далее следовал запуск бессознательного поиска с выходом на бессознательные процессы. В контексте гипнотерапии применялись: ратификация, диссоциация, релятивизация, гармонизация, метафоры в сочетании с косвенными и прямыми внушениями направленные на расслабление, «омолаживание», обезболивание, а также приемы углубления транса [4, 11, 12]. Сеансы проводились один раз в неделю.

Одним из критериев оценки эффективности стал анализ изменения линии бровей, рассчитываемый по формуле: «наружный кантус-точка назиона» (КН) / расстояние «наружный кантус-бровь» (КБ) [9]. В качестве метода контроля психологического состояния испытуемых, использовался опросник САН: самочувствие, активность, настроение (В.А. Доскин, Н.А. Лаврентьева, В.Б. Шарай и М.П. Мирошников) [1] (далее САН), заполняемый до сеанса и после него. Подсчет полученных данных производился с помощью сайта: <http://psyttests.org/psystate/san-run.html> [16].

Результаты и обсуждение

Результаты оценки изменения психологического состояния испытуемых с помощью опросника САН представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Оценка изменения психологического состояния испытуемых

в ходе исследования

	Экспериментальная группа (с использованием гипнотической индукции)		Контрольная группа	
	До	После	До	После
Самочувствие	5,55±0,88	5,70±0,71	5,49±0,99	5,66±0,77
Активность	4,48±1,21	4,96 ±1,27	4,66±1,09	5,24 ±1,20
Настроение	5,94 ±0,85	6,31 ±0,60	6,01 ±0,88	6,24 ± 0,83

Как видно из таблицы 1 экспериментальная и контрольная группа по параметрам психологического состояния как «до», так и «после» исследования не различаются. Это также подтверждает расчет U-критерия (критерий Манна-Уитни)[10, с. 49–56] при сравнении данных групп по параметрам психологического состояния. Полученные эмпирические значения $U_{\text{эмп}}$ находятся в зоне незначимости по параметрам самочувствие, активность, настроение. Таким образом, экспериментальная группа не превосходит контрольную группу, мы имеем две группы с равными средними показателями, как на начало экспериментальной части исследования, так и на окончание эксперимента.

Следует сделать вывод, что по объективным показателям психологического состояния исследуемых различий в сеансах с гипнотической индукцией и без нее нет. Однако, по субъективным высказываниям в экспериментальной группе намного реже присутствовали ощущения болезненности процедуры (14 %), а в контрольной группе на болезненность процедуры жаловались все участницы (100%). В экспериментальной группе все исследуемые (100%) сразу после массажа высказывали положительные эмоции в ярко выраженной экспрессивной форме, в контрольной группе положительные эмоции высказывались лишь после третьего сеанса, когда результат от процедуры становился более стойким. Также у исследуемых из экспериментальной группы отмечалось сохранение трансового состояния сразу после сеанса, что можно считать результатом хорошо проведенного гипнотического сопровождения.

Для сравнения преобразования признаков старения был проведен анализ изменения линии бровей в ходе исследования, рассчитываемый по формуле: расстояние «наружный кантус-точка назиона» (КН) / расстояние «наружный кантус-бровь» (КБ)[9] (Таблица 2).

Таблица 2.

Оценка изменения линии бровей

	Экспериментальная группа	Контрольная группа
Первый сеанс	2,25±0,22	2,34±0,33
Третий сеанс	2,25±0,28	2,37±0,28

Анализируя таблицу 2, напрашивается вывод о том, что исследуемый параметр в обеих группах изменяется незначительно. Критерий Манна-Уитни так же указывает на нахождение $U_{эмп}$ в зоне незначимости. Однако, стоит иметь ввиду, что курс процедур «Скульптурный массаж лица. Тибетская техника» не был проведен в полном объеме, что вероятно и является причиной отсутствия объективного результата.

Необходимо оговорить, что все женщины, как экспериментальной, так и контрольной группы, заметили положительный эффект от процедур. Отмечалось улучшение цвета кожи лица, четкость и подтянутость овала лица, разглаживание морщин. Женщины с преэктопией сообщили об улучшении зрения в течение нескольких дней после сеанса. Помимо этого, участницы эмпирической группы с удовольствием рассказывали о пережитом опыте гипнотического транса, субъективно отмечали улучшение настроения, более гармоничное восприятие себя и утверждали о неприемлемости прохождения процедур массажа лица без гипнотического сопровождения.

Две испытуемые из контрольной группы в возрасте 64 и 62 лет, были вынуждены выбыть из исследования досрочно в связи с повысившимся артериальным давлением в течение 24 часов, после процедуры, что стало основанием для прекращения участия в исследовании.

Заключение

Таким образом, нами проведен сравнительный анализ эффективности процедуры массажа лица, как самостоятельной процедуры, так и с гипнотическим сопровождением. Использование гипнотической индукции во время проведения достаточно болезненной техники массажа дает эффект обезболивания, процедура переносится мягче, с субъективно положительными эмоциями. 87% участниц экспериментальной группы прошли полный курс (10 процедур) «Скульптурный массаж лица. Тибетская техника», а в контрольной группе ни одна из участниц из-за болезненных ощущений полный курс не прошла. Этим и объясняется невозможность продолжения регистрации результатов эксперимента относительно сравнения параметров изменения линии бровей.

Несмотря на незначительные объективные результаты, субъективные отзывы участниц подтверждают необходимость более тщательного и полного исследования возможностей эриксоновской гипнотерапии в рамках современной косметологии, а также подбора сравнимых признаков и диагностического инструментария.

Список литературы

1. Барканова О.В. (сост.) Методики диагностики эмоциональной сферы: психологический практикум. Вып. 2. Красноярск: Литера-принт, 2009. 237 с.
2. Бехтерев В.М. Гипноз, внушение, телепатия. М.: Мысль, 1994. 364 с.
3. Вишневецкая Е.Е. Применение суггестивных методов, в том числе гипнотерапии, в акушерской практике // Журнал акушерства и женских болезней. 2017. № 5. С. 7–10.
4. Гинзбург М.Р., Яковлева Е.Л. Эриксоновский гипноз: систематический курс. М.: Независимая фирма «Класс», 2015. 264 с.
5. Кенунен О.Г. Психофизиологические аспекты адаптации к жизни в большом городе // Всероссийская научно-практическая конференция «Город в зеркале наук – 2015». 2015. С. 185–192.
6. Михайлов А.О., Попова В.В., Иванова Н.С. Исследование отношения к гипнозу и гипнотерапии студентов (по данным социологического исследования) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 1–1. С. 155–158. URL: <https://www.applied-research.ru/ru/article/view?id=6357> (дата обращения: 01.02.2018).
7. Сафиуллин А.А. Гипнотерапия в стоматологической практике // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 12 (часть 9). С. 1663–1667.
8. Сац Е.А. Особенности самосознания женщин, недовольных собственной внешностью: автореф. дис. ... канд. психол. наук. ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет», М., 2015. URL: <http://nauka-pedagogika.com/psihologiya-19-00-01/dissertaciya-osobennosti-samosoznaniya-zhenschin-nedovolnyh-sobstvennoy-vneshnostyu> (дата обращения: 31.01.2018).
9. Сергиенко В.И., Кулаков А.А., Петросян Н.Э., Петросян Э. А. Пластическая хирургия лица и шеи. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. 328 с.

10. Сидоренко Е.В. Математические методы обработки в психологии. СПб., 2001. С. 49–56.
11. Тукаев Р.Д. Механизмы гипноза и гипнотерапии (теоретический анализ и практическое применение в психотерапии психогений и неврозоподобных состояний): автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, Санкт-Петербург, 1999. URL: <http://medical-diss.com/medicina/mehanizmu-gipnoza-i-gipnoterapii> (дата обращения: 31.01.2018).
12. Эриксон М. Гипнотические реальности: Наведение клинического гипноза и формы косвенного внушения / Милтон Эриксон, Эрнест Росси, Шейла Росси; пер. с англ. М.А. Якушиной под ред. М.Р. Гинзбурга. М.: Класс, 2000.
13. Shenefelt P.D. Hypnosis in Dermatology. *Arch Dermatol.* 2000, pp. 393–399.
14. Barbero U., Ferraris F., Muro M., Budano C., Anselmino M., Gaita F. Hypnosis as an effective and inexpensive option to control pain in transcatheter ablation of cardiac arrhythmias // *Journal of Cardiovascular Medicine.* 2018, 19(1), pp. 18–21. doi: 10.2459/JCM.0000000000000605
15. Berlière M., Roelants F., Watremez C., Docquier M.A., Piette N., Lamerant S., etc. The advantages of hypnosis intervention on breast cancer surgery and adjuvant therapy // *Breast.* 2018. V.37. pp. 114-118. doi: 10.1016/j.breast.2017.10.017.
16. <http://psyttests.org/psystate/san-run.html> (дата обращения: 29.01.2018).

References

1. Barkanova O.V. Metody diagnostiki emotsionalnoy sfery: psikhologichesky practicum – vyp.2 [Methods of the diagnosis of emotional sphere: psychological practicum – 2nd release]. Krasnoyarsk: Litera-print, 2009. 237 p.
2. Behterev V.M. *Gipnoz, vnushenie I telepatiya* [Hypnosis, suggestion, telepathy]. Moscow: Mysl, 1994. 364 p.
3. Vyshnevskaya E.E. Primenenie suggestivnykh metodov, v tom chisle gipnoterapii, v akusherskoy praktike [The use of suggestive methods, including hypnotherapy, in obstetric practice]. *Journal of obstetrics and woman disease*, no 5 (2017), pp. 7–10.

4. Ginzbur M.R., Yakovleva E.L. *Eriksonovskiy gipnoz: sistematicheskaya kurs* [Erickson hypnosis: systematic course]. Moscow: Nezavisimaya firma “Klass”, 2015. 264 p.
5. Kenunen O.G. Psikhofiziologicheskiye aspekty adaptatsii k zhizni v bolshom gorode [Psychophysiological aspects of adaptation to living in a big city]. *Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya “Gorod v zerkale nauk – 2015”* [All-Russian scientific-practical conference “City in the Mirror of Sciences – 2015”], 2015, pp. 185–192.
6. Mykhailov A.O., Popova V.V., Ivanova N.S. Issledovanie otnosheniya k gipnozu i gipnoterapii studentov (po dannym sotsiologicheskogo issledovaniya [The study of students’ attitude to hypnosis and hypnotherapy]. *International journal of applied and fundamental research*, no 1-1 (2015), pp. 155–158. <https://www.applied-research.ru/ru/article/view?id=6357> (applied to on 01.02.2018).
7. Safiullin A.A. Gipnoterapiya v stomatologicheskoy praktike [Hypnotherapy in dentistry]. *International journal of applied and fundamental research*, no 12 part 9 (2016), pp. 1663–1667.
8. Sats E.A. *Osobennosti samosoznaniya zhenstchin, nedovolnykh sobstvennoy vneshnostiyu: avtoreferat dissertatsii...kand. psikhol. nauk* [Features of self-awareness of women dissatisfied with their appearance: author’s summary of thesis... Candidate of Psychological science]. Moscow: Russian State University for the Humanities. 2015. <http://nauka-pedagogika.com/psihologiya-19-00-01/dissertatsiya-osobennosti-samosoznaniya-zhenstchin-nedovolnykh-sobstvennoy-vneshnostyu> (applied to on 31.01.2018).
9. Sergienko V.I., Kulakov A.A., Petrosyan N.E., Petrosyan E.A. *Plasticheskaya khirurgiya litsa I shey* [Plastic surgery of face and neck]. Moscow: GEOTAR – Media, 2010. 328 p.
10. Sidorenko E.V. *Matematicheskiye metody obrabotki v psikhologii* [Mathematical methods of processing in psychology]. Saint-Petersburg, 2001, pp. 49–56.
11. Tukaev R.D. *Mekhanizmy gipnoza I gipnoterapii (teoreticheskiy analiz I prakticheskoe primeneniye v psikhoterapii psikhogeniy I nevrozopodobnykh sostoyanii): avtoreferat dissertatsii...dok.med.nauk* [Mechanisms of hypnosis and hypnotherapy (theoretical analysis and practical application

- in psychotherapy of psychogenic disease and neurosis-like conditions: author's summary of thesis... [PhD of Medical science)]. Saint-Petersburg: The St. Petersburg Bekhterev Psychoneurological Research Institute, 1999. <http://medical-diss.com/medicina/mehanizmy-gipnoza-i-gipnoterapii> (applied to on 31.01.2018).
12. Erickson M., Rossi E., Rossi Sh., translation from English by Yakushina M.A. edited by Ginzburg M.R. *Gipnoticheskie realnosti: navedeniye klinicheskogo gipnoza I formykosvennogo vnusheniya* [Hypnotic realities: the Introduction of Clinical Hypnosis and Forms of Indirect Suggestion]. Moscow: Klass, 2000.
 13. Shenefelt P.D. Hypnosis in Dermatology. *Arch Dermatol.* 2000, pp. 393–399.
 14. Barbero U., Ferraris F., Muro M., Budano C., Anselmino M., Gaita F. Hypnosis as an effective and inexpensive option to control pain in transcatheter ablation of cardiac arrhythmias. *Journal of Cardiovascular Medicine.* 2018, 19(1), pp. 18–21. doi: 10.2459/JCM.0000000000000605
 15. Berlière M., Roelants F., Watremez C., Docquier M.A., Piette N., Lamerant S., etc. The advantages of hypnosis intervention on breast cancer surgery and adjuvant therapy. *Breast.* 2018. V.37. pp. 114-118. doi: 10.1016/j.breast.2017.10.017.
 16. <http://psyttests.org/psystate/san-run.html>

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Мальцева Татьяна Вячеславна, кандидат психологических наук, доцент, гипнотерапевт, преподаватель общероссийской профессиональной психотерапевтической лиги
Академия управления МВД России
ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, г. Москва, 125171,
Российская Федерация
mtv-psy@mail.ru

Казакова Полина Олеговна, студент 6 курса, косметолог-эстетист, гипнотерапевт
ГБОУ ВПО «Московский государственный медико-стоматологический университет им. А.И. Евдокимова»

*ул. Делегатская, 20/1, г. Москва, 125040, Российская Федерация
daphna94@mail.ru*

Казиков Антон Александрович, студент 6 курса, массажист
*ГБОУ ВПО «Московский государственный медико-стоматологический университет им. А.И. Евдокимова»
ул. Делегатская, 20/1, г. Москва, 125040, Российская Федерация
daphna94@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4030-133X*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Maltseva Tatiana Vyacheslavovna, Candidate of Psychological Science, Associate Professor, Hypnotherapist, Tutor in an all-Russian professional psychotherapeutic league.
*Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia
8, Zoe and Alexandra Kosmodemyanskikh Str., Moscow, 125171,
Russian Federation
mtv-psy@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0629-7293
SPIN-code: 4749-6995*

Kazakova Polina Olegovna, Student, Cosmetologist-Esthetician, Hypnotherapist
*Moscow State Medical-Stomatological University
20/1, Delegate Str., Moscow, 125040, Russian Federation
daphna94@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8349-3178
SPIN-code: 1895-0810*

Kazakov Anton Alexandrovich, Student, Masseur
*Moscow State Medical-Stomatological University
20/1, Delegate Str., Moscow, 125040, Russian Federation
daphna94@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4030-133X*

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-4-88-102

УДК 159.923

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ОСОЗНАННОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ ПРОИЗВОЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ И УРОВНЯ СУБЪЕКТИВНОГО КОНТРОЛЯ У СТУДЕНТОВ – БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

Зобнина Т.В., Кислякова Л.П.

Проблема выявления факторов, влияющих на уровень осознанной саморегуляции деятельности у студентов – будущих педагогов с целью ее последующего развития, становится особо актуальной в условиях современного высшего образования.

Целью данной статьи является освещение результатов проведенного авторами исследования взаимосвязи осознанной саморегуляции произвольной активности и уровня субъективного контроля у студентов – будущих педагогов.

Методики исследования. В ходе исследования применялись следующие методики: «Стиль саморегуляции поведения (ССПМ)» (автор В.И. Моросанова), «Уровень субъективного контроля» (УСК) (модифицированный вариант опросника Дж. Роттера).

Результаты. Выявлены взаимосвязи между общим уровнем осознанной саморегуляции произвольной активности, а также компонентами индивидуальной системы саморегуляции деятельности студентов – будущих педагогов, с одной стороны, и обобщенным показателем уровня субъективного контроля, показателями их интернальности в области достижений, неудач, межличностных отношений, с другой стороны. Определено, что уровень субъективного контроля студентов-педагогов является предиктором общего уровня осознанной саморегуляции произвольной активности. Установлено, что студенты с интернальным локусом контроля статистически значимо превосходят студентов с экстернальным локусом контроля в отношении общего уровня осознанной

саморегуляции произвольной активности, а также в отношении уровня развития моделирования значимых условий деятельности, программирования предстоящих исполнительских действий для достижения поставленных целей, оценивания результатов своей активности.

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть использованы в образовательно-воспитательной среде педагогических учебных заведений.*

Ключевые слова: *докус контроля; осознанная саморегуляция произвольной активности; студенты – будущие педагоги.*

STUDY OF THE INTERRELATIONSHIP OF CONSCIOUS SELF-CONTROL ARBITRARY ACTIVITY AND THE LEVEL OF SUBJECTIVE CONTROL OF STUDENTS-FUTURE EDUCATORS

Zobnina T.V., Kisljakova L.P.

The problem of determining the factors affecting the level of perceived self-regulation activities with students-future teachers, with a view to its subsequent development, becomes particularly relevant in the context of contemporary higher education.

The purpose *of this article is to highlight the results of a study sponsored by the relationship of conscious self-control arbitrary activity and the level of subjective control of students-future teachers.*

Research methodology. *During the research the following methods were used: “a style of self-control behavior (SMTA)” (written by V.I. Morosanova), “the level of subjective control (USK) (modified version of the questionnaire, J. Rottera).*

The results. *Revealed the relationship between the General level of conscious self-control arbitrary activity, as well as the individual components of the system of self-regulation of students-future educators, on the one hand, and a generalized level indicator subjective control, their internalnosti in the field of achievements, failures, interpersonal*

relationships, on the other hand. It is determined that the level of subjective control of students-teachers is a predictor of the overall level of conscious self-control arbitrary activity. Found that students with internalnym control lokusom statistically significantly outperform students with jeksternalnym lokusom control in relation to the General level of conscious self-control arbitrary activity, as well as on the level of development modeling of significant terms of engagement program-mirovanijapredstojashhiih performing actions to achieve its objectives, its ocenivanijarezultatov activity.

The scope of the results. *The results of this research can be used in educational pedagogical educational institutions Wednesday.*

Keywords: *locus of control; self-regulation of activity; students-future teachers.*

Введение

Проблема исследования и развития саморегуляции произвольной активности у студентов – будущих педагогов в условиях современного высшего образования становится особо актуальной. В ФГОС ВО в числе основных результатов освоения образовательных программ наряду с личностными, познавательными, профессиональными, коммуникативными компетенциями обозначаются и регулятивные компетенции. Осознанная саморегуляция произвольной активности присутствует в любом виде деятельности (учебной, профессиональной, творческой), в межличностном взаимодействии участников образовательного процесса. Достижение высот профессионализма (акме) в педагогической деятельности предполагает в качестве необходимого условия развитие саморегуляции произвольной активности у студентов – будущих педагогов.

Феномен осознанной саморегуляции произвольной активности изучается в последние десятилетия достаточно широко. В проведенных к настоящему времени исследованиях изучены компонентный состав, стили, принципы, механизмы функционирования саморегуляции поведения и деятельности, ее специфика и структура у представителей различных профессий и на разных этапах профессионального станов-

ления личности. Выявлены многообразные взаимосвязи саморегуляции произвольной активности и таких индивидуально-психологических качеств, как сила воли, мотивация достижений, самосознание, тревожность, адекватное оценивание своих возможностей при определении цели деятельности, стремление качественно выполнить работу, умение анализировать результаты работы, выявлять причины успеха и неудач и др. [2; 3; 4; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15]. Однако исследований, посвященных изучению у студентов – будущих педагогов саморегуляции деятельности в связи с уровнем их субъективного контроля, к настоящему времени проведено недостаточно.

В связи с этим на базе Шуйского филиала ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет» нами было проведено исследование, в котором приняли участие 150 студентов первых курсов, обучающихся по педагогическим направлениям подготовки, в возрасте 17–18 лет.

Цель исследования: изучение взаимосвязи осознанной саморегуляции произвольной активности и локуса контроля студентов – будущих педагогов.

Объект исследования: осознанная саморегуляция произвольной активности и субъективный контроль личности над жизненными ситуациями.

Предмет исследования: взаимосвязь уровня саморегуляции произвольной активности и уровня субъективного контроля у студентов – будущих педагогов.

Гипотезы исследования

1. Существует взаимосвязь между уровнем саморегуляции произвольной активности и уровнем субъективного контроля у студентов – будущих педагогов.

2. Студенты с интернальным локусом контроля имеют более высокий уровень развития индивидуальной системы осознанной

саморегуляции произвольной активности, чем студенты с экстер-нальным локусом контроля.

Задачи исследования

1. Выявить взаимосвязи между уровнем саморегуляции произвольной активности и уровнем субъективного контроля у студентов – будущих педагогов.

2. Определить параметры высокого и низкого уровней субъективного контроля у студентов-педагогов.

3. Провести сравнительный анализ уровня развития индивидуальной системы осознанной саморегуляции произвольной активности у студентов с высоким и низким уровнем субъективного контроля.

В процессе исследования применялись следующие **методики**. Для изучения осознанной саморегуляции произвольной активности студентов нами использовалась методика «Стиль саморегуляции поведения (ССПМ)» (автор В.И. Моросанова). Данная методика позволяет выявить общий уровень (степень) осознанной саморегуляции деятельности, а также уровень развития ее компонентов (планирование целей, моделирование значимых условий деятельности, программирование предстоящих исполнительских действий, контроль, оценивание и коррекция своей активности) и регуляторных свойств личности (гибкость, самостоятельность).

С целью изучения локуса контроля применялась методика «Уровень субъективного контроля» (УСК) (модифицированный вариант опросника Дж. Роттера). В отличие от шкалы Дж. Роттера данный опросник включает пункты, выявляющие интернальность - экстернальность в области межличностных и семейных отношений, а также пункты, измеряющие УСК в области здоровья и болезни. Поскольку в нашем исследовании приняли участие студенты первых курсов, результаты, полученные по шкалам интернальности в области семейных и производственных отношений, не обрабатывались.

В ходе исследования использовались **методы** математико-статистической обработки данных (статистический анализ средних,

распределений, корреляционный, регрессионный анализ, вычислялись значения одновыборочного критерия Колмогорова-Смирнова, U-критерия Манна-Уитни) и качественный анализ результатов исследования.

Статистическая обработка полученных в исследовании результатов осуществлялась с помощью программного пакета «SPSS Statistics 17.0».

Научная новизна:

- установлена взаимосвязь между общим уровнем осознанной саморегуляции произвольной активности, а также компонентами индивидуальной системы осознанной саморегуляции деятельности студентов – будущих педагогов, с одной стороны, и обобщенным показателем уровня субъективного контроля, показателями их интернальности в области достижений, неудач, межличностных отношений, с другой стороны;
- определено, что уровень субъективного контроля личности студентов-педагогов является предиктором уровня осознанной саморегуляции произвольной активности;
- выявлено, что студенты-педагоги с интернальным локусом контроля статистически значимо превосходят будущих педагогов с экстернальным локусом контроля в отношении общего уровня осознанной саморегуляции произвольной активности, а также в отношении уровня развития таких регуляторных процессов, как моделирование значимых условий деятельности, программирование предстоящих исполнительских действий для достижения поставленных целей, контроль, оценивание и коррекция своей активности.

Практическая значимость

Результаты исследования могут быть использованы преподавателями педагогических вузов и колледжей, сотрудниками психологической службы, научными работниками, аспирантами, студентами.

Результаты исследования и их обсуждение

Для выявления взаимосвязи уровня саморегуляции деятельности и локуса контроля студентов – будущих педагогов нами был применен корреляционный анализ. Анализ полученных результатов (таблица 1) показал, что существует положительная статистически значимая взаимосвязь между обобщенным показателем УСК, инвариантным к частным ситуациям деятельности, и такими регуляторными процессами, как моделирование значимых условий деятельности ($r=0,308$; $p<0,05$), программирование предстоящих действий ($r=0,430$; $p<0,01$), контроль и оценка результатов своей деятельности ($r=0,421$; $p<0,01$). Это свидетельствует о том, что данные регуляторные процессы присутствуют в процессе субъективного контроля над любыми значимыми ситуациями жизни. Иными словами, в ходе контроля над разнообразными жизненными ситуациями студенты стремятся анализировать внешние и внутренние условия деятельности, выделяя из них комплекс условий, важных для достижения цели; стараются прогнозировать предстоящие исполнительские действия, необходимые для достижения цели; осуществляют контроль, оценку и коррекцию своей активности.

Таблица 1.

**Результаты корреляционного анализа взаимосвязи
уровня развития саморегуляции деятельности и уровня субъективного
контроля студентов-будущих педагогов**

	УСК (Ио)	Ид	Ин	Им	Из
Общий уровень саморегуляции	0,184	0,138	0,224	0,404**	-0,071
Планирование	0,238	0,181	0,191	0,215	-0,026
Моделирование	0,308*	0,313*	0,210	0,137	0,151
Программирование	0,430**	0,151	0,360*	0,156	0,191
Оценка результатов	0,421**	0,307*	0,398**	0,317*	0,060

Примечания:

1) в таблице используются следующие сокращения: УСК (Ио) – уровень субъективного контроля (интернальность общая); Ид – интернальность в области достижений; Ин – интернальность в области неудач; Им – интернальность в области межличностных отношений; Из – интернальность в области здоровья болезни

2) уровень значимости коэффициента линейной корреляции Пирсона: * $p<0,05$, ** $p<0,01$.

При этом наиболее тесные взаимосвязи ($p < 0,01$) обнаружены между общим уровнем интернальности и такими регуляторными процессами, как программирование предстоящих исполнительских действий, необходимых для достижения поставленной цели и контроль, оценивание и коррекция своей активности. Это дает основание полагать, что студенты обуславливают достижение целей, прежде всего, своим умением программировать действия, осуществлять контроль и коррекцию своего поведения и деятельности.

В ходе исследования нами была установлена также высокозначимая корреляция ($p < 0,01$) между общим уровнем саморегуляции и интернальностью в области межличностных отношений. Данный факт позволяет говорить о том, что чем выше уровень саморегуляции, тем в большей мере респонденты считают себя ответственными за события во взаимодействии с окружающими людьми.

Анализ взаимосвязей регуляторных процессов с показателями УСК в области достижений и в области неудач позволил обнаружить статистически достоверные взаимозависимости между интернальностью в области достижений и моделированием значимых условий деятельности ($r = 0,313$; $p < 0,05$), между интернальностью в области достижений и оценкой результатов своей активности ($r = 0,307$; $p < 0,05$). Установлена также статистически значимая взаимосвязь между уровнем субъективного контроля в области неудач и оценкой результатов выполненной деятельности ($r = 0,398$; $p < 0,01$).

Полученные результаты дают основание говорить о том, что чем выше у студентов-педагогов уровень субъективного контроля над позитивными событиями своей жизни (достижениями), тем лучше они моделируют значимые условия предстоящей деятельности; негативные события (неудачи, неприятности) в большей мере связываются ими с недостаточно развитым умением программировать свою деятельность. Умение установить критерии успешности своей деятельности одинаково важно для контроля над позитивными и негативными событиями жизни.

Показательно, что такое звено процесса саморегуляции деятельности, как «контроль, оценивание и коррекция своей активности»

значимо коррелирует как с общим уровнем интернальности, так и с показателями уровня интернальности по другим шкалам опросника УСК (кроме шкалы «интернальность в области здоровья и болезни»). Это свидетельствует о том, что развитие регуляторных процессов контроля, оценивания и коррекции своей активности повышает общий уровень интернальности личности.

Установленные в ходе корреляционного анализа статистически значимые взаимосвязи послужили основанием для последующего изучения с помощью регрессионного анализа функциональной зависимости между исследуемыми переменными. В ходе анализа нами был применен метод бинарной логистической регрессии, где зависимой переменной (результативным признаком) был определен общий уровень саморегуляции произвольной активности студентов, независимой переменной (факторным признаком) – обобщенный показатель уровня субъективного контроля.

Как известно, основной предпосылкой регрессионного анализа является то, что результативный признак (отклик) должен подчиняться закону нормального распределения, а распределение значений факторного признака (предиктора) может быть произвольным. Для проверки соответствия эмпирического распределения значений факторного и результативного признаков закону нормального распределения мы использовали одновыборочный критерий Колмогорова-Смирнова. В нашем случае статистика Z Колмогорова-Смирнова по факторному признаку составила 1,030, по результативному признаку 0,755; Асимпт.знч. (двухсторонняя) составила по факторному признаку 0,239, по результативному признаку 0,619. В отношении обеих переменных Асимпт.знч. превышала 0,05, свидетельствуя о том, что ряды значений факторного и результативного признаков не имеют значимых отличий от нормального распределения.

Значение коэффициента детерминации (R^2) составило в нашем случае 0,210. Это послужило основанием для вывода о том, что 21% изменчивости в уровне осознанной саморегуляции деятельности студентов – педагогов можно объяснить различиями в уровне их субъективного контроля, остальные 79% вариации результативно-

го признака объясняются воздействием других (не учитываемых в исследовании) факторов.

Значение критерия F-Фишера, равное 27,387, и его p-уровень значимости (0,000), свидетельствовали о том, что коэффициент корреляции между зависимой и независимой переменными статистически значим и модель регрессии может быть содержательно интерпретирована.

Из таблицы «Коэффициенты» нами были взяты значения нестандартизованного коэффициента регрессии k , свободного члена b , а также стандартизованного коэффициента регрессии (Бета), критерия t-Стьюдента и их уровни значимости, позволяющие определить статистическую значимость данных коэффициентов. В нашем случае значение коэффициента регрессии k , показывающего, насколько изменится в среднем значение результативного признака при увеличении факторного признака на единицу собственного значения, составило 0,466; значение свободного члена b , отражающего усредненное влияние на результативный признак неучтенных факторов, было равно 24,626. Таким образом, мы построили линейное уравнение парной регрессии:

$$\begin{aligned} \text{«Саморегуляция деятельности»} &= 0,466 \times \\ &\times \text{«Уровень субъективного контроля»} + 24,626 \end{aligned}$$

Значение стандартизованного коэффициента регрессии (Бета), являющегося показателем вклада каждой переменной в регрессионную модель (в нашем случае такая переменная одна), составило 0,458. Данное значение переменной статистически значимо (0,000), следовательно, может быть принято в уравнение регрессии. Тем самым мы установили, что уровень субъективного контроля студентов – будущих педагогов является предиктором общего уровня осознанной саморегуляции произвольной активности.

Подтверждением наличия взаимосвязи осознанной саморегуляции произвольной активности и локуса контроля студентов – будущих педагогов явились результаты сравнительного анализа уровня саморегуляции у студентов с разным уровнем субъективного контроля.

Из общего числа респондентов расчетным путем ($M+2/3\sigma$) нами были выделены испытуемые с высоким уровнем субъективного контроля (интерналы, $n=17$ чел.) и студенты с низким уровнем субъективного контроля (экстерналы, $n=24$ чел.). Как видим, число студентов-первокурсников, считающих себя пассивным объектом действия других людей и внешних обстоятельств, преобладает над количеством студентов, ощущающих себя активным субъектом собственной жизни и деятельности.

В таблице 2 отражены средние арифметические значения общего уровня осознанной саморегуляции произвольной активности, а также уровня развития регуляторных процессов у студентов-педагогов с разным локусом контроля. Из представленных в таблице данных видно, что студенты-интерналы превосходят студентов-экстерналов по уровню развития всех компонентов индивидуальной системы осознанной саморегуляции произвольной активности.

Таблица 2.

Различия в уровне развития регуляторных процессов между студентами с интернальным и экстернальным локусом контроля

Регуляторные процессы	Средние значения показателей саморегуляции деятельности у студентов с разным локусом контроля		Значения U-критерия Манна-Уитни	
	Студенты-интерналы $M\pm m$ ($n=17$ чел.)	Студенты-экстерналы $M\pm m$ ($n=24$ чел.)	U	p
Планирование	6,29±0,43	5,63±0,46	174,500	p>0,05
Моделирование	6,47±0,39	4,58±0,36	89,500*	p<0,01
Прогнозирование	6,88±0,38	5,50±0,37	119,500*	p<0,05
Оценивание результатов	6,59±0,34	4,88±0,42	87,000*	p<0,01
Общий уровень саморегуляции	31, 71±6,18	26, 79±0,85	94,000*	p<0,01

Примечание: * – различия статистически значимы

С помощью U-критерия Манна-Уитни были выявлены статистически значимые различия между этими группами студентов как по общему уровню осознанной саморегуляции деятельности

($U=94,0$; $p<0,01$), так и по уровню развития таких регуляторных процессов, как моделирование ($U=89,5$; $p<0,01$), прогнозирование ($U=119,5$; $p<0,05$), контроль, оценивание и коррекция своей активности ($U=87,0$; $p<0,01$).

Эти результаты позволяют утверждать, что повышение уровня субъективного контроля над значимыми событиями жизни сопровождается повышением уровня осознанной саморегуляции произвольной активности.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование подтвердило выдвинутые гипотезы и позволило сделать следующие выводы:

1. Существуют взаимосвязи между общим уровнем осознанной саморегуляции произвольной активности, а также компонентами индивидуальной системы саморегуляции деятельности студентов – будущих педагогов, с одной стороны, и обобщенным показателем уровня субъективного контроля, показателями их интернальности в области достижений, неудач, межличностных отношений, с другой стороны.

2. Уровень субъективного контроля студентов - будущих педагогов является предиктором общего уровня осознанной саморегуляции произвольной активности.

3. Студенты с интернальным локусом контроля статистически значимо превосходят студентов с экстернальным локусом контроля в отношении общего уровня осознанной саморегуляции произвольной активности, а также в отношении уровня развития таких регуляторных процессов, как моделирование значимых условий деятельности, программирование предстоящих исполнительских действий для достижения поставленных целей, контроль, оценивание и коррекция своей активности.

Список литературы

1. Ишков А.Д. Учебная деятельность студента: психологические факторы успешности. М.: АСВ, 2004. 224 с.

2. Конопкин О.А. Общая способность к саморегуляции как фактор субъектного развития // Вопросы психологии. 2004. № 2. С. 128–135.
3. Конопкин О.А. Осознанная саморегуляция как критерий субъектности // Вопросы психологии. 2008. № 3. С. 22–34.
4. Конопкин О.А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. 1995. №1. С. 5–12.
5. Ксенофонтова Е.Г. Исследование локализации контроля личности // Психологический журнал. 1999. Т.20. №2. С. 103–114.
6. Лocus контроля // Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Минск: Книжный Дом, 2003. 312 с.
7. Миславский Ю.А. Саморегуляция и активность личности в юношеском возрасте. М.: Педагогика, 1991. 152 с.
8. Моросанова В.И. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ). Руководство: Когито-Центр, 2004. 44 с.
9. Моросанова В.И. Саморегуляция и индивидуальность человека. М.: Наука, 2010. 519 с.
10. Моросанова В.И., Сагиев Р.Р. Диагностика индивидуально-стилевых особенностей саморегуляции в учебной деятельности студентов // Вопросы психологии. 1994. №5. С. 134–140.
11. Моросанова В.И. Коноз Е.М. Стилевая саморегуляция поведения человека // Вопросы психологии. 2000. №2. С. 118–127.
12. Моросанова В.И., Плахотникова И.В. Личностная саморегуляция – пути развития в юношеском возрасте // Вестник Российского гуманитарного фонда. 2004. № 4. С. 96–104.
13. Моросанова В.И., Степановский В.И. Метод выявления субъективного критерия успешности действий // Вопросы психологии. 1982. № 3. С. 129–133.
14. Осницкий, А. К. Роль осознанной саморегуляции в учебной деятельности подростков // Вопросы психологии. 2007. № 3. С. 42–51.
15. Carver C.S., Scheier M.F. On the self-regulation of behavior. New York: Cambridge University Press, 1998.
16. Rotter J.B. Social learning and clinical psychology. New York: Prentice-Hall, 1954.

References

1. Ishkov A.D. *Uchebnaya deyatel'nost' studenta: psihologicheskie faktory uspeshnosti* [Educational activity of the student: psychological factors of success]. M.: ASV, 2004. 224 p.
2. Konopkin O.A. *Voprosy psihologii*. 2004. № 2, pp. 128–135.
3. Konopkin O.A. *Voprosy psihologii*. 2008. № 3, pp. 22–34.
4. Konopkin O.A. *Voprosy psihologii*. 1995. №1, pp. 5–12.
5. Ksenofontova E.G. *Psihologicheskij zhurnal*. 1999. V.20. №2, pp. 103–114.
6. *Sociologiya: Enciklopediya* [Sociology: Encyclopedia] / A.A. Gricanov, V.L. Abushenko, G.M. Evel'kin, G.N. Sokolova, O.V. Tereshchenko. Minsk: Knizhnyj Dom, 2003. 312 p.
7. Mislavskij YU. A. *Samoregulyaciya i aktivnost' lichnosti v yunosheskom vozraste* [Self-regulation and personality activity in adolescence]. M.: Pedagogika, 1991. 152 p.
8. Morosanova V.I. *Oprosnik «Stil' samoregulyacii povedeniya» (SSPM)* [The questionnaire “Style of self-regulation of behavior” (SMPM)]. Rukovodstvo: Kogito-Centr, 2004. 44 p.
9. Morosanova V.I. *Samoregulyaciya i individual'nost' cheloveka* [Self-regulation and individuality of a person]. M.: Nauka, 2010. 519 p.
10. Morosanova V.I., Sagiev R.R. *Voprosy psihologii*. 1994. №5, pp. 134–140.
11. Morosanova V.I. Konoz E.M. *Voprosy psihologii*. 2000. №2, pp. 118–127.
12. Morosanova V.I., Plahotnikova I.V. *Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo fonda*. 2004. № 4, pp. 96–104.
13. Morosanova V.I., *Voprosy psihologii*. 1982. № 3, pp. 129–133.
14. Osnickij A.K. *Voprosy psihologii*. 2007. № 3, pp. 42–51.
15. Carver C.S., Scheier M.F. *On the self-regulation of behavior*. New York: Cambridge University Press, 1998.
16. Rotter J.B. *Social learning and clinical psychology*. New York: Prentice-Hall, 1954.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Зобнина Татьяна Венеровна, профессор кафедры психологии и социальной педагогики, доктор психологических наук, доцент

Шуйский филиал ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

ул. Кооперативная, 24, г. Шуя Ивановской обл., 155900, Российская Федерация

zobnina-tatjana@rambler.ru

Кислякова Любовь Петровна, начальник отдела маркетинга и содействия трудоустройству выпускников, кандидат технических наук, доцент

Шуйский филиал ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

ул. Кооперативная, 24, г. Шуя Ивановской обл., 155900, Российская Федерация

popsfigu@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Zobnina Tat'jana Venerovna, Professor, Department of Psychology and Social Pedagogy, Doctor of Psychology, Associate Professor
Ivanovo State University, Shuya branch

24, Kooperativnaya Str., Shuya, Ivanovo region, 155900, Russian Federation

zobnina-tatjana@rambler.ru

Kisljakova Lyubov' Petrovna, Head of Marketing and Promotion of Graduates, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor
Ivanovo State University, Shuya branch

24, Kooperativnaya Str., Shuya, Ivanovo region, 155900, Russian Federation

popsfigu@mail.ru

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-4-103-118

УДК 316.628.23

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВНЕШНЕЙ МОТИВАЦИИ

Борисова И.И.

Цель исследования. Статья посвящена изучению психологических условий эффективности внешней мотивации профессиональной деятельности. Задачами исследования являются: изучение трудовых мотивов и определяющих их факторов и описание психологических особенностей, являющихся условиями эффективности мотивационных воздействий.

Методология проведения работы. В процессе исследования анализировалась литература и использовались эмпирические методы. Метод исследования – тестирование испытуемых. Полученные результаты после проведения тестирования подверглись статистической обработке, с использованием программы R.

Результаты. Выявлены связи между внутренней и внешней мотивацией и психологическими факторами. Сделаны выводы о влиянии психологических факторов на эффективность внешней мотивации профессиональной деятельности. Определены психологические условия эффективности внешней мотивации и предложены рекомендации для руководителей компаний.

Область применения результатов. Полученные результаты могут быть использованы руководителями компаний в процессе управления персоналом.

Ключевые слова: профессиональная деятельность; достижение успеха; избегание неудач; копинг стратегия; внешняя мотивация; внутренняя мотивация.

THE PSYCHOLOGICAL CONDITIONS OF EFFICIENCY OF EXTERNAL MOTIVATION

Borisova I.I.

Purpose. The article is devoted to the study of psychological conditions of efficiency of external motivation of professional activity. The

objectives of the study are: the study of labor motives and their determining factors and the description of the psychological characteristics that are the conditions for the effectiveness of motivational influences.

Methodology of the work. *The study analyzed the literature and used empirical methods. Research method – testing of subjects. The results obtained after the test were subjected to statistical analysis using the R program.*

Results. *The connections between internal and external motivation and psychological factors have been revealed. The conclusions about the influence of psychological factors on the effectiveness of external motivation of professional activity. Psychological conditions of efficiency of external motivation have been defined and recommendations for heads of the companies have been offered.*

Scope of application. *The results can be used by managers of companies in the process of personnel management.*

Keywords: *professional activity; success achievement; failure avoidance; coping strategy; external motivation; internal motivation.*

Введение

В современных социально-экономических условиях возрастает значение человеческого фактора в развитии любой компании. Руководители современных организаций осознают, что необходимо побуждать людей к осуществлению эффективной профессиональной деятельности. Однако многие топ менеджеры полагают, что для мотивации персонала достаточно только материального вознаграждения. Такой подход нередко является безуспешным, так как нематериальная мотивация оказывает большое влияние на сотрудников компании. Поэтому необходимо учитывать закономерности человеческого поведения, мотивы, способы приведения мотивов в действие и связанной с ними мотивации при разработке эффективной системы управления персоналом.

В настоящее время среди всех теорий мотивации продолжает лидировать теория А. Маслоу: людьми движет стремление к удовлетворению большого числа потребностей. А также актуальными остаются подходы А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна и Д. Мак-

Клелланда, на основе которых современные отечественные ученые продолжают изучение различных аспектов мотивации в процессе осуществления профессиональной деятельности: Т.О. Гордеева [1], В.А. Иванников [3], С.В. Котов [4], Е.А. Пырьев [7], М.В. Прохорова и В.В. Ким [6]. Актуальна эта проблема и для зарубежных исследователей: L. George [14], A. Elliot и M. Church [12], D. Popescu, I. Bulei и V. Mihalciou [13], B. Kuvaas, R. Buch, A. Weibel, A. Dysvik и C. Nerstad [15]. Но среди всех исследований на сегодняшний день практически нет работ по изучению психологических факторов, влияющих на мотивацию деятельности человека. Психологическое изучение факторов, влияющих на мотивацию трудовой деятельности, позволяет не только находить, обосновывать методы и средства, необходимые для составления мотивационной системы, но и исследовать различные характеристики психики, психологические особенности поведения человека и отношений.

Организация, выборка и методика исследования

Эмпирическое исследование проведено с целью изучения влияния психологических условий эффективности внешней мотивации людей, осуществляющих профессиональную деятельность. **Объект** исследования – человек, работающий в организации, который имеет специальность и соответствующую квалификацию. **Предмет** исследования – условия эффективности внешних воздействий на мотивацию профессиональной деятельности. **Гипотеза** исследования: психологическими условиями эффективности внешней мотивации являются мотивация успеха и избегания неудач, установки в мотивационно-потребностной сфере, стратегии совладения с трудными ситуациями.

Эмпирическое исследование психологических условий эффективности внешней мотивации профессиональной деятельности проводилось в коммерческих организациях. Участники исследования – 55 человек в возрасте от 22 до 60 лет, которые осуществляют какой-либо вид профессиональной деятельности в организациях. Данные испытуемые были выбраны по основному критерию – осу-

ществование профессиональной деятельности. Выборочная совокупность является независимой и репрезентативной.

При исследовании психологических условий внешней мотивации профессиональной деятельности использованы следующие методики: методика диагностики личности на мотивацию к успеху Т. Элерса, методика диагностики личности на мотивацию к избеганию неудач Т. Элерса, Методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О.Ф. Потемкиной, опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса, методика «Мотивация профессиональной деятельности» К. Замфир [2, 5, 9, 11].

Результаты исследования

В результате обработки ответов испытуемых были получены показатели средних значений по группе. Максимальный процент экстремально малых и экстремально больших значений по каждому исследуемому показателю составляют:

1. Низкий уровень баллов: ориентация на эгоизм (42% испытуемых), ориентация на власть (47%), ориентация на деньги (36%), принятие ответственности на себя (49%).
2. Высокий уровень баллов: избегание неудач (38% испытуемых), самоконтроль (22%), положительная переоценка (22%), внутренняя мотивация (27%).

Различий между женской и мужской выборкой не обнаружено.

По итогам проведенных методик диагностики личности Т. Элерса на мотивацию к успеху и мотивацию к избеганию неудач осуществлено распределение результатов и визуально представлено в таблице 1.

Таблица 1.

Распределение результатов методик Т. Элерса на мотивацию к успеху и мотивацию к избеганию неудач

Шкала	Низкий балл	Уд. Вес %	Средний балл	Уд. Вес %	Высокий балл	Уд. Вес %
Мотивацию к успеху	1	2	43	78	11	20
Мотивация к избеганию неудач	3	5	31	56	21	38

Определено, что для группы испытуемых характерен средний уровень мотивации к успеху. Из совокупности респондентов всего один испытуемый имеет низкий балл по шкале стремления к успеху, почти каждый человек заинтересован в достижении успеха в своей деятельности, но этот интерес имеет средний уровень интенсивности. Выявлено, что в группе преобладает средний уровень мотивации к избеганию неудач, каждый третий человек стремится избежать санкций, выговора и других отрицательных последствий, которые могут последовать при возникновении неудачи. При сравнении показателей высоких значений первой и второй методики, можно сделать вывод, что респонденты в группе больше стремятся избежать наказаний, нежели добиться успеха.

Результаты, полученные при проведении методики диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О.Ф. Потемкиной, приведены на рисунке 1.

Рис. 1. Распределение результатов по методике диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере

На основании средних показателей определено, что для испытуемых характерно преобладание среднего уровня по большинству шкал методики на диагностику социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере. Наибольшее количество среднего уровня значений отмечено по шкалам: «ориентация на процесс», «ориентация на результат», «ориентация на альтруизм» и «ориентация на свободу». Среди названных шкал чаще результаты со средним баллом отмечаются по шкале «ориентация

на результат», что доказывает стремление людей получить результат от проделанной работы даже при условии возникновения проблем и препятствий в осуществлении задуманного. Однако по шкалам «ориентация на эгоизм», «ориентация на власть» и «ориентация на деньги» отмечено свыше 36% испытуемых с низким показателем и отсутствием высоких баллов. Данный факт свидетельствует, что для многих людей не характерно стремление к соперничеству, быть в центре внимания, к управлению людьми, а также усиленной работе только за денежное вознаграждение.

Результаты, полученные при проведении методики «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса, приведены на рисунке 2.

Рис. 2. Распределение результатов по методике «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса

Выявлено, что для группы респондентов характерно преобладание низкого и среднего уровня принятия ответственности на себя. Отсутствие высоких баллов, свидетельствует о нежелании или низком стремлении признать свои ошибки и свою роль в сложившейся проблемной ситуации. Среди результатов не имеется высоких баллов по шкале «принятие ответственности», соответственно, данная копинг-стратегия респондентами не применяется. Наблюдаются низкие баллы у большого количества испытуемых по таким шкалам, как «конфронтационный копинг», «дистанцирование» и «бегство-избегание». По этим шкалам, за исключением шкалы «бегство-избегание», также отмечено отсутствие респондентов с высоким баллом, соответственно группе копинг стратегии «конфронтационный копинг» и «дистанцирование» не применяются.

По полученным средним показателям сделан вывод о том, что преобладающими копинг-стратегиями в группе являются самоконтроль и положительная переоценка. При возникновении трудностей в процессе осуществления деятельности, респонденты будут стремиться к подавлению эмоциональных чувств для того, чтобы действовать сдержанно и разумно. Обычно к этой стратегии совладения со стрессом прибегают люди, которые стремятся скрыть от окружающих свои чувства. Характерным для группы испытуемых является переоценка негативных переживаний в положительные и рассмотрение их в качестве ресурса для личностного роста.

Результаты проведения методики на мотивацию профессиональной деятельности, приведены в таблице 2.

Таблица 2.

Распределение результатов по методике определения мотивации профессиональной деятельности

Шкала	Низкий балл	Уд. Вес %	Средний балл	Уд. Вес %	Высокий балл	Уд. Вес %
Внутренняя мотивация	2	4	38	69	15	27
Внешняя положительная	2	4	43	78	10	18
Внешняя отрицательная	8	15	39	71	8	15

Распределение результатов по методике определения мотивации профессиональной деятельности свидетельствует о том, что наибольшее влияние на мотивацию профессиональной деятельности оказывает внутренняя мотивация. В основном в группе преобладает средний балл по всем трем шкалам. Внешняя положительная мотивация оказывает более значительное влияние на мотивацию профессиональной деятельности в отличие от внешней отрицательной мотивации, по которой было выявлено наибольшее количество респондентов с низким баллом среди трех шкал.

Рассчитав с помощью программы R [8] коэффициенты корреляции Спирмена и γ -критерия Пирсона, были получены показатели связей между внешней мотивацией и психологическими фактора-

ми [10]. Произведен анализ взаимосвязей между факторами, влияющими на мотивацию профессиональной деятельности, выявлены значимые связи. Показатели корреляции приведены в таблице 3.

Таблица 3.

Показатели корреляции между психологическими факторами

Фактор	r	p
Внешняя положительная мотивация		
Возраст	-0,267	0,049
Ориентация на эгоизм	0,480	0,000
Ориентация на власть	0,521	0,000
Ориентация на деньги	0,247	0,069
Дистанцирование	-0,361	0,007
Поиск социальной поддержки	0,234	0,085
Внутренняя мотивация	0,299	0,027
Внешняя отрицательная мотивация		
Избегание неудач	0,359	0,007

Выводы по задачам исследования

1. Наблюдается высокая значимая взаимосвязь по следующим факторам:

- Ориентация на эгоизм и внешняя положительная мотивация ($r=0,480$; $p<0,000$), положительная взаимосвязь. Чем больше признания, похвалы, тем выше у индивида мотивация к профессиональной деятельности. Сотрудники с ориентацией на эгоизм стремятся выделиться из общей массы с целью добиться признания в организации. Характерными действиями работника являются соперничество с коллегами посредством наиболее эффективной работы, и предложения руководству новых идей для оптимизации и усовершенствования работы компании. Если желаемое не будет достигнуто, то работник может решить, что его не оценили должным образом, и все усилия бессмысленны. В результате может быть принято решение о переходе в другую организацию.
- Ориентация на власть и внешняя положительная мотивация ($r=0,521$; $p<0,000$), положительная взаимосвязь. Работник

эффективней осуществляет свою деятельность при условии, что ключевые задачи компании будут выполняться на основе принятого им решения и будут иметь важное значение в достижении целей компании. Стремление человека руководить другими помогает ему не быть «как все» в компании, преодолевать различные трудности и решать проблемы, а также способствует в профессиональном становлении. Жажда власти специалиста среднего звена заставляет его делать все, чтобы стать начальником и чувствовать себя более комфортно. Но если работник не будет видеть для себя пути продвижения вверх по служебной лестнице, то эффективность его деятельности будет снижаться до возникновения желания осуществить переход в другую организацию, где возможна перспектива роста в должности.

- Дистанцирование и внешняя положительная мотивация ($r=-0,361$; $p<0,007$), отрицательная взаимосвязь. Чем меньше сотрудник вовлечен в негативные эмоциональные переживания в связи с возникшей проблемой в организации, тем эффективней он работает, и наоборот. Негативные эмоции снижают эффективность профессиональной деятельности персонала, провоцируют коллективные обсуждения и возникновения конфликтов, что приводит к формированию отрицательного отношения к работе в целом. Уровень требований, предъявляемых работнику со стороны руководителей, также существенно зависит от уровня психологической дистанции, установленной в их взаимоотношениях. Чем ближе эти отношения, тем жестче требования и выше ожидания.
- Избегание неудач и внешняя отрицательная мотивация ($r=-0,359$; $p<0,007$), отрицательная взаимосвязь. С увеличением стремления уйти от неудач усиливается влияние отрицательных воздействий со стороны руководства. Работники испытывают тревогу из-за возможных неудач, и поэтому избегают ситуаций с неопределенным исходом. Санкции за некачественную работу, применяемые внутри компании, оказывают сильное

влияние на эффективность профессиональной деятельности сотрудников, стремящихся избежать неудач. При данном типе мотивации, активность человека связана с потребностью избежать неудачи, проблем, ошибок, а также связанных с ними порицания и наказания. Начиная дело, работник может заранее просчитывать возможную неудачу, думать о путях избегания этой гипотетической неудачи, с возможным сочетанием ответственного отношения к делу.

2. Наблюдается значимая взаимосвязь по следующим факторам:
- Возраст и внешняя положительная мотивация ($r=-0,267$; $p<0,049$), отрицательная взаимосвязь. Чем старше человек становится, тем меньше он восприимчив к внешней положительной мотивации.
 - Ориентация на деньги и внешняя положительная мотивация ($r=0,247$; $p<0,069$), положительная взаимосвязь. Денежное стимулирование персонала оказывает влияние на эффективность профессиональной деятельности. Работник, считающий, что ему платят меньше, чем стоит его работа, будет сознательно снижать эффективность своей профессиональной деятельности до установления баланса. Если сотрудник длительное время получает одинаковое материально вознаграждение за выполненную работу, то снижается мотивационная нагрузка и денежно-мотивационные системы оплаты труда компании становятся более не эффективными.
 - Поиск социальной поддержки и внешняя положительная мотивация ($r=0,234$; $p<0,085$), положительная взаимосвязь. Чем больше социальных ресурсов привлекается, тем эффективней осуществляется профессиональная деятельность. К таким ресурсам относятся: информационная, эмоциональная и действенная поддержка. Для работников, ориентированных на поиск социальной поддержки, характерны ориентированность на взаимодействие с другими людьми, ожидание внимания со стороны, совета, сочувствия. Поиск информационной поддержки предполагает обращение за рекоменда-

циями к экспертам, владеющим, с точки зрения сотрудника, необходимыми знаниями для решения той или иной задачи. Потребность в эмоциональной поддержке проявляется стремлением быть выслушанным, получить эмпатичный ответ от коллег и руководства. При ориентации на действенную поддержку ведущей является потребность в помощи конкретными действиями при выполнении какого-либо вида работ или решении возникшей проблемы.

- Внутренняя мотивация и внешняя положительная мотивация ($r=0,299$; $p<0,027$), положительная взаимосвязь. Чем выше у человека внутренняя мотивация к осуществлению профессиональной деятельности, тем сильнее он подвержен влиянию внешних положительных стимулов. Установлена высокая значимая взаимосвязь внутренней мотивации и таких переменных как: стремление к успеху ($r=0,466$; $p<0,000$); ориентация на труд ($r=0,359$; $p<0,007$); ориентация на власть ($r=0,348$; $p<0,009$); положительная переоценка ($r=0,347$; $p<0,010$). А также значимая взаимосвязь со следующими переменными: ориентация на результат ($r=0,262$; $p<0,053$); ориентация на эгоизм ($r=0,289$; $p<0,032$); дистанцирование ($r=-0,253$; $p<0,062$). Выявлена взаимосвязь внутренней и внешней положительной мотивации с одними и теми же переменными: ориентация на власть, ориентация на эгоизм и дистанцирование. Похвала, признание, перспективы карьерного роста и отстранение работника от возникших организационных проблем, а также умеренный уровень норм и правил будут стимулировать его к эффективной профессиональной деятельности не только с позиции внешней мотивации, но и с внутренней.

Таким образом, подученные сведения подтверждают выдвинутую гипотезу: психологическими условиями эффективности внешней мотивации являются мотивация успеха и избегания неудач, установки в мотивационно-потребностной сфере, стратегии совладения с трудными ситуациями. Результаты эмпирического исследования показали, что внешняя мотивация связана с ориентацией на эгоизм,

ориентацией на власть, дистанцированием, избеганием неудач, ориентацией на деньги, поиском социальной поддержки, возрастом и внутренней мотивацией.

Практические рекомендации

На основании результатов эмпирического исследования сформулирован ряд рекомендаций, которые в дальнейшем могут быть использованы руководителями компаний в процессе управления персоналом.

Положительное подкрепление результативнее отрицательного. Мотивирование приносит результаты тогда, когда работники чувствуют признание их вклада в общий результат работы компании. Персонал эффективно стимулировать по промежуточным достижениям в результате выполнения подзадач, не дожидаясь завершения всей поставленной задачи, так как большие успехи труднодостижимы. Общее задание должно быть разделено и спланировано по этапам с таким расчетом, чтобы каждому из этапов могли быть даны адекватная оценка и должное вознаграждение, а подкрепление должно быть безотлагательным. Каждому сотруднику важно знать: какие функции он должен выполнять, за что отвечает, кто руководит тем или иным направлением, у кого может получить необходимую информацию для выполнения работы, какие возможны пути карьерного роста. Руководителям необходимо оказывать не только информационную поддержку нижестоящего персонала, но и эмоциональную, а социально-психологический климат в коллективе должен быть благоприятным.

Если же говорить об отрицательной мотивации, то основной целью санкций должно быть предупреждение действий, которые могут привести к убыткам компании. Наказание эффективно при условии психологического воздействия на сотрудника и весь коллектив. При санации работника важно предоставить объяснения причин принятого решения, но большинстве случаев достаточно поговорить с ним. Для стимулирования эффективности профессиональной деятельности персонала посредством отрицательной мотивации необходимо установить нормы и правила внутри компании.

Разработка и применение систем мотивации персонала на основе рекомендаций приведет не только к общему повышению эффективности организации, но и к удовлетворенности работой самих сотрудников.

Список литературы

1. Гордеева Т.О. Базовые типы мотивации деятельности: потребностная модель // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2014. №3. С. 63–78.
2. Замфир К. Удовлетворенность трудом. М.: Политиздат, 1983.
3. Иванников В.А. Порождение деятельности и проблема мотивации // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2015. №2. С. 15–22.
4. Котов С.В. Психологические детерминанты позитивной мотивации // ИСОМ. 2014. №6-1. С. 196–199.
5. Крюкова Т.Л., Куфтяк Е.В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) // Журнал практического психолога. М.: Смысл, 2007. №3. С. 93–112.
6. Прохорова М.В., Ким В.В. Структура мотивации трудовой деятельности на разных стадиях организационного развития // Вестник ННГУ. 2012. №1-1. С. 363–369.
7. Пырьев Е.А. Эмоциональные отношения в структуре мотивации человека // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2013. №155. С. 53–61.
8. Роберт И. Кабаков. R в действии. Анализ и визуализация данных в программе R / Пер. с англ. Полины А. Волковой. М.: ДМК Пресс, 2016.
9. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М. Изд-во Института Психотерапии, 2002.
10. Шелехова Л.В. Математические методы в психологии и педагогике: в схемах и таблицах: Учебное пособие. 2-е изд., испр. СПб.: Издательство «Лань», 2015.
11. Энциклопедия психодиагностики. Психодиагностика взрослых. Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2009.

12. Andrew J. Elliot and Marcy A. Church. A Hierarchical Model of Approach and Avoidance Achievement Motivation. *Journal of Personality and Social Psychology* 1997, Inc. 0022-3514/97, Vol. 72, No. 1, pp. 218–232.
13. Delia Mioara Popescu, Ioana Bulei, Viorel Mihalcioiu. The impact of professional identity factors on employee motivation. Proceedings of the 8th international management conference “Management challenges for sustainable development”, November 6th-7th, 2014, Bucharest, Romania. pp. 907–915.
14. Lazariu George. Employee Motivation and Job Performance. *Linguistic and Philosophical Investigations*, Vol. 14, 2015, pp. 97–102.
15. Bard Kuvaas, Robert Buch, Antoinette Weibel, Anders Dysvik, Christina G.L. Nerstad. Do intrinsic and extrinsic motivation relate differently to employee outcomes? *Journal of Economic Psychology*, Vol. 61, 2017, pp. 244–258.

References

1. Gordeeva T.O. Bazovye tipy motivatsii deyatel'nosti: potrebnostnaya model' [Basic types of activity motivation: a needy model]. *Bulletin of Moscow University. Series 14: Psychology*. 2014. №3, pp. 63–78.
2. Zamfir K. *Udovletvorennost' trudom* [Satisfaction with work]. Moscow: Politizdat, 1983.
3. Ivannikov V.A. Porozhdenie deyatel'nosti i problema motivatsii [The origin of activity and the problem of motivation]. *Vestnik of Moscow University. Series 14: Psychology*. 2015. №2, pp. 15–22.
4. Kotov S.V. Psikhologicheskie determinanty pozitivnoy motivatsii [Psychological determinants of positive motivation]. *ISOM*. 2014. № 6–1, pp. 196–199.
5. Kryukova T.L., Kuftyak E.V. Oprosnik sposobov sovladaniya (adaptatsiya metodiki WCQ) [Questionnaire of methods of coping (adaptation of WCQ methodology)]. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa* [Journal of practical psychologist]. M.: Sense, 2007. №3, pp. 93–112.
6. Prokhorova M.V., Kim V.V. Struktura motivatsii trudovoy deyatel'nosti na raznykh stadiyakh organizatsionnogo razvitiya [Structure of motivation on different stages of organizational development].

- tion of labor activity at different stages of organizational development]. *Bulletin of UNN*. 2012. №1-1, pp. 363–369.
7. Pyr'ev E.A. Emotsional'nye otnosheniya v strukture motivatsii cheloveka [Emotional relations in the structure of human motivation]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena*. 2013. №155, pp. 53–61.
 8. Robert I. Kabakov. *R v deystvii. Analiz i vizualizatsiya dannykh v programme R* [R in action. Analysis and visualization of data in the program R]. Moscow: DMK Press, 2016.
 9. Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manuylov G.M. *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp* [Socio-psychological diagnosis of personality development and small groups]. M. Izd-vo Institute of Psychotherapy, 2002.
 10. Shelekhova L.V. *Matematicheskie metody v psikhologii i pedagogike: v skhemakh i tablitsakh* [Mathematical Methods in Psychology and Pedagogy: In Schemes and Tables]: Textbook. 2 nd ed., Rev. SPb.: Publishing house "Lan", 2015.
 11. *Entsiklopediya psikhodiagnostiki. Psikhodiagnostika vzroslykh* [Encyclopedia of psychodiagnosics. Psychodiagnosics of adults]. Samara: Publishing House "Bakhrakh-M", 2009.
 12. Andrew J. Elliot and Marcy A. Church. A Hierarchical Model of Approach and Avoidance Achievement Motivation. *Journal of Personality and Social Psychology* 1997, Inc. 0022-3514 / 97, Vol. 72, No. 1, pp. 218–232.
 13. Delia Mioara Popescu, Ioana Bulei, Viorel Mihalcioiu. The impact of professional identity factors on employee motivation. *Proceedings of the 8th International Management Conference "Management Challenges for Sustainable development"*, November 6th-7th, 2014, Bucharest, Romania, pp. 907–915.
 14. Lazaroiu George. Employee Motivation and Job Performance. *Linguistic and Philosophical Investigations*, Vol. 14, 2015, pp. 97–102.
 15. Bard Kuvaas, Robert Buch, Antoinette Weibel, Anders Dysvik, Christina G.L. Nerstad. Do intrinsic and extrinsic motivation relate differently to employee outcomes? *Journal of Economic Psychology*, Vol. 61, 2017, pp. 244–258.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Борисова Ирина Ивановна, аспирант кафедры гуманитарных дисциплин

*Таганрогский институт управления и экономики
ул. Петровская, 45, г. Таганрог, Ростовская обл., 347900, Российская Федерация
boirina87@gmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Borisova Irina Ivanovna, postgraduate student of the Department of Humanities Disciplines

*Taganrog Management and Economics Institute
45, Petrovskay Str., Taganrog, Rostov Region, 347900, Russian Federation
boirina87@gmail.com*

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-4-119-137
УДК 316.354.4

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОЛЬЗЫ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Дондокова Б.Б.

***Цель.** Статья посвящена актуальной в условиях развития социальной сферы проблеме институционального становления организаций общественной пользы. Предметом исследования выступают методологические подходы к проблеме институционализации организаций общественной пользы. Автор ставит своей целью раскрыть возможности методологических подходов, применяемых к анализу категории институционализации организаций общественной пользы.*

***Метод или методология.** Основу исследования образуют общенаучные теоретические методы, среди которых типологический и системный подходы.*

***Результаты.** Результаты работы заключаются в том, что автор описывает возможности теоретико-методологических подходов к определению причин, структурных элементов, динамики и социальных функций организаций общественной пользы. Автор констатирует отсутствие целостной и развернутой концептуализации институционализации организаций общественной пользы. Среди указанных подходов отдельно рассматривается неинституционализм как методология исследования, позволяющая рассматривать процессы становления института в контексте соотношения формальных и неформальных правил взаимодействия.*

***Область применения результатов.** Результаты исследования могут быть применены в сфере изучения становления гражданского общества и проектирования развития социальной сферы.*

***Ключевые слова:** некоммерческие организации; организации общественной пользы; институционализация; методология; неинституционализм.*

INSTITUTIONALIZATION OF PUBLIC BENEFIT ORGANIZATIONS: METHODOLOGICAL APPROACHES

Dondokova B.B.

Purpose. *This Article is dedicated to the topic of institutional development of public benefit organizations, which is current in the growing sphere of social support. Methodological approaches to the problem of institutional development of public benefit organizations constitute the subject matter of research. The author aims at disclosing the capabilities of methodological approaches applicable to the analysis of the category of public benefit organizations institutionalization.*

Method or methodology. *The research framework is composed of general scientific theoretical methods, including typological and system approaches.*

Results. *The work results consist in the author's description of the capability of theoretical and methodological approaches to identify the reasons, structural elements, dynamics and social functions of social benefit organizations. The author recognizes lack of comprehensive and detailed conceptualization for the institutionalization of public benefit organizations. Amidst the said approaches, neoinstitutionalism is dealt with separately as a research methodology enabling to examine the processes for emergence of an institute in the context of a relationship between the formal and informal rules of interaction.*

Application scope of results. *Results of the research may be applied in the sphere of building the social society and designing the social development.*

Keywords: *non-commercial organizations; public benefit organizations; institutionalization; methodology; neoinstitutionalism.*

В течение последних трех десятилетий в российском государстве возник целый ряд некоммерческих организаций, среди которых особую роль занимают социально-ориентированные некоммерческие организации, или иначе, согласно терминологии в зарубежных источниках, организации общественной пользы. Данный тип

добровольных объединений отличается направленностью на решение социальных проблем в обществе и нередко играет решающую роль в оказании социальной помощи и поддержки тем группам и категориям нуждающихся, которые остаются не охваченными государственной социальной политикой. Отмечается, что при стабилизации количества некоммерческих организаций за 2015–2016 гг., в Российской Федерации число социально ориентированных организаций продолжает расти. На декабрь 2016 года их уже насчитывалось порядка более 227 тыс., что составляет более 50% от общего числа [4]. Однако аналитики утверждают, что речь не может идти о росте сегмента в целом, а лишь о формальной регистрации организаций в качестве социально ориентированной для получения доступа к государственному финансированию посредством включения в реестр поставщиков социальных услуг. Также надо отметить неравномерную представленность таких организаций по регионам.

Направления деятельности социально ориентированных организаций включают в себя благотворительную помощь нуждающимся (при общем росте числа бедных в России), незащищенным группам и категориям граждан, социально-правовую поддержку, организацию добровольческого движения и т.п. Согласно данным Росстата, в 2015 году более 26 млн человек получили от НКО социальные услуги, около 8 млн человек – благотворительную помощь, при этом информированность населения и доверие к деятельности социально ориентированных организаций продолжают оставаться довольно низкими. По данным Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ, российские граждане предпочитают участвовать в добровольческой активности или в неформальных гражданских инициативах. При этом наиболее глобальные трудности, с которыми сталкиваются подобные организации, связаны с финансовой устойчивостью, коммуникациями со стейкхолдерами и вовлеченностью граждан в деятельность НКО.

С другой стороны, возникает проблема перераспределения средств, традиционно направляемых на финансирование бюджетных организаций социальной сферы в пользу грантовой поддерж-

ки, как основной в финансировании государством деятельности СО НКО. Заявляемая при этом цель повышения эффективности системы социальной поддержки населения подменяется в бюрократических реалиях формированием еще одной подсистемы, зависимой от внешней финансовой поддержки.

Таким образом, обнаруженные противоречия в существовании социально ориентированных организаций требуют, прежде всего, выяснения их институциональной природы. Процесс становления организации данного типа обладает собственной исторической, экономической, политической и социально-культурной спецификой. В историческом контексте российского общества эволюция добровольных начал движется от патриархального общинного самоуправления, земства к оформлению призрачных контуров полноценного гражданского общества [11]. Соответственно, можно утверждать об институционализации организаций общественной пользы как объекте отдельного исследования.

В настоящее время в отечественной литературе социологического и экономического профиля организации общественной пользы нередко становятся предметом изучения в самых разнообразных аспектах, начиная от вопроса о формах и механизмах государственной поддержки и заканчивая выявлением роли неформальных объединений как низовой самоорганизации, обеспечивающей общую динамику гражданского общества. Ряд исследований посвящен теоретическому, нормативно-правовому и организационному обоснованию деятельности организаций общественной пользы в учебном, учебно-методическом, информационно-методическом и научно-исследовательском форматах [10; 13–18]. Отдельная группа работ направлена на выявление уровней и конкретных механизмов институционализации организаций [2; 5; 6; 7; 11; 12].

Среди причин, вызвавших появление социально-ориентированных некоммерческих организаций как особого субъекта в социальной сфере, некоторые исследователи называют необходимость структурного оформления неформальных объединений граждан, создававшихся для решения острых социальных проблем, с кото-

рыми не справлялась действующая государственная власть. В целом некоммерческий сектор имеет одной из основных своих целей удовлетворение универсальной и специфической потребности в общественных благах различных групп и категорий граждан в условиях невозможности добровольного обмена между различными субъектами политической и экономической жизни общества.

Между тем в настоящее время процессы институционализации некоммерческих организаций имеют ярко выраженную направленность на поиск и апробацию эффективных форм организации и деятельности на всех уровнях общественного устройства. На федеральном уровне эти процессы реализуются с целью повышения эффективности общественной деятельности и собственности. На региональном уровне поддержка институционализации некоммерческих организаций направлена на повышение ответственности и расширение полномочий субъектов РФ. Направляющим вектором институционализации на местном уровне является активизация муниципалитетов в процессе решения социальных проблем местного сообщества [6, с. 44]. Ю.Ю. Антропова, А.П. Коробейникова среди условий включения организаций общественной пользы в существующие рынки социальных услуг называют: «наличие сформулированного государственного запроса на участие НКО в развитии инноваций в социальной сфере; наличие в обществе соответствующего запроса на активизацию роли НКО на рынке социальных услуг; готовность населения участвовать в деятельности НКО и иных институтах самоорганизации граждан; уровень доверия к деятельности НКО как самих граждан, так и государства; ресурсное обеспечение НКО, определяющее уровень их готовности соответствовать запросу государства на инновационную практику; наличие новых технологий взаимодействия НКО и государства» [1].

Исследование проблем институционализации некоммерческих организаций непосредственным образом зависит от подхода к пониманию гражданского общества. В общем виде эти подходы могут быть рассмотрены следующим образом. В рамках первого подхода (условно-идеологического) внимание исследователей акценти-

руется на глубокой взаимообусловленности традиций демократии, частной собственности, гражданских прав и свобод, возможности ими пользоваться [8]. Для второго подхода характерна опора на объективные общественные институты, обеспечивающие возможность существования гражданского общества [8]. С этой точки зрения, гражданское общество определяется совокупностью «самодеятельных организаций, определенным образом формализованных и институционально оформленных, выражающих интересы различных групп в обществе» [8]. Именно в рамках второго подхода с учетом российской специфики становления НКО следует рассматривать процессы институционализации некоммерческих организаций.

Следующая группа методологических подходов к процессам институционализации организаций общественной пользы формируется в контексте теорий государственного управления. Теория нового государственного управления (NewPublicManagement (NPM)) возникла в условиях накопившихся проблем в сфере государственного управления и необходимости инновационного развития [10, с. 74–75].

Теория общественно-государственного управления (Good Governance (GG)), построена в фокусе исследования непосредственного взаимодействия государства и гражданского общества в принятии решений и при предоставлении публичных услуг. Обе теории направлены на разработку практических рекомендаций по организации социальных сервисов, использованию мониторинга качества услуг и рыночных инструментов, регулированию сетевого взаимодействия государственных и общественных организаций в социальной сфере. Указанное сетевое взаимодействие в сфере производства общественных благ базируется на принципах социального партнерства. Саломон Л. утверждает, что необходимость партнерских отношений между государственными и общественными организациями возникает в условиях их взаимозависимости и взаимодополнительности как поставщиков социальных услуг. В то же время нельзя говорить об одинаковом весе партнеров, так, например, государство может компенсировать слабые стороны общественных организаций и поддерживать их для обеспечения услуг необходимого качества и объема.

Ряд исследовательских подходов базируется на концептах «со-производства» и «со-творчества», раскрывая деятельностный срез процессов институционализации. В данных подходах изучается вовлеченность граждан в общественно полезную деятельность на разных этапах: этапе производства общественных благ и этапе обеспечения этого процесса соответствующими ресурсами (профессиональными, организационными, финансовыми и т.п. Также изучаются возможности граждан в формулировании и принятии инновационных управленческих решений в процессе производства общественных благ.

Институциональные признаки некоммерческих организаций формулируются исходя из региональных условий их возникновения, типа общественно-политического устройства, социально-экономической организации и т.д. В зарубежных странах институциональные формы некоммерческих организаций, как института гражданского общества, занимают значительную долю в экономике развитых стран (6–7 %), изучаются Б. Вайсбродом, Е. Глайзером, А. Шлейфером, С. Роуз-Акерманом, Л. Саламоном, С. Соколовским, Р. Листом [10, с. 37]. На основании работ указанных авторов В.Ю. Кулькова формулирует ряд институциональных признаков НКО: альтруистическая мотивация и нацеленность харизматичного лидера на самореализацию в общественной пользе, служение обществу; возможность использования прибыли на реализацию мероприятий по развитию их деятельности и для улучшения качества рабочей среды; запрет на распределение прибыли между учредителями и другими «агентами, контролирующими деятельность организаций»; прозрачность и открытость отчета о деятельности некоммерческих организаций [8, с. 6–7].

В 2013 г по результатам масштабного исследования была издана монография «Социально-ориентированные некоммерческие организации» под общей редакцией С.Г. Максимовой [9]. В этой работе отмечается, что организации общественной пользы оказываются необходимыми и эффективными в тех сферах социальной политики, где средства формального контроля оказываются недо-

статочными или не соответствующими специфике деятельности. Одной из методологических трудностей в оценке реального потенциала организаций общественной пользы является то, что действительно функционирующие организации представлены значительно меньшим числом от общего числа официально зарегистрированных в Минюсте РФ. С.Г. Максимова и ее коллеги отмечают сложности информационного освещения деятельности СО НКО, которые достаточно сильно отражаются на общественной оценке и признании. Вообще, при изучении связей СО НКО с внешним окружением, исследователи признают, что основными субъектами, с кем взаимодействие так или иначе происходит и является продуктивным в той или иной степени, выступают государство и население, в то время как бизнес в гораздо меньшей степени открыт к сотрудничеству и финансовой поддержке на постоянной основе [9, с. 83].

Надо отметить, что законодательное определение СО НКО оказывается сопряженным с рядом условий, которые в некоторых случаях могут быть ограничением. «3 июля 2016 г. принят Федеральный закон № 287-ФЗ “О внесении изменений в Федеральный закон “О некоммерческих организациях” в части установления статуса некоммерческой организации – исполнителя общественно полезных услуг”, в соответствии с которым с 1 января 2017 г. ст. 2 Закона о некоммерческих организациях дополнена пунктом 2.2: “Под некоммерческой организацией – исполнителем общественно полезных услуг понимается социально ориентированная некоммерческая организация, которая на протяжении одного года и более оказывает общественно полезные услуги надлежащего качества, не является некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента, и не имеет задолженностей по налогам и сборам, иным предусмотренным законодательством Российской Федерации обязательным платежам”» [16, с. 8].

Согласно Указу Президента РФ от 8 августа 2016 г. № 398 “Об утверждении приоритетных направлений деятельности в сфере оказания общественно полезных услуг” утверждаются 20 приоритетных направлений работы СОНКО. Здесь возникает непростая

ситуация, о которой пишут С.Г. Максимова и ее коллеги, – ситуация снижения роли лидеров НКО в деятельности организации [9, с. 135]. Технологии социального партнерства, хорошо описанные В.Н. Якимцом, – конкурсы грантов, ярмарки социальных проектов, общественные слушания, общественные палаты, работают в условиях подлинного равноправного межсекторного партнерства. Если же власть имеет больший вес в принятии решений о выборе организации или проекта, то цель применения этих технологий теряет всякую направленность на действительное взаимодействие. Власть в этом случае может использовать ситуацию в своих целях.

В определенном смысле институт некоммерческих организаций может получить интерпретацию как коллективное действие по контролю, либерализации и расширению индивидуального действия [11]. С.Г. Максимова отмечает, что наличие организационного ядра, аккумулирующего в себе лидерский и интеллектуальный потенциал, периферии, связанной с ядром целями, ценностями, ресурсами, и системы организованных коммуникаций между ними – служат признаком организованной сети [9, с. 135]. Сеть – это особая форма коллективного «Мы», коллективного организма, усилитель коллективного действия. Соответственно, тип организации, организационно-правовая основа определяют специфику технологии включения сетевого действия.

В поисках адекватного методологического подхода к исследованию институционализации организаций общественной пользы не следует игнорировать достижения современных институциональных теорий, в частности, теории неинституционализма, согласно которому некоммерческие организации направлены на снижение транзакционных издержек в предоставлении социальной помощи нуждающимся в ней различным категориям и группам граждан.

Ключевой в неинституционализме является понимание социального института как совокупности формальных и неформальных правил, структурирующих форму, содержание и механизмы социальных отношений во всех сферах общественной жизни. Социальный институт посредством этих правил оказывает регулирующее

и контролирующее действие на деятельность людей. Д. Норт, как один из основоположников данной теории, рассматривает эти правила как своеобразные ограничители, механизмы защиты и контроля правил в отношениях экономических агентов. В то же время такие правила стимулируют осознанный выбор хозяйствующих субъектов. Правила же основаны на договорных принципах и определяются общественным мироощущением [12].

Исследование процесса становления института организаций общественной пользы не может быть полным без изучения процессов институционализации гражданского участия. Как было заявлено ранее, существует подход, в рамках которого эта два процесса неотъемлемы друг от друга. Взаимодействие некоммерческих организаций с государственной властью на федеральном и региональном уровне существенным образом должно быть дополнено выявлением низкой самоорганизаций граждан. Так, И.А. Батанина утверждает, что данная стратегия позволяет определить перспективы преобразования повседневных практик и гражданского участия под влиянием государственной политики по модернизации общества [2]. Самоорганизация граждан возможна только на основе развитой критической социальной позиции, наличия самостоятельного осознанного видения и плана действий по решению разнообразных социальных и политических проблем. Собственно, всего того, что способствует становлению субъекта социальной сферы и выхолащивается в формализованной среде организации. Помимо этого, И.А. Батанина указывает на отсутствие знака равенства между гражданским участием и некоммерческим сектором. Неформальные сообщества и практики коллективного действия способны обеспечить подлинную основу для институционализации организаций общественной пользы. Использование социального капитала, совместные действия и доверие, свободное конструирование социальных ценностей являются механизмами институционализации. Тем самым мы подтверждаем теоретический тезис о наличии формальных и неформальных институтов некоммерческого сектора, об их взаимодополнительном положении.

Функции социальных институтов состоят в уменьшении рисков и неопределенности в повседневной жизни отдельных индивидов и социальных групп, упорядочении и координации социальных отношений, формировании соответствующих ситуации ожиданий, принятии необходимых решений и совершении действий.

Пономарев специфической функцией института некоммерческих организаций называет стимулирование перехода к инновационной экономике [12], где основным капиталом выступает человек и его способность к инновациям. Предметно его функция состоит в количественном и качественном измерении удовлетворения индивида от полученного товара или услуги. В ситуации, когда на процесс удовлетворения потребности в общественных благах влияет не только социально-стратификационные характеристики, но и характер взаимодействия, включенности индивида в различные ситуации взаимодействия, некоммерческие организации в силу своей гибкого типа организационной структуры и непосредственной близости к потребителю, получают некоторый приоритет по отношению к государственным структурам.

Если применить приведенные выше положения институциональной теории к анализу института некоммерческих организаций, то можно сделать ряд выводов применительно к проблеме взаимодействия с государственными структурами. В частности, вопрос государственной поддержки деятельности некоммерческих организаций должен быть рассмотрен на основе сочетаемости формальных и неформальных правил в процессе производства общественных благ. Так, очевидна необходимость разносторонней поддержки со стороны государства, целью которой является развитие всего институционального комплекса производства и оказания социальных услуг населению. Понятно, что противоречия между формальными и неформальными институтами могут оказаться пагубными для всего комплекса. Очевидно, что разработка и внедрение формальных рамок в деятельности некоммерческих организаций необходимо с точки зрения их быстрого внедрения по сравнению с новыми неформальными правилами.

Надо отметить, что среди отечественных исследователей присутствуют попытки формирования обобщающих подходов к процессам институционализации НКО. Так, Батанина, Лаврикова предлагают использовать мультипарадигмальный подход к институционализации самоорганизации местных сообществ, в основе которого неинституциональный, структурно-функциональный, синергетический, бихевиоралистский, конфликтологический, социетально-деятельностный и социокультурный подходы [2]. Возможности рассматриваемого неинституционального подхода они видят в исследовании соотношения формальных и неформальных практик становления и развитие института местного самоуправления (институциональные усложнения и институциональные искажения). Структурно-функциональный подход позволяет конструировать процесс на институциональном, ценностном и поведенческом уровнях. Синергетические принципы подчинения и круговой причинности могут быть применены к исследованию гражданского участия в контексте оптимизации жизнедеятельности местных сообществ.

Бихевиоралистский же подход позволяет выделить ряд критериев гражданской активности: внешняя (личная ответственность, обращение в органы власти и т.п.) и внутренняя результативность (степень самореализации, мотивы действий и т.п.), инструментальность [2]. Конфликтологический подход применим в рамках понимания противоречивости феномена самоорганизации граждан и формирования конструктивного/деструктивного вектора трансформационных процессов в обществе. Влияние контекстов повседневной жизни на самоорганизацию людей фиксируется с помощью теории фреймов, применение социетально-деятельностного подхода происходит с учетом инверсионной природы социально-политической динамики.

Заявленная И.А. Батаниной, А.А. Лавриковой мультипарадигмальная исследовательская стратегия по сути является совмещением различных теоретических подходов с целью объяснения противоречий, возникающих в процессе институционализации самоорганизации граждан, где результативность определяется противоречием между мобилизацией отдельных индивидов для решения конкрет-

ной проблемы и исключаящей ориентацией по отношению к ним со стороны формальных институтов, стремящихся к сохранению стабильности настоящего положения дел. Итогом такого противоречивого взаимодействия является возникновение мягких организационных структур, обладающих рядом новых существенных признаков: множественность членства, личный вклад в коллективные действия, эмоциональная солидарность. Как мы видим, отдельные исследовательские подходы исследуют определенные стороны институционализации в структурных и динамических, содержательных и формальных аспектах. Именно такой, мультипарадигмальный, подход представляется наиболее оптимальным в исследовании процесса институционализации организаций общественной пользы. Происходящие процессы отличаются высокой неоднозначностью на данном этапе, соответственно, требуется такая позиция, которая позволит исследовать различные формы самоорганизации граждан и некоммерческих организаций в общем поле социального действия.

Батанина, Лаврикова в процессе институционализации гражданских практик выделяют нормативный, организационный и субъективный аспекты. Нормативный аспект фиксирует совокупность формальных и неформальных правил, норм и санкций и создает политические, социокультурные и юридические рамки. Организационный аспект определяет конкретные организационные формы гражданских практик в зависимости от рассматриваемого деятельностного контекста. Субъективный же аспект отражает особенности реализации акторами институциональных соглашений в данной институциональной среде [2].

Проведенный нами обзор ряда отечественных исследований по проблемам институционализации организаций общественной пользы позволяет сформулировать ряд существенных выводов:

- 1) Пул теоретических работ представлен разработками отдельных аспектов (правовых, информационных, организационных, экономических) институционализации организаций общественной пользы.

- 2) На эмпирическом уровне процесс и структура институционализации представлены в совокупности отдельных параметров, по которым сложно вывести целостную картину развертывающегося процесса.
- 3) Организации общественной пользы не сложились в самостоятельно функционирующий социальный институт, в их существовании и развитии по-прежнему играет большую роль поддержка государства, которая в некоторых случаях оказывает сдерживающий эффект.
- 4) Анализ институционального становления должен производиться с учетом соотношения формальных и неформальных институтов, организаций, инициированных «снизу» и «сверху» в некоммерческом секторе.
- 5) Требуется отдельное исследование проблема общественной поддержки деятельности организаций общественной пользы.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 17-03-00815/17-ОГОН «Организации общественной пользы в современной России: Особенности институционализации и перспективы развития» (руководитель – канд. социол. наук А.А. Яковлева).

Список литературы

1. Антропова Ю.Ю., Коробейникова А.П. Роль социально ориентированных организаций в развитии инноваций в социальной сфере региона// Дискуссия. 2015 г. № 11(63). С. 64–70.
2. Батанина И.А., Лаврикова А.А. Институционализация самоорганизации граждан: теоретико-методологические аспекты исследования// Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 3. С. 116–124.
3. Голубев С.В. Инкубатор социально ориентированных некоммерческих организаций: методические рекомендации по запуску про-

- граммы на базе ресурсных центров СО НКО и Центров инноваций социальной сферы / С.В. Голубев, М.Ю. Славгородская, О.Ю. Пешкова. М.: Грифон, 2016. 169 с.
4. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2016 год. М.: Общественная палата Российской Федерации, 2016. 258 с.
 5. Думназев Д.А. Институционализация некоммерческого сектора: теоретические основания// Управление экономическими системами// Электронный научный журнал. 2013. №2 (50). С. 6.
 6. Заболотная Г.М., Ларионов А.В. Региональные практики институционализации негосударственных поставщиков социальных услуг// Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 3. С. 72–91.
 7. Клишина Ю.Е., Углицких О.Н. Анализ предпосылок возникновения российского третьего сектора экономики и определение места некоммерческих организаций в финансовой системе государства// Экономический анализ: теория и практика. 2016. №3. С. 44–56.
 8. Кулькова В.Ю. Российские тренды развития некоммерческих организаций в международной компаративистике// Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. №30 (171). С. 37–46.
 9. Максимова С.Г. Социально ориентированные некоммерческие организации в Российской Федерации: состояние и перспективы развития: монография / Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Гончарова Н.П.; М-во образования и науки РФ, Алтайский гос. ун-т, Науч.-образовательный комплекс «Ин-т взаимодействия со странами Азии». Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2013. 206 с.
 10. Мерсиянова И.В., Беневоленский В.Б. НКО как поставщики социальных услуг: верификация слабых сторон // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 2. С. 83–104.
 11. Пономарев М.А. Институционализация функционирования некоммерческих организаций: Автореф. дисс. на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Владикавказ, 2011. 23 с.
 12. Пономарев М.А., Пономарева А.М. Формализация деятельности некоммерческих организаций в Российской Федерации как основа

- межинституционального взаимодействия на муниципальном уровне // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2013. № 3 (43). С. 64–70.
13. Социально-ориентированная деятельность общественных организаций и объединений: учебное пособие для практиков некоммерческой сферы/ Региональная общественная организация по защите и реализации гражданских, экономических и социальных прав «Русская община»; [автор-составитель: Иванеско А. Е.]. Ростов-на-Дону: Русская община, 2017. 211 с.
 14. Социально-ориентированные НКО. Информационные материалы для журналистов по освещению деятельности СО НКО, для федеральных и региональных органов власти и местного самоуправления по поддержке СО НКО, благотворительности и добровольчества. М.: АСИ, 2011. 35 с.
 15. Участие социально ориентированных некоммерческих организаций в оказании социальных услуг в сфере культуры. Хрестоматия / Сост., общ. ред. Коротеева О.В., Ветров Г.Ю., Магоматов З.И. М.: ИП Лядов К.В., 2017. 136 с.
 16. Холостова Е.И. Социально ориентированные некоммерческие организации: учебное пособие / Е. И. Холостова. М.: Дашков и К^о, 2017. 180 с.
 17. Халын В.Г. Социально-ориентированные организация: опыт развития и перспективы// Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2013. № 2. С. 35–41.
 18. Энциклопедия инновационных практик социально ориентированных некоммерческих организаций / Под редакцией профессора Е.И. Холостовой и профессора Г.И. Климантовой. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2018. 845 с.
 19. Юрманова Е.А. Институционализация сферы производства общественных благ// Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 12 (116). С. 27–33.

References

1. Antropova Yu.Yu., Korobeynikova A.P. *Diskussiya*. 2015. № 11(63), pp. 64–70.

2. Batanina I.A., Lavrikova A.A. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2014. № 3, pp. 116–124.
3. Golubev S.V. *Inkubator sotsial'no orientirovannykh nekommercheskikh organizatsiy: metodicheskie rekomendatsii po zapusku programmy na baze resursnykh tsentrov SO NKO i Tsentrov innovatsiy sotsial'noy sfery* [The incubator of socially-oriented non-profit organizations: methodical recommendations for launching the program on the basis of resource centers of NGOs and Social Innovation Centers] / S.V. Golubev, M. Yu. Slavgorodskaya, O. Yu. Peshkova. M.: Grifon, 2016. 169 p.
4. *Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii za 2016 god* [Report on the state of civil society in the Russian Federation for 2016]. M.: Obshchestvennaya palata Rossiyskoy Federatsii, 2016. 258 p.
5. Dumnazev D.A. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami*. 2013. №2 (50). P. 6.
6. Zabolotnaya G.M., Larionov A.V. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. 2017. № 3. S. 72–91.
7. Klishina Yu.E., Uglitskikh O.N. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*. 2016. №3, pp. 44–56.
8. Kul'kova V.Yu. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*. 2012. №30 (171), pp. 37–46.
9. Maksimova S. G. *Sotsial'no orientirovannye nekommercheskie organizatsii v Rossiyskoy Federatsii: sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Socially-oriented non-profit organizations in the Russian Federation: state and development prospects] / Maksimova S.G., Noyanzina O.E., Goncharova N.P.; M-vo obrazovaniya i nauki RF, Altayskiy gos. un-t, Nauch.-obrazovatel'nyy kompleks "In-t vzaimodeystviya so stranami Azii". Barnaul: Izd-vo Altayskogo gos. un-ta, 2013. 206 s.
10. Mersiyanova I.V., Benevolenskiy V.B. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. 2017. № 2. S. 83–104.
11. Ponomarev M.A. *Institutsionalizatsiya funktsionirovaniya nekommercheskikh organizatsiy* [Institutionalization of the functioning of non-profit organizations]. Vladikavkaz, 2011. 23 p.

12. Ponomarev M.A., Ponomareva A.M. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKh)*. 2013. № 3 (43), pp. 64–70.
13. Ivanenko A.E. *Sotsial'no-orientirovannaya deyatel'nost' obshchestvennykh organizatsiy i ob"edineniy: uchebnoe posobie dlya praktikov nekommercheskoy sfery* [Socially-oriented activity of public organizations and associations: a manual for practitioners of the non-commercial sphere]/ Regional public organization for the protection and implementation of civil, economic and social rights “Russian community”. Rostov-na-Donu: Russkaya obshchina, 2017. 211 p.
14. *Sotsial'no-orientirovannye NKO. Informatsionnye materialy dlya zhurnalistov po osveshcheniyu deyatel'nosti SO NKO, dlya federal'nykh i regional'nykh organov vlasti i mestnogo samoupravleniya po podderzhke SO NKO, blagotvoritel'nosti i dobrovol'chestva* [Socially-oriented NGOs. Information materials for journalists on coverage of the activities of NGOs, for federal and regional authorities and local self-government on the support of NGOs, charity and volunteerism]. M.: ASI, 2011. 35 p.
15. *Uchastie sotsial'no orientirovannykh nekommercheskikh organizatsiy v okazanii sotsial'nykh uslug v sfere kul'tury. Khrestomatiya* [Participation of socially-oriented non-profit organizations in the provision of social services in the sphere of culture] / Eds. Koroteeva O.V., Vetrov G.Yu., Magomadov Z.I. M.: IP Lyadov K.V., 2017. 136 p.
16. Kholostova E.I. *Sotsial'no orientirovannye nekommercheskie organizatsii: uchebnoe posobie* [Socially-oriented non-profit organizations]. M.: Dashkov i K°, 2017. 180 s.
17. Khalyn V.G. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS*. 2013. № 2, pp. 35–41.
18. *Entsiklopediya innovatsionnykh praktik sotsial'no orientirovannykh nekommercheskikh organizatsiy* [Encyclopedia of innovative practices of socially-oriented non-profit organizations] / Eds. E.I. Kholostova, G.I. Klimantova. M.: Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya “Dashkov i K°”, 2018. 845 p.
19. Yurmanova E.A. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2012. № 12 (116), pp. 27–33.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Дондокова Бутидма Борисовна, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических наук, кандидат философских наук

Военно-Медицинская Академия С.М. Кирова

ул. Академика Лебедева, 6, г. Санкт-Петербург, 194044, Российская Федерация

lira-81@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Dondokova Butidma Borisovna, Lecturer, Department of Humanities and Social and Economic Sciences, Ph.D. in Philosophy

Military Medical Academy

6, Academician Lebedev Str., St. Petersburg, 194044, Russian Federation

lira-81@mail.ru

SPIN-code: 7563-8478

ORCID: 0000-0003-3211-6430

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-4-138-156
УДК 159.99

ВЛИЯНИЕ СТИЛЯ РУКОВОДСТВА НА ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ СОТРУДНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

*Кисляков П.А., Романова А.В., Белякова Н.В.,
Морозов А.В.*

В статье представлены результаты исследования взаимовлияний стиля руководства, групповой мотивации и психологического климата, как показателей психологической безопасности сотрудников образовательной организации.

Объектом исследования выступили трудовые коллективы двух дошкольных образовательных организаций. *Предметом исследования* – показатели психологической безопасности сотрудников дошкольных образовательных организаций.

Методологическую основу составили подходы социальной психологии (А.И. Донцов, Е.Б. Перельгина, Ю.П. Зинченко), психологии труда (М.А. Котик) и акмеологии (А.А. Деркач, И.С. Бусыгина) к исследованию корпоративной безопасности и педагогической психологии к исследованию психологической безопасности образовательной среды (И.А. Баева, В.А. Ясвин).

Методы. Для исследования показателей психологической безопасности сотрудников образовательных организаций использовались стандартизированные методики: «Определение стиля руководства трудовым коллективом» (В.П. Захарова, А.Л. Журавлева), «Шкала психологической атмосферы» (Ф. Фидлер), «Формирование положительной групповой мотивации» (В.А. Розанова).

Результаты работы. Проведенное исследование показало, что в образовательной организации с демократическим стилем руководства сотрудники чувствуют себя в большей психологической безопасности по сравнению с сотрудниками в образовательной

организации с авторитарными стилем руководства. Сделаны выводы относительно необходимости установления личностно-доверительного, демократического стиля взаимодействия в организации, как между сотрудниками, так и между руководителем и сотрудниками; укрепления идентификационных, ценностных оснований образовательной организации.

Область применения: результаты исследования могут использоваться в системе образования при проектировании психологически безопасной среды образовательной организации; в системе подготовки и переподготовки педагогических кадров по вопросам организации и управления в образовании.

Ключевые слова: социально-психологическая безопасность; образовательная организация; образовательная среда; стиль управления; групповая мотивация.

THE INFLUENCE OF LEADERSHIP STYLE ON PSYCHOLOGICAL SAFETY OF EMPLOYEES OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

*Kislyakov P.A., Romanova A.V., Belyakova N.V.,
Morozov V.A.*

The article presents the results of the study of mutual influence of leadership style, group motivation and psychological climate as indicators of psychological safety of employees of the educational organization.

*The study was made by labor groups from the two pre-school educational institutions. The **subject of the research** is indicators of psychological safety of employees of preschool educational institutions.*

***Methodology was based on** approaches of social psychology (A.I. Dontsov, E.B. Perelygina, Y.P. Zinchenko), work psychology (M.A. Kotick) and acmeology (A.A. Derkach, I.S. Busygina) to the study of corporate security and educational psychology to study the psychological safety of the educational environment (I.A. Baeva, V.A. Yasvin).*

Methods. For research of indicators of psychological safety of employees of the educational organization the standardized techniques were used: “Determination of style of the management of labor collective” (V.P. Zakharova, A.L. Zhuravleva), “Scale of the psychological atmosphere” (F. Fidler), “Formation of positive group motivation” (V.A. Rozanova).

Result of work. The study showed that in an educational organization with a democratic style of leadership, employees feel more psychologically safe than employees in an educational organization with an authoritarian style of leadership. The conclusions regarding the need to establish a personal-trust, democratic style of interaction in the organization, both between employees and between the head and employees; strengthening the identification, value grounds of the educational organization.

Field of application: the results of the study can be used in the system of education in the design of psychologically safe environment of the educational organization; in the system of training and retraining of teaching staff on the organization and management in education.

Keywords: socio-psychological security; educational organization; educational environment; management style; group motivation.

Современное развитие российского общества, характеризующееся ростом напряженности в социальном взаимодействии и внезапными экономическими изменениями, определяет постановку и решение проблемы психологической безопасности организации как одной из значимых и острых на сегодняшний день. Изменения условий профессиональной деятельности в двадцать первом веке приводят к необходимости разработки новых методов и форм, касающихся успешного и эффективного взаимодействия в трудовой среде. В современном обществе каждый человек хотя бы раз в своей жизни сталкивался с трудовыми конфликтами, в виде: неадекватных требований руководства, негативного психологического климата, стиля управления руководителя, несправедливой оценки работы, угрозы увольнения и т.п. По данным Всемирной организации здравоохранения число людей, сталкивающихся с агрессией и психологическим насилием на работе, постоянно растет [14, 17, 18].

Для достижения эффективной деятельности сотрудников является важным и необходимым моделирование такой социальной среды в организации, при которой уровень психологической безопасности будет повышаться.

Сегодня наряду с проблемой оздоровления трудовой среды и проектирования ее как психологически безопасной (комфортной) стоит задача выявления и систематизации показателей, служащих основанием для ее психологического мониторинга, а также выбора средств, позволяющих получать психологическую информацию для определения качества трудовой среды как совокупности условий и возможностей для повышения производительности труда и личностно-профессионального развития сотрудников [2, 3, 5, 7, 10, 11, 12].

Цель настоящего исследования состоит в обосновании показателей психологической безопасности трудового коллектива.

В отечественной психологии понятие психологическая безопасность начинает использоваться в связи с профессиональной деятельностью людей в предметной сфере в конце 70-х – начале 80-х годов в связи с интенсивным развитием промышленной психологии. Впервые в развернутом виде оно встречается в работе Михаила Андреевича Котика. Автор предлагает рассматривать психологию безопасности как отрасль психологической науки, изучающую психологический аспект безопасности в разнообразных видах деятельности. Он полагает, что психология безопасности деятельности затрагивает такие отрасли психологической науки, как психология труда, инженерная психология, военная психология, авиационная и космическая психология, спортивная психология, медицинская психология, судебная психология, считая, что «существует одна общая психологическая проблема – изучение закономерностей деятельности человека в условиях физической опасности и поиск путей обеспечения ее безопасности, в центре которой стоит человек – субъект деятельности, а не ее орудия [9]. Идеи и предложения, высказанные 30 лет назад нашли продолжение в современных исследованиях в психологии труда, социальной психологии, психологии личности.

Вопросы, связанные с анализом психологической безопасности социально-профессиональной группы, поднимаются исследователями в контексте социальной, организационной и корпоративной безопасности.

Объектом социальной психологии безопасности являются отношения между людьми, точнее, психология взаимоотношений в коллективе. Социальная психология безопасности изучает психические явления, характерные для группы людей, и психические свойства, возникающие у человека в связи с пребыванием его в группе, обусловленные групповым влиянием. Нарушение психологической безопасности группы может привести как к агрессивным групповым действиям, так и психическим расстройствам отдельных участников группы.

Психолого-акмеологический анализ корпоративной безопасности организации как части корпоративной культуры представлен в трудах А.А. Деркача, И.С. Бусыгиной и др. Психология корпоративной безопасности – область исследований возникновения, функционирования и развития механизмов защищенности психической активности субъекта труда в его целостном состоянии продуктивной деятельности [5, 10].

Корпоративная безопасность организации отражает состояние организационной системы, при котором вероятность актуализации опасности, содержащейся в факторах угрозы, минимизирована. В этом подходе психологическая безопасность рассматривается наряду с физической безопасностью, представляет собой состояние социальной трудовой среды, не нарушающей психологические предпосылки целостности субъектов труда, их адаптивности и развития [2, 3, 5, 8, 10].

Корпоративная безопасность является результатом многоуровневых отношений и взаимодействий в континууме «человек – организация» и «организация – общество». Общество заинтересовано в нормальном развитии групповых психических процессов. В ходе взаимодействий в континууме «человек – организация» создается ансамбль межличностных смыслов, ожиданий, ценностей, норм, стереотипов, выступающих ресурсами и средствами обеспечения безопасности в соответствии с требованиями организацион-

но-профессиональной деятельности. Корпоративная безопасность проявляется в профессиональном поведении, минимизирующим и предотвращающим угрозы безопасности [3].

Если вектор развития человека в социально-профессиональной группе совпадает с возможностями, предоставляемыми организацией, происходит идентификация человека с организацией и у него развиваются ответственность, доверие, приверженность и принадлежность организации. В этом случае человек добровольно отказывается от части индивидуальных установок, ценностей, амбиций и принимает организационные нормы, ценности, смыслы, в результате чего устанавливается баланс отношений между индивидуальным и коллективным субъектом корпоративной безопасности.

В 1960-е годы в Европе и США как направление исследований возникла психология среды (*environmental psychology*). Психология среды изучает отношения между людьми, психологическими процессами и социофизической действительностью естественного и искусственного происхождения в интересах сохранения благополучия человека и укрепления «человек-средовых» отношений. В данной концепции развитие человека происходит в диалектическом взаимопереходе «субъект – среда»: окружающая среда влияет на человеческое переживание и поведение и эти же переживания и поведение воздействуют на эту же среду.

Средовой подход является в настоящее время актуальным и перспективным направлением. Как отмечают психологи, среда органично включена в жизнедеятельность человека, связана с ним и служит важным фактором регуляции поведения, который можно рассматривать как механизм развития личности. В российской психологии проблема психологической безопасности среды разрабатывается такими исследователями как В.А. Бодров, И.А. Бородин, Г.Н. Никифоров и др. Из зарубежных направлений наиболее известна концепция психологической безопасности среды, разработанная А. Edmondson [15]. Многие зарубежные исследователи отмечают связь психологической безопасности в организации с производительностью труда, описывая психологическая безопасность среды

как среду, в которой можно безопасно говорить и выражать свои мысли без страха быть отвергнутым и чувствовать защищенность от негативного обращения.

Обеспечение корпоративной безопасности является управляемым процессом, который предполагает целенаправленную активность субъектов труда и возможность специальной организации эффективной деятельности для предотвращения угроз.

Сегодня перед психологической наукой и практикой стоит задача выявления и систематизации факторов социального риска, проявляющихся либо на уровне общества в целом или конкретных его подсистем (организации, трудовой коллектив), либо на уровне отдельного индивида, с точки зрения его поведения, образа жизни. Факторы социального риска представляют собой неблагоприятные детерминанты, условия, порождаемые совместной деятельностью людей как членов социальных групп, трудового коллектива и увеличивающие вероятность или реальность наступления неблагоприятного события. Факторы социального риска при определенных обстоятельствах провоцируют человека на деструктивные, агрессивные действия.

Основными факторами социального риска, которые негативно сказываются на корпоративной безопасности, выступают: макрофакторы (социальная нестабильность и криминализация общества, социальное расслоение, обострение социально-экономической и социально-политической подсистем общества); специфика функционирования социальных институтов (агрессивность информационной среды, девальвация духовно-нравственных ценностей и лояльность общества по отношению к противоправному поведению); факторы социального риска трудовой среды (психологическое насилие и давление, интенсификация труда, стиль руководства, провоцирующий возникновение стресса у сотрудников организации, проблемы сбалансированности интересов и трудовой мотивации у сотрудников); негативные социально-психологические особенности отдельных сотрудников (снижение ответственности, инфантилизм, низкая адаптированность, и пр.).

Риски активизации угроз корпоративной безопасности усиливаются, а их количество увеличивается при наличии организационных

патологий, они приобретают лавинообразный характер и приводят к гибели организаций. Поэтому проблема организационных патологий имеет важное значение в контексте рассмотрения угроз корпоративной безопасности организации.

Управление названными рисками требует проектирования целостной системы обеспечения социально-психологической безопасности трудового коллектива (социально-профессиональной группы), формирования у субъектов труда психологической устойчивости и способности противостояния факторам социального риска.

Проведенный нами обзор исследований, посвященным проблемам корпоративной безопасности, позволил выделить следующие психологические показатели безопасности социально-профессиональной группы:

- профессиональная компетентность персонала в основной области деятельности;
- управленческая компетентность руководящего состава;
- исполнительская дисциплина;
- оптимальный психологический климат;
- корпоративная идентичность, референтная значимость профессиональной среды и положительная групповая мотивация;
- удовлетворенность основными характеристиками взаимодействия;
- защищенность от психологического насилия.

Цель нашего исследования заключалась в изучении взаимовлияний стиля руководства, групповой мотивации и психологического климата, как показателей психологической безопасности сотрудников образовательной организации. В качестве объекта исследования выступили сотрудники (трудовые коллективы) двух дошкольных образовательных организаций Московской области. Общее число респондентов составило 144 человека.

Для исследования стиля руководства трудовым коллективом использовалась методика В.П. Захаровой, А.Л. Журавлевой «Определение стиля руководства трудовым коллективом». Опросник содержит утверждения, характеризующие деловые качества руко-

водителя и отражающих различные аспекты взаимодействия руководителя и коллектива.

Для исследования особенностей психологического климата использовалась методика «Шкала психологической атмосферы» Ф. Фидлера. Методика используется для оценки психологической (эмоциональной) атмосферы в коллективе при помощи биполярной шкалы взаимоотношений.

Для исследования групповой мотивации использовалась методика В.А. Розановой «Формирование положительной групповой мотивации». Методика позволяет изучить положительные и отрицательные факторы, характеризующие групповую мотивацию; степень сформированности групповой мотивации, ее направленность на достижение успеха и получение положительных результатов деятельности.

Проведенное исследование показало, что в образовательной организации №1 руководителем используется преимущественно авторитарный стиль управления. В образовательной организации №2 руководителем используется преимущественно демократический стиль управления (рис. 1).

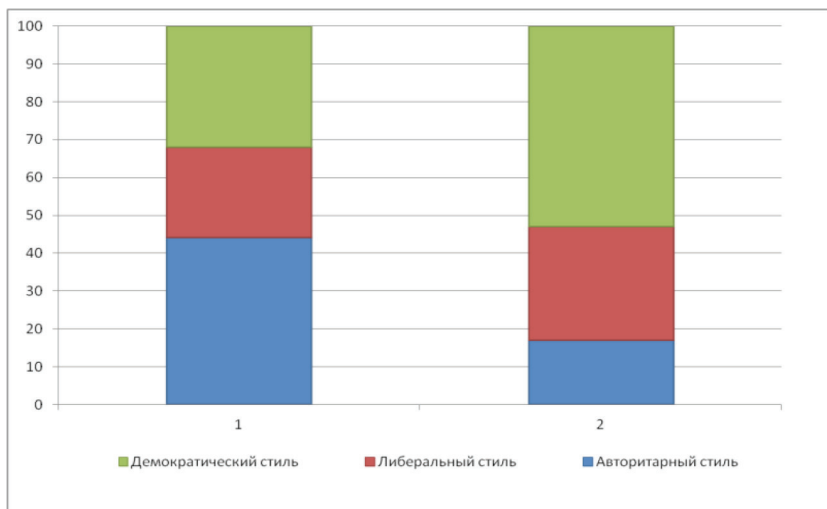

Рис. 1. Доминирующий стиль руководства в образовательных организациях (на основе оценки сотрудниками организации)

Довольно часто неадекватный стиль управления, низкая или недостаточная профессиональная компетентность руководителя становится причиной затяжных кризисов и трудно разрешимых конфликтов, нарушающих психологическую безопасность трудового коллектива. Согласно К. Левину, впервые выделившему в середине 1930-х годов стили руководства, существуют три кардинально различающихся типа поведения руководителя – авторитарный, демократический и либеральный. Многочисленные исследования показали, что с точки зрения психологической безопасности наиболее благоприятным является демократический стиль руководства, при котором между субъектами труда взаимодействие осуществляется на межличностном уровне. Субъекты труда используют деловое демократическое общение, включающее умения выслушивать, понимать, убеждать, разъяснять, полемизировать, сохранять эмоциональное равновесие, предотвращать и разрешать конфликты конструктивным способом, достигать компромиссы.

Проведенное исследование показало, что около 73% сотрудников образовательной организации №1 оценивают психологическую атмосферу в коллективе на среднем уровне; около 23% отметили низкий уровень психологической атмосферы (комфортности). В образовательной организации №2 отмечены другие тенденции – почти все сотрудники (95%) оценили психологическую атмосферу в коллективе на высоком уровне; низкий уровень не был отмечен ни одним сотрудником (рис. 2).

Сравнительный анализ психологической атмосферы в образовательных организациях с применением критерия χ^2 – Пирсона («хи-квадрат») показал, что уровень благоприятной психологической атмосферы в образовательной организации №2 (с демократическим стилем руководства) достоверно выше уровня благоприятной психологической атмосферы в образовательной организации №1 (с авторитарным стилем руководства) ($\chi^2 = 34.017$, $p \leq 0,05$).

Проблема создания комфортной благоприятной психологической атмосферы организации тесно связана с вопросами взаимодействия человека с неблагоприятными условиями среды и личностными возможностями человека по их преодолению. В ряде исследований уста-

новлено, что именно психологическая безопасность является условием, обеспечивающим формирование и развитие функционального комфорта, поддержание высокого уровня личностно-эмоциональной защищенности и социально-психологической умелости, оптимизацию резервных возможностей личности в деятельности. Психологическая безопасность социальной среды образовательной организации может быть рассмотрена как результат психического отражения воздействия различных аспектов профессиональной деятельности, проявляющихся в социальном взаимодействии субъектов образования [1, 4, 6, 13, 16].

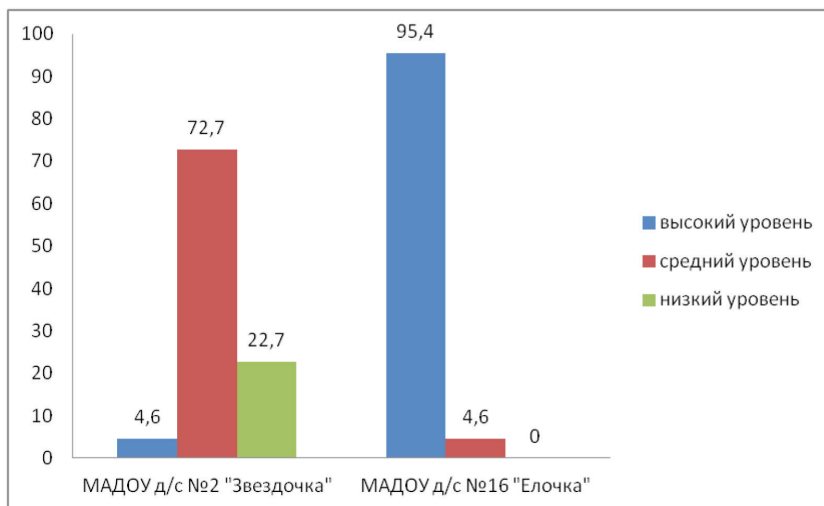

Рис. 2. Уровни благоприятной психологической атмосферы в образовательных организациях

Проведенное исследование показало, что сотрудники образовательной организации №1 на среднем уровне оценивают свою положительную групповую мотивацию. Большинство сотрудников (73%) образовательной организации №2 оценивают свою положительную групповую мотивацию на высоком уровне (рис. 3).

Сравнительный анализ положительной групповой мотивации сотрудников образовательных организаций с применением критерия χ^2 – Пирсона («хи-квадрат») показал, что положительная групповая

мотивация в образовательной организации №2 (с демократическим стилем руководства) достоверно выше положительной групповой мотивации образовательной организации №1 (с авторитарным стилем руководства) ($\chi^2 = 40.962, p \leq 0,01$).

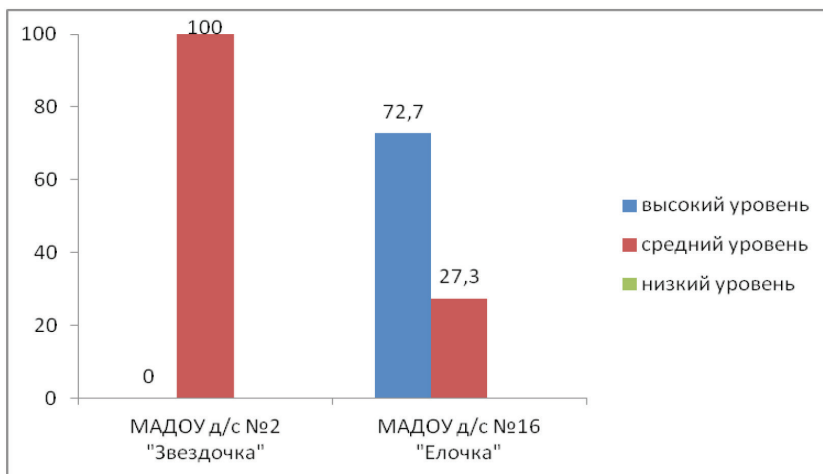

Рис. 3. Уровни положительной групповой мотивации сотрудников образовательных организаций

По мнению К. Клока и Дж. Голдсмита, успешность и эффективность управления организацией определяется степенью проникновения ценностей в повседневную жизнь трудового коллектива. Действительно, речь идет не о простом декларировании ценностей и понимании их значимости, а о реальном проявлении ценностей в поведенческих моделях. Принадлежа компании, сотрудник полагает ее ценности, цели, достижения, масштабы деятельности своими.

Основная цель деятельности руководителя – это эффективное управление работниками, формирование у них внутренних стимулов к активной трудовой деятельности. Бесспорно, что положительная профессиональная мотивация как у отдельных работников, так и у трудового коллектива (группы) в целом обеспечивает их высокую результативность, хорошие взаимоотношения как внутри группы, так и между руководителями и подчиненными.

С точки зрения обеспечения психологической безопасности необходима субъективная удовлетворенность своей работой каждого сотрудника. Каждый сотрудник, выполняя свои функциональные обязанности, наряду с обеспечением каких-то групповых, корпоративных интересов, удовлетворяет и личностно-значимые потребности (иметь определенный статус в организации, высокий уровень материального обеспечения, признание со стороны руководства и коллег и др.). Если работа позволяет удовлетворить эти потребности, то у сотрудника формируется положительный мотив к работе в организации, и он будет делать все от него зависящее, чтобы поддерживать свой статус в фирме. Наличие у сотрудников большого количества неудовлетворенных потребностей может быть источником угрозы для организации.

Положительная групповая мотивация способствует формированию у сотрудников референтной значимости и позитивной корпоративной идентичности. Идентификация с организацией побуждает сотрудника заботиться о благополучии и безопасности трудового коллектива. Непринятие сотрудником политики и культуры организации, равнодушие к ее интересам, разрушение внутриколлективных коммуникаций означает, что он потенциально опасен.

Проведенный корреляционный анализ с помощью метода ранговой корреляции Спирмена показал достоверно сильные ($p \leq 0,01$) корреляционные связи между стилем руководства в образовательной организации (демократическим или авторитарным), психологической атмосферой и групповой мотивацией (таблица 1).

Таблица 1.

Корреляционные связи между стилем руководства в образовательной организации, психологической атмосферой и групповой мотивацией

Стиль руководства	Благоприятная психологическая атмосфера	Положительная групповая мотивация
	Корреляции	
Авторитарный	- 0.717*	- 0.831*
Либеральный	- 0.197	- 0.072
Демократический	0.74*	0.84*

* Корреляция значима на уровне 0,01

Подводя итоги, можно констатировать, что в образовательной организации с демократическим стилем сотрудники чувствуют себя в большей психологической безопасности по сравнению с сотрудниками в образовательной организации с авторитарными стилем руководства.

Жесткая позиция руководителя вызывает тревогу и беспокойство у сотрудников, выраженную в неблагоприятной психологической атмосфере. Сотрудники в условиях авторитарного руководства в меньшей степени разделяют групповые ценности и мотивы, по сравнению с сотрудниками при демократическом руководстве. Таким образом, можно сделать вывод, что в образовательной организации стиль руководства выступает в роли средообразующего фактора, определяя состояние психологической безопасности сотрудников.

Показатели психологической безопасности социально-профессиональной группы и их отражение в характеристиках субъективного благополучия ее участников (сотрудников организации) служат направлениями для разработки программы по созданию психологической безопасности социальной среды организации. С точки зрения организационно-деятельностных детерминант корпоративной безопасности организации необходимо действовать в следующих направлениях:

- установление личностно-доверительного, демократического стиля взаимодействия в организации, как между сотрудниками, так и между руководителем и сотрудниками;
- укрепление идентификационных, ценностных оснований организации, приверженности интересам организации;
- превентивная забота о психологической атмосфере коллектива, предотвращение кризисов, конфликтов, напряженных ситуаций, профессиональных деформаций у сотрудников, коллектива, организации в целом;
- мониторинг динамического процесса по трансформации и ликвидации угроз корпоративной безопасности организации и его движущие силы.

Список литературы

1. Безопасная образовательная среда: психолого-педагогические основы формирования, сопровождения и оценки: монография / Под науч. ред. И.А. Бaeвой, С.В. Тарасова. СПб.: ЛОИРО, 2014. 269 с.
2. Беляев В.П., Валиев Н.Г., Халилу Х. Психология обеспечения корпоративной деятельности. Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2011. №4. С. 53–58.
3. Бусыгина И.С. Организационно-деятельностные компоненты корпоративной безопасности организации // Вестник Гуманитарного университета. 2013. № 1 (1). С. 13–18.
4. Варданын, Ю.В., Руськина Е.Н. Субъектная и компетентностная обусловленность развития психологической безопасности в системе образования // Интеграция образования. 2011. № 1. С. 79–82.
5. Деркач А.А., Бусыгина И.С. Методы и прикладные основания корпоративной безопасности организации: монография. М.: РАГС, 2009. 607 с.
6. Донцов А.И., Перелыгина Е.Б. Параметры образовательной среды в формате психологии безопасности // Человеческий капитал. 2014. № 7 (67). С. 4–7.
7. Донцов А.И., Зинченко Ю.П. Корпоративная безопасность в условиях глобализации. Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2011. №4. С. 12–16.
8. Киселева И.А., Симонович Н.Е. Экономическая и социально-психологическая безопасность предприятия. Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014 №5. С. 30–34.
9. Котик М.А. Психология и безопасность. Таллинн: Валгус, 1989. 447 с.
10. Кириченко А.В., Кучер С.А. Психолого-акмеологические основы построения системы безопасности современной коммерческой структуры // Акмеология. 2012. №1. С. 47–52.
11. Макеева А.Г. Сопровождение психологической безопасности социальной среды организации. Известия Российского государственного педагогического университета им. А.Г. Герцена. 2009 №112. С. 276–279.

12. Новиков С.В. Социально-психологические факторы безопасности организации. Вестник Тюменского государственного университета Гуманитарные исследования. *Humanitates*. 2008. №5. С. 118–127.
13. Ясвин В.А. Психологическое моделирование образовательной среды. Психологический журнал. 2000. №21(4). С. 79–88.
14. Dontsov A.I., Perelygina E.B. Tense situations and the significance of stability for psychological security // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2013. 6 (2), 20-31. doi: 10.11621/pir.2013.0202.
15. Edmondson A. Psychological safety and learning behavior in work teams // *Administrative Science Quarterly*. 1999, 44, 350–383.
16. Kislyakov P. A., Shmeleva E. A., Belyakova N. V., Romanova A. V. Threats to the social safety of educational environment in the Russian schools // *Ponte*. 2016. 72 (12), 355–363. doi: 10.21506/j.ponte.2016.12.28.
17. Perelygina E. B. Corporate Identity as a Factor of Corporate Security. *Psychology in Russia: State of the Art*. 2011. 4, 348–360. doi: 10.11621/pir.2011.0023.
18. Zinchenko Yu.P. Security Psychology as Social Systemic Phenomenon. *Psychology in Russia: State of the Art*. 2011, 4, 307–315. doi: 10.11621/pir.2011.0019.

References

1. *Bezopasnaya obrazovatel'naya sreda: psikhologo-pedagogicheskie osnovy formirovaniya, soprovozhdeniya i otsenki* [Safe educational environment: psychological and pedagogical bases of formation, support and assessment] / Ed. I.A. Baeva, S.V. Tarasov. Saint-Petersburg, 2014. 269 p.
2. Belyaev V.P., Valiev N.G., Khalilu Kh. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology], 2011, no. 4, pp. 53–58.
3. Busygina I.S. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the University for the Humanities], 2013, no. 1(1), pp. 13–18.
4. Vardanyan Yu.V., Ruskina E.N. *Integratsiya obrazovaniya* [Integration of education]. 2011, no. 1, pp. 79–82.

5. Derkach A.A., Busygina I.S. *Metody i prikladnye osnovaniya korporativnoy bezopasnosti organizatsii* [Methods and application the Foundation of the corporate security organization]. Moscow, 2010. 604 p.
6. Dontsov A.I., Perelygina E.B. *Chelovecheskiy kapital* [Human capital], 2014, no. 7 (67), pp. 4–7.
7. Dontsov A.I., Zinchenko Yu.P. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology], 2011, no. 4, pp. 12–16.
8. Kiseleva I.A., Simonovich N.E. *Natsionalnye interesy: priorityety i bezopasnost* [National interests: priorities and security], 2014, no. 5, pp. 30–34.
9. Kotik M.A. *Psikhologiya i bezopasnost* [Psychology and safety]. Tallinn: Valgus. 1989. 447 p.
10. Kucher S.A., Kirichenko A.V. *Akmeologiya* [Acmeology], 2012, no. 1, pp. 47–52.
11. Makeeva A.G. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science.], 2009, no. 112, pp. 276–279.
12. Novikov S.V. *Vestnik tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates* [Bulletin of the Tyumen state University of Humanitarian studies. Humanitatis], 2008, no. 5, pp. 118–127.
13. Yasvin V.A. *Psikhologicheskii Zhurnal* [Psychological journal], 2000, no. 21(4), pp. 79–88.
14. Dontsov A.I., Perelygina E.B. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2013, no. 6 (2), pp. 20–31. doi: 10.11621/pir.2013.0202.
15. Edmondson A. *Administrative Science Quarterly*, 1999, no. 44, pp. 350–383.
16. Kislyakov P.A., Shmeleva E.A., Belyakova N.V., Romanova A.V. *Ponte*, 2016, no. 72 (12), pp. 355–363. doi:10.21506/j.ponte.2016.12.28.
17. Perelygina E.B. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2011, no.4, pp. 348–360. doi: 10.11621/pir.2011.0023.
18. Zinchenko Yu.P. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2011, no. 4, pp. 307–315. doi: 10.11621/pir.2011.0019.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Кисляков Павел Александрович, заведующий кафедрой психологии труда и специальной психологии, доктор психологических наук, доцент

*Российский государственный социальный университет
ул. Лосиноостровская, 24, г. Москва, 107150, Российская Федерация pack.81@mail.ru*

Романова Анжела Валерьевна, доцент кафедры социальной, общей и клинической психологии, кандидат психологических наук, доцент
*Российский государственный социальный университет
ул. Лосиноостровская, 24, г. Москва, 107150, Российская Федерация angelina.rom@mail.ru*

Белякова Наталья Владимировна, доцент кафедры социальной, общей и клинической психологии, кандидат психологических наук, доцент
*Российский государственный социальный университет
ул. Лосиноостровская, 24, г. Москва, 107150, Российская Федерация nbelyakova@mail.ru*

Морозов Владимир Александрович, доцент кафедры социальной, общей и клинической психологии, кандидат психологических наук
*Российский государственный социальный университет
ул. Лосиноостровская, 24, г. Москва, 107150, Российская Федерация v_morozov58@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Kislyakov Pavel Aleksandrovich, Head of the Department of Labor Psychology and Special Psychology, Doctor in Psychology, Docent
*Russian State Social University
24, Losinoostrovskaya Str., Moscow, 107150, Russian Federation
pack.81@mail.ru
SPIN-code: 1375-5625*

ORCID: 0000-0003-1238-9183
ResearcherID: E-4701-2016
Scopus Author ID: 56348736600

Romanova Anzhela Valerievna, Associate Professor of the Department of Social, General and Clinical psychology, PhD in Psychology, Docent
Russian State Social University
24, Losinoostrovskaya Str., Moscow, 107150, Russian Federation
angelina.rom@mail.ru
SPIN-code: 7861-6990
Scopus Author ID: 57189492949

Belyakova Nataliya Vladimirovna, Associate Professor of the Department of Social, General and Clinical Psychology, PhD in Psychology, Docent
Russian State Social University
24, Losinoostrovskaya Str., Moscow, 107150, Russian Federation
nbelyakova@mail.ru
SPIN-code: 3115-6459
Scopus Author ID: 57130615100

Morozov Vladimir Aleksandrovich, Associate Professor of the Department of Social, General and Clinical psychology, PhD in Psychology
Russian State Social University
24, Losinoostrovskaya Str., Moscow, 107150, Russian Federation
v_morozov58@mail.ru
SPIN-code: 1486-7992
Scopus Author ID: 57189503019

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-4-157-171
УДК 159.922

СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАНИЯ И РОДИТЕЛЬСКОЕ ОТНОШЕНИЕ МАТЕРЕЙ ГИПЕРАКТИВНЫХ ДЕТЕЙ

Белозерова Л.А., Брагина Е.А.

Психолого-педагогическое сопровождение семьи гиперактивного ребенка, направленное на оптимизацию внутрисемейных отношений, должно опираться на понимание особенностей отношения к ребенку его матери и стиля его воспитания в семье.

***Цель:** исследование стилевых особенностей воспитания у матерей гиперактивных детей младшего школьного возраста и их связи с характеристиками материнского отношения к ребенку.*

***Метод или методология проведения работы.** В статье рассматриваются воспитательные установки матерей гиперактивных детей, полученные с помощью методики «Анализ семейных взаимоотношений» (Э.Г. Эйдемиллера, В.В. Юстицкиса), и особенности материнского отношения ребенку, выявленные в ходе опроса по методике «ОРО» (А.Я. Варга, В.В. Столина), в сопоставлении с аналогичными параметрами у матерей детей с нормативным поведением.*

***Результаты.** Исследование показало, что в группе матерей гиперактивных детей представлены преимущественно доминирующая гиперпротекция и эмоциональное отвержение ребенка, однако выявлен и случай сочетания гипопротекции с минимальными санкциями и наказаниями. Установлены достоверные различия по параметрам авторитарного контроля и отношения к неудачам ребенка в исследуемых группах матерей. Зафиксирована значимая связь показателей контроля и чрезмерности требований-запретов. Таким образом, матери детей с признаками гиперактивности по сравнению с матерями детей с нормативным поведением ведут*

себя по отношению к ребенку авторитарно, предъявляют к нему завышенные требования, используют чрезмерные запреты и санкции.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в психолого-педагогическом сопровождении семей гиперактивных детей.

Ключевые слова: гиперактивные дети; матери гиперактивных детей; контроль поведения; отношение к ребенку.

STYLISTIC FEATURES OF EDUCATION AND PARENTAL RELATION OF MOTHERS OF HYPERACTIVE CHILDREN

Belozerova L.A., Bragina E.A.

Psychological and pedagogical support of a hyperactive child's family aimed at optimizing of intra-family relations should be based on understanding of the mother-to-child attitude and the style of family education.

Purpose: *to study the style features of education of mothers of hyperactive children of primary school age and their relationship with the characteristics of the mother's attitude to the child.*

Methodology. *The article discusses the hyperactive children's mothers' educational attitudes obtained by the test "Analysis of family relationships" (E.G. Eidemiller, V.V. Justickis), and the characteristics of their maternal attitude to the child identified by the survey methodology "ORO" (A.Y. Varga, V.V. Stolin) in comparison with similar parameters in mothers of children with normative behavior.*

Results. *The article deals with the educational attitudes of mothers of hyperactive children and peculiarities of their mother's attitude to the child in comparison with similar parameters of mothers of children with normative behavior. It is shown that dominant hyperprotection and emotional rejection prevailed in the group of mothers of hyperactive children, however, the case with a combination of hypoprotection with minimal sanctions and penalties was also identified. Significant differences between the studied groups of mothers on the parameters of authoritarian control and the attitude to failures of the child were*

established. A significant relationship between control indicators and excessive requirements and prohibitions was marked. Thus, mothers of children with signs of hyperactivity, compared with mothers of children with normative behavior, behave authoritatively towards the child, impose excessive demands on him, use excessive prohibitions and sanctions.

Practical implications. *The results of the study can be used in psychological and pedagogical support of families with hyperactive children.*

Keywords: *hyperactive children; mothers of hyperactive children; behavior control; attitude towards the child.*

Введение

Гиперактивный ребенок создает серьезные трудности педагогам и в детском саду, и в школе и требует немало усилий, направленных на коррекцию его поведения, формирование произвольности, умения строить межличностные отношения со сверстниками и взрослыми и в целом – на обеспечение его адекватной социализации. Психолого-педагогическое сопровождение гиперактивного ребенка в образовательной организации предполагает понимание особенностей воспитания ребенка в семье и сотрудничество с его родителями. От того, насколько благополучно складываются детско-родительские отношения в семье гиперактивного ребенка, существенно зависит перспектива компенсации проявлений этого синдрома. Именно семья является «системообразующей детерминантой в социально-культурном статусе ребенка, предопределяющей его дальнейшее психофизическое и социальное развитие» [8, с. 7].

Несмотря на то, что вопросами коррекции поведения гиперактивного ребенка должен заниматься широкий круг специалистов – неврологов, психиатров, психологов, педагогов, большая роль в успешной социальной адаптации таких детей отводится родителям, так как улучшение состояния гиперактивного ребенка зависит не только от коррекционных мер, оказываемых профильными специалистами, но и от адекватного отношения к нему со стороны значимых взрослых [10, 13]. Иными словами, семья должна стать особой коррекционной средой для гиперактивного ребенка. Внутрисемей-

ные условия и, прежде всего, воспитательные установки родителей, должны быть сориентированы на оптимальное развитие ребенка с психофизиологическими особенностями. Для этого, с одной стороны, родителям гиперактивного ребенка необходимо осознавать, что особенности его поведения, проблемы произвольной регуляции порождены определенными недостатками в функционировании его нервной системы, а педагогам и психологам образовательного учреждения, с другой стороны, – понимать специфику воспитательных установок в его семье. Вместе тем особенности воспитательных установок в семьях гиперактивных детей на сегодняшний день изучены недостаточно.

Необходимость изучения воспитательных установок в семьях гиперактивных детей диктуется и тем, что синдром гиперактивности – одна из наиболее частых причин обращения за психологической помощью родителей в силу того, что это нарушение нередко порождает не только трудности в воспитании ребенка, является источником стресса родителей [11, 14], но и ведет к напряженности в отношениях между родителями, между гиперактивным ребенком и сверстниками [15]. Межличностные проблемы детей с СДВГ порождаются их импульсивностью, отсутствием самоконтроля связанной с этим высокой конфликтностью, двигательной расторможенностью, нередко – агрессивностью, которые и приводят к социальной дезадаптации [3, 9, 14]. Вследствие своей импульсивности гиперактивные дети склонны к девиантному поведению, особенно в подростковом возрасте.

Родители гиперактивного ребенка нередко не понимают специфику болезненной основы его поведения, рассматривая его как «непослушание». Испытывая, как правило, трудности при взаимодействии со своими детьми, они либо жесткими мерами борются с «непослушанием», либо предоставляют ребенку полную свободу действий, снимая с себя ответственность за его поведение [2]. Оба варианта неблагоприятны для психического развития гиперактивного ребенка. Неадекватность воспитания ведет к нарушениям детско-родительских отношений в семьях с такими детьми, повышает

вероятность того, что ребенок вырастет агрессивным, жестоким или социально неприспособленным. В свою очередь, нарушение детско-родительских отношений в семье гиперактивного ребенка создает дополнительные трудности в психолого-педагогической коррекции его поведения в школе, затрудняя адекватный контакт родителей с педагогами [6].

В нашем исследовании мы поставили **цель**: исследование стилевых особенностей воспитания у матерей гиперактивных детей младшего школьного возраста и их связи с характеристиками материнского отношения к ребенку. Мы исходили из предположения, согласно которому воспитательные установки матерей гиперактивных детей имеют некоторые особенности по сравнению с воспитательными установками матерей детей с нормативным поведением того же возраста.

Материалы и методы

Исследование проводилось на учащихся начальных классов, средний возраст которых составил 8,5 лет. В качестве первичного метода для выявления детей с признаками гиперактивности использовался сбор анамнестических данных на основе анализа медицинских карт, беседы с классными руководителями детей, задействованных в исследовании, школьным педагогом-психологом. Так же для уточнения выборки детей с признаками гиперактивности были использованы «Анкета для родителей» и «Анкета для педагогов» [2], разработанные И.П. Брызгуновым и Е.В. Касатиковой на основе общепринятых диагностических критериев СДВГ. Для оценки параметров родительских воспитательных установок были применены методики «АСВ» – опросник «Анализ семейных взаимоотношений» Э.Г. Эйдемиллера и В.В. Юстицкиса и теста-опросника родительского отношения («ОРО») А.Я. Варги – В.В. Столина [5]. Оценка достоверности различий между изучаемыми показателями была выполнена с помощью критерия Манна-Уитни. Для выяснения связи между показателями методик «АСВ» и «ОРО» был применен коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты и обсуждение

По результатам анкетирования родителей и педагогов и анализа анамнестических данных было выявлено 8 детей с признаками гиперактивности. Они составили первую выборку. У 10 детей признаков гиперактивности, нарушения внимания и поведения не обнаружено (вторая выборка), а большинство детей (28 человек) имеют различные проявления нарушений поведения, которые могут быть объяснены особенностями темперамента, характера, семейного воспитания, действием психогенных факторов.

Особенности родительских установок в воспитании детей анализировались по первым 11 шкалам опросника «АСВ» (см. Таблица 1), поскольку они отражают отдельные особенности семейного воспитания. В исследовании приняли участие матери детей.

Таблица 1.

Результаты опроса матерей по методике «АСВ»

Шкалы	Матери детей с нормативным поведением	Матери детей с признаками гиперактивности	Критическое значение по шкале
Гиперпротекция (Г+)	5,1	5,5	7
Гипопротекция (Г-)	2,8	3,7	8
Потворствование (У+)	4,5	3,5	8
Игнорирование потребностей ребенка (У-)	1	1,3	4
Чрезмерность требований-обязанностей ребенка (Т+)	1,4	3,8*	4
Недостаточность требований-обязанностей ребенка (Т-)	2,3	2,2	4
Чрезмерность требований-запретов (З+)	2	3,7*	4
Недостаточность требований-запретов (З-)	1,5	2,3	3
Чрезмерность санкций (С+)	1,3	3,8*	4
Минимальность санкций (С-)	3,3	2,8	4
Неустойчивость стиля воспитания	1,6	2,7	5

Примечание: * – различия между показателями матерей детей с нормативным поведением и матерей детей с признаками гиперактивности статистически значимы ($p \leq 0,01$).

Результаты матерей детей без признаков гиперактивности по данной методике выявляют у четырех матерей из десяти завышенные показатели по шкале «Гиперпротекция», что свидетельствует о чрезмерно высокой значимости для них воспитания ребенка, которому они готовы уделять много времени и сил. У двоих матерей этой группы обнаружено завышение показателей по шкале «Недостаточность требований-обязанностей ребенка». Эти же матери имеют высокие показатели по шкале «Недостаточность требований-запретов» что говорит о том, что их дети в семье имеют минимум обязанностей: родители транслируют своему ребенку представление о том, что ему «все можно», запреты существуют для того, чтобы их нарушать, наказания не применяются. Трое из десяти матерей склонны обходиться без наказаний или применять их крайне редко, используя поощрение, как более эффективный метод воспитания.

В ходе обследования матерей детей с гиперактивностью по методике «АСВ» было установлено, что у двух из них наблюдается завышенные значения по шкале «Гиперпротекция». Шесть матерей предъявляют завышенные, не соответствующие возможностям ребенка требования к своим детям, ограничивая их свободу и самостоятельность, многое запрещают детям, подавляют их активность, о чем свидетельствуют высокие значения по шкалам «Чрезмерность требований, обязанностей» и «Чрезмерность требований-запретов». Результаты этих же матерей детей с признаками гиперактивности обнаружили завышенные значения показателя шкалы «Чрезмерность санкций» (С+), что может свидетельствовать о строгих наказаниях и даже возможном жестоком обращении с ребенком. Для любого ребенка, а тем более – гиперактивного, такое воспитание является одним из наиболее неблагоприятных, однако встречается оно нередко. По мнению И.П. Брызгунова и Е.В. Касатиковой, такой стиль родительского отношения недостаточно эффективен в воспитании гиперактивного ребенка, поскольку эти дети малочувствительны к наказаниям и гораздо охотнее идут навстречу, если их хвалить и поощрять [2]. Более того, подобное отношение к гиперактивному ребенку в силу его импульсивности и конфликтности с

высокой вероятностью может вести к протестному поведению [11, 13], вызывающему, в свою очередь, дополнительные родительские санкции. Образуется «порочный круг», результатом которого может быть девиантное поведение и даже патохарактерологическое формирование личности ребенка. Результаты опроса показали, что две матери гиперактивных детей продемонстрировали позицию, противоположную описанной выше (шкала «Недостаточность требований-запретов» и шкала «Минимальность санкций»). Они многое разрешают своему ребенку и не наказывают его. Только одна мать этой группы не использует (или почти не использует) наказания, стремясь больше поощрять хорошие поступки ребенка.

В группе матерей детей с признаками гиперактивности, таким образом, представлены преимущественно доминирующая гиперпротекция (Г+, Т+, З+, С+/-) и эмоциональное отвержение с признаками жесткого обращения (Т+, З+, С+). Такие стилевые характеристики воспитания не только не способствуют развитию личности ребенка, но, напротив, ставят его под угрозу. Однако, как отмечено выше, была обнаружена и противоположная родительская позиция (Г-, С-), не менее неблагоприятная для развития ребенка, не формирующая у него способности к саморегуляции и самоконтролю, не вырабатывающая понимание приемлемого и неприемлемого поведения.

Сравнительный анализ различий показателей стилевых особенностей воспитания у матерей детей с признаками гиперактивности и матерей детей с нормативным поведением по методике «АСВ» показывает, что значимые различия между выборками отмечаются по шкалам «Чрезмерность требований», «Чрезмерность требований-запретов» и «Чрезмерность санкций». В семьях детей с признаками гиперактивности чрезмерная требовательность в воспитании выражена больше, чем в семьях детей с нормативным поведением. Таким образом, матери гиперактивных детей берут на себя функцию регуляции и контроля поведения своего ребенка, полагая, что их ребенок с саморегуляцией не справляется. Наши результаты подтверждают данные Кошелевой А.Д. и Алексеевой Л.С., согласно которым во многих семьях гиперактивные дети находятся под строжайшим контролем

матерей, предъявляющим к ним завышенные требования, подавляющим их стремление к независимости и самостоятельности. Матери, контролируя, дают одни лишь указания, но недостаточно ласковы к детям – мало поощряют и хвалят их [4]. Этот вывод соответствует установленному в нашем исследовании факту большей выраженности параметра чрезмерности санкций в воспитании гиперактивных детей.

Наши результаты подтверждают данные Абшилавы Э.Ф. [1], Сабурова В.В. [6], Труфановой Г.К. [9] и Johnston С., Mash E.J. [12], в которых отмечается нарушение отношений и процесса воспитания в семьях, имеющих детей с СДВГ, в частности, в виде игнорирования потребностей ребенка, чрезмерности требований и запретов, санкций, эмоциональном отвержении и жестоком обращении. Такое семейное окружение не компенсирует у ребенка проявления гиперактивности, а напротив, провоцирует наращивание отклонений в личностном развитии и способствует возникновению вторичных дефектов.

Результаты применения опросника «АСВ» были дополнены данными, полученными на основе методики Варги А.Я. – Столина В.В. и представленными в таблице 2.

Таблица 2.

Результаты методики «ОРО» Варги А.Я. – Столина В.В.

Шкалы	Матери детей с нормативным поведением	Средние значения показателей матерей детей с признаками гиперактивности
Принятие/отвержение	24,8	20,6**
Кооперация	6,25	3,6**
Симбиоз	4,1	3
Авторитарный контроль	3,4	5,75*
Отношение к неудачам ребенка	3,5	5,8*

Примечание: * – различия между показателями матерей детей с нормативным поведением и матерей детей с признаками гиперактивности статистически значимы $p \leq 0,01$; ** – $p \leq 0,05$.

Результаты анализа показателей «ОРО» фиксируют высоко значимые различия между матерями гиперактивных детей и матерями

детей с нормативным поведением только по шкалам «Авторитарный контроль» и «Отношение к неудачам ребенка» и менее выраженные различия по шкалам «Кооперация» и «Принятия-отвержения».

Коэффициент ранговой корреляции Спирмена оказался значимым в группе матерей детей с гиперактивностью только для показателя «Контроля» в методике «ОРО», с одной стороны, и показателя «Чрезмерные требования-запреты» в методике «АСВ», – с другой ($r = 0,76$, $p \leq 0,05$). Довольно высокие, хотя и не значимые, значения коэффициента корреляции Спирмена в этой группе матерей получены для показателей «Контроль» – «Чрезмерные требования-обязанности», показателей «Принятие-отвержение» – «Чрезмерные требования-запреты», показателей «Отношение к неудачам» – «Чрезмерные требования-запреты», показателей «Отношение к неудачам» – «Чрезмерные требования-обязанности» ($r = 0,57$, $r = -0,59$, $r = 0,49$, $r = 0,52$ соответственно). В группе матерей детей с нормативным поведением наиболее высокие значения коэффициентов корреляции Спирмена получены для показателей «Кооперация» – «Гиперпротекция» ($r = 0,56$) и «Принятие-отвержение» – «Чрезмерность санкций» ($r = -0,62$).

Связь показателей авторитарного контроля, степени принятия ребенка и чрезмерных запретов представляется достаточно очевидной. По сути, авторитарный контроль и чрезмерные запреты – это различные проявления стремления родителей ограничить самостоятельность и независимость своего ребенка, поведение которого их раздражает и которого они к тому же считают «маленьким неудачником». В случае гиперактивного ребенка эти материнские установки во многом порождены теми особенностями его поведения, настоящую природу которых мать не понимает и, которые вызывают осуждение окружающих, досаждают ей самой и побуждают ее активное стремление их изменить. Однако результатом такого отношения к ребенку становится рост напряжения в семейных отношениях, а главное – прямо противоположный эффект: чем сильнее жесткие запреты, тем большее внутреннее напряжение испытывает ребенок, тем чаще срывы, поведенческие нарушения, в том числе – невротические реакции.

Заключение

Подводя итог, отметим, что результаты нашего исследования подтвердили, что матери детей с признаками гиперактивности по сравнению с матерями детей с нормативным поведением ведут себя по отношению к ребенку авторитарно, предъявляют к нему завышенные требования, используют чрезмерные запреты и санкции и в меньшей степени склонны принимать его особенности и уважать его индивидуальность. По-видимому, детская гиперактивность приводит к тому, что родители, стремясь компенсировать недостаточно развитые у их детей функции саморегуляции, контроля в поведении, берут часть этих функций на себя. Однако завышенные требования, ограничения и запреты родителей способствуют невротизации ребенка, росту у него внутреннего напряжения и усилению симптоматики, социальной дезадаптации. Эти процессы взаимодействуют, усиливая друг друга и углубляя нарушение отношений матери и ребенка. Между тем, как уже было отмечено, от того, насколько благополучно складываются детско-родительские отношения в семье гиперактивного ребенка, в существенной степени зависит перспектива компенсации синдрома гиперактивности [7]. Таким образом, в консультировании родителей ребенка с гиперактивностью необходимо ориентировать их на понимание природы нарушений его поведения, помочь им различать последовательные адекватные его особенностям требования и ограничения и строгий контроль за его жизнью. Родителям важно осознать, что любому ребенку, а тем более – гиперактивному, необходимо пространство для проявления самостоятельности и независимости. Следовательно, диагностика и коррекция детско-родительских отношений должна быть первоочередной задачей в психолого-медико-педагогическом сопровождении гиперактивных детей.

Список литературы

1. Абшилава Э.Ф. Комплексная многоуровневая коррекционная помощь детям младшего школьного возраста с синдромом дефицита внимания и гиперактивности // Педагогическое образование в России. 2017. № 7. С. 96–102.

2. Брызгунов И.П., Касатикова Е.В. Непоседливый ребенок, или Все о гиперактивных детях. М.: Психотерапия, 2008. 208 с.
3. Князева Т.Н., Сидорова Е.В. Динамика стратегий поведения детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивности // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=18347> (дата обращения: 02.04.2018).
4. Кошелева А.Д., Алексеева Л.С. Диагностика и коррекция гиперактивности ребенка. М.: НИИ семьи, 1997. 62 с.
5. Олифиревич Н.И., Зинкевич-Куземкина Т.А., Велента Т.Ф. Психология семейных кризисов. СПб.: Речь, 2006. 360 с.
6. Сабуров В.В. Педагогические проблемы родителей, воспитывающих детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью // Специальное образование. 2009. № 4. С. 49–58.
7. Семакова Е.В. Развитие младшего школьника с синдромом гиперактивности и дефицита внимания в условиях влияния факторов ближайшего окружения // Вестник ТГУ. 2011. № 7. С. 114–118.
8. Ткачева В.В. Семья ребенка с ограниченными возможностями здоровья: диагностика и консультирование. М.: Национальный книжный центр, 2014. 152 с.
9. Труфанова Г.К. Проблема межличностных отношений у детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью // Специальное образование. 2014. № 2. С. 50–56.
10. Шевченко Ю.С. Коррекция поведения ребенка с гиперактивностью и психопатоподобными нарушениями. Практическое руководство для врачей и психологов. М.: Вита-Пресс, 1997. 52 с.
11. Deault L.C. A systematic review of parenting in relation to the development of comorbidities and functional impairments in children with attention-deficit/hyperactivity disorder (ADHD) // Child Psychiatry & Human Development . 2010. Vol. 41. № 2, pp. 168–192.
12. Johnston C., Mash E.J. Families of children with attention-deficit/hyperactivity disorder: review and recommendations for future // Research Clinical Child and Family Psychology Review. 2001. Vol. 4. № 3, pp. 183–207.

13. Johston C., Jassy J.S. Attention-deficit/hyperactivity disorder and oppositional/conduct problems: links to parent-child interactions // Journal of the Canadian Academy of Child and Adolescent Psychiatry. 2007. Vol. 16. № 2, pp. 74–79.
14. Preschool children with attention-deficit/hyperactivity disorder: impairments in behavioral, social, and school functioning / DuPaul G.J., McGoyey K.E., Eckert T.L., VanBrakle J. // Journal of the Canadian Academy of Child and Adolescent Psychiatry. 2001. Vol. 40. № 5, pp. 508–515.
15. What aspects of peer relationships are impaired in children with attention-deficit/hyperactivity disorder? / Hoza B., Mrug S., Gerdes A.C., Hinshaw S.P., Bukowski W.M., Gold J.A., Kramer H.C., Pelham Jr., William E., Wigal T., Arnold L.E. // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 2005. Vol. 73. № 3, pp. 411–423.

References

1. Abshilava E.F. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 2017, no. 7, pp. 96–102.
2. Bryazgunov I.P., Kasatikova E.V. *Neposedlivyy rebenok, ili Vse o giperaktivnykh detyakh* [Restless child, or All about hyperactive children]. M.: Psikhoterapiya, 2008, 208 p.
3. Knyazeva T.N., Sidorova E.V. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*, 2015, no 1-1. <http://science-education.ru/ru/article/view?id=18347> (accessed April 02, 2018).
4. Kosheleva A.D., Alekseeva L.S. *Diagnostika i korrektsiya giperaktivnosti rebenka* [Diagnosis and correction of hyperactivity of the child]. M.: NII sem'i, 1997, 62 p.
5. Olifirovich N.I., Zinkevich-Kuzemkina T.A., Velenta T.F. *Psikhologiya semejnykh krizisov* [Psychology of family crises]. SPb.: Rech', 2006, 360 p.
6. Saburov V.V. *Spetsial'noe obrazovanie*, 2009, no 4, pp. 49–58.
7. Semakova E.V. *Vestnik TGU*, 2011, no. 7, pp. 114–118.
8. Tkacheva V.V. *Sem'ya rebenka s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya: diagnostika i konsul'tirovanie* [Family of a child with disabilities: diagnosis and counseling]. M.: Natsional'nyj knizhnyj tsentr, 2014, 152 p.
9. Trufanova G.K. *Spetsial'noe obrazovanie*, 2014, no 2, pp. 50–56.

10. Shevchenko Yu.S. *Korreksiya povedeniya rebenka s giperaktivnost'yu i psixopatopodobnymi narusheniyami. Prakticheskoe rukovodstvo dlya vrachej i psixologov* [Correction of the child's behavior with hyperactivity and psychopathic disorders. A practical guide for doctors and psychologists], M.: Vita-Press, 1997, 52 p.
11. Deault L.C. *Child Psychiatry & Human Development*, 2010, vol. 41, no. 2, pp. 168–192.
12. Johnston C., Mash E.J. *Research Clinical Child and Family Psychology Review*, 2001, vol. 4, no 3, pp. 183–207.
13. Johnston C., Jassy J.S. *Journal of the Canadian Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 2007, vol. 16, no. 2, pp. 74–79.
14. DuPaul G.J., McGoey K.E., Eckert T.L., VanBrakle J. *Journal of the Canadian Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 2001, vol. 40, no. 5, pp. 508–515.
15. Hoza B., Mrug S., Gerdes A.C., Hinshaw S.P., Bukowski W.M., Gold J.A., Kramer H.C., Pelham Jr., William E., Wigal T., Arnold L.E. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 2005, vol. 73, no. 3, pp. 411–423.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Белозерова Лилия Алмазовна, доцент кафедры психологии, кандидат биологических наук
ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова»
пл. 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, 4, г. Ульяновск,
432700, Российская Федерация
bla-130880@yandex.ru

Брагина Елена Александровна, доцент кафедры психологии, кандидат психологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова»
пл. 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, 4, г. Ульяновск,
432700, Российская Федерация
bragina24@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Belozerova Liliya Almazovna, Associate Professor of Psychology, Candidate of Biological Sciences

*Ulyanovsk state pedagogical university named I.N. Ulyanov
4, Area of 100 anniversary of the birth of V.I. Lenin, Ulyanovsk,
432700, Russian Federation
BLA-130880@yandex.ru*

Bragina Elena Aleksandrovna, Associate Professor of Psychology, Candidate of Psychological Science, Docent

*Ulyanovsk state pedagogical university named I.N. Ulyanov
4, Area of 100 anniversary of the birth of V.I. Lenin, Ulyanovsk,
432700, Russian Federation
bragina24@mail.ru*

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://ej.soc-journal.ru/submissions.html>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области психологии и педагогики, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

- 1. Введение.**
- 2. Цель работы.**
- 3. Материалы и методы исследования.**
- 4. Результаты исследования и их обсуждение.**
- 5. Заключение.**
- 6. Информация о конфликте интересов.**
- 7. Информация о спонсорстве.**
- 8. Благодарности.**

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://ej.soc-journal.ru/en/submissions.html>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of psychology and pedagogy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

**DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES**

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

- 1. Introduction.**
- 2. Objective.**
- 3. Materials and methods.**
- 4. Results of the research and Discussion.**
- 5. Conclusion.**
- 6. Conflict of interest information.**
- 7. Sponsorship information.**
- 8. Acknowledgments.**

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ПРЕДПОЧТЕНИЕ СТИЛЕВОГО ОФОРМЛЕНИЯ КОМНАТЫ В СВЯЗИ С ЛИЧНОСТНЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ У ЖЕНЩИН Кузнецова И.В., Юмкина Е.А., Доминяк В.И., Казанцева Т.В.	5
СПЛЕТНИЧАНИЕ КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК: ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ Горбатов Д.С., Байчик А.В.	22
СВЯЗЬ АМБИЦИОЗНОСТИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК Валиуллина Г.Г., Романова О.В.	35
РАЗВИТИЕ КОМПОНЕНТОВ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА ОПЕРАТОРОВ КОНТАКТНОГО ЦЕНТРА Судакова Е.Н.	49
ОСОБЕННОСТИ ПРИТЯЗАНИЙ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА Смоловик О.В., Шутова Н.В.	64
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ ЭРИКСОНОВСКОЙ ГИПНОТЕРАПИИ В КОСМЕТОЛОГИИ НА ПРИМЕРЕ ПРОЦЕДУРЫ СКУЛЬПТУРНОГО МАССАЖА ЛИЦА ПО ТИБЕТСКОЙ ТЕХНИКЕ Мальцева Т.В., Казакова П.О., Казаков А.А.	76
ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ОСОЗНАННОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ ПРОИЗВОЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ И УРОВНЯ СУБЪЕКТИВНОГО КОНТРОЛЯ У СТУДЕНТОВ – БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ Зобнина Т.В., Кислякова Л.П.	88

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВНЕШНЕЙ МОТИВАЦИИ Борисова И.И.	103
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОЛЬЗЫ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ Дондокова Б.Б.	119
ВЛИЯНИЕ СТИЛЯ РУКОВОДСТВА НА ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ СОТРУДНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ Кисляков П.А., Романова А.В., Белякова Н.В., Морозов А.В.	138
СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАНИЯ И РОДИТЕЛЬСКОЕ ОТНОШЕНИЕ МАТЕРЕЙ ГИПЕРАКТИВНЫХ ДЕТЕЙ Белозерова Л.А., Брагина Е.А.	157
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	172

CONTENTS

PSYCHOLOGICAL STUDIES

INTERIOR STYLE PREFERENCE AND PERSONALITY CHARACTERISTICS OF WOMEN Kuznetsova I.V., Yumkina E.A., Dominyak V.I., Kazantseva T.V.	5
GOSSIPING AS A SUBJECT OF STUDY IN SOCIAL SCIENCES: THE MAIN THEORETICAL APPROACHES Gorbatov D.S., Baichik A.V.	22
THE LINKS BETWEEN PERSONAL AMBITIOUSNESS AND PROFESSIONAL ORIENTATION OF ADOLESCENT MALES AND FEMALES Valiullina G.G., Romanova O.V.	35
THE PROBABILITY OF THE DEVELOPMENT OF CALL CENTER OPERATOR'S EMOTIONAL INTELLIGENCE Sudakova E.N.	49
FEATURES OF STUDENTS' ASPIRATIONS IN THE PROCESS OF STUDYING A FOREIGN LANGUAGE Смоловик О.В., Шутова Н.В.	64
THE USE OF ERIKSON HYPNOTHERAPY METHODS IN COSMETOLOGY ON THE EXAMPLE OF THE PROCEDURE OF SCULPTURE FACE MASSAGE BY TIBETAN TECHNIQUE Maltseva T.V., Kazakova P.O., Kazakov A.A.	76
STUDY OF THE INTERRELATIONSHIP OF CONSCIOUS SELF-CONTROL ARBITRARY ACTIVITY AND THE LEVEL OF SUBJECTIVE CONTROL OF STUDENTS-FUTURE EDUCATORS Zobnina T.V., Kisljakova L.P.	88

THE PSYCHOLOGICAL CONDITIONS OF EFFICIENCY OF EXTERNAL MOTIVATION Borisova I.I.	103
INSTITUTIONALIZATION OF PUBLIC BENEFIT ORGANIZATIONS: METHODOLOGICAL APPROACHES Dondokova B.B.	119
THE INFLUENCE OF LEADERSHIP STYLE ON PSYCHOLOGICAL SAFETY OF EMPLOYEES OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS Kislyakov P.A., Romanova A.V., Belyakova N.V., Morozov V.A.	138
STYLISTIC FEATURES OF EDUCATION AND PARENTAL RELATION OF MOTHERS OF HYPERACTIVE CHILDREN Belozerova L.A., Bragina E.A.	157
RULES FOR AUTHORS	172

ДОСТУП К ЖУРНАЛУ

Доступ ко всем номерам журнала – постоянный, свободный и бесплатный.
Каждый номер содержится в едином файле PDF.

OPEN ACCESS POLICY

All issues of the Russian Journal of Education and Psychology
are always open and free access.

Each entire issue is downloadable as a single PDF file.

<http://ej.soc-journal.ru/>

Подписано в печать 27.04.2018. Дата выхода в свет 25.05.2018. Формат
60x84/16. Усл. печ. л. 12,82. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP94/018.
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство
«Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27
стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.